О. Л. Губарев



РЮРИК СКЪЁЛЬДУНГ

е в р а з и я


ЕВРАЗИЯ

О. Л. Губарев

РЮРИК СКЬЁЛЬДУНГ



Санкт-Петербург
2019

ББК 63.3(0)4
УДК 94(48).021/94(47).021
Г 93

Г 93 **Губарев О. Л.**
Рюрик Скьёльдунг. — СПб.: Евразия, 2019. — 320 с., ил.

ISBN 978-5-8071-0429-8

О первом князе Руси Рюрике из летописей мы знаем очень немного. Рюрик в «Повести временных лет» является легендарной личностью. Но главное в летописи все же сказано: согласно летописи, Рюрик «со всей русью» пришел из-за моря, то есть с Запада. Поэтому неудивительно, что историки еще в XIX веке начали поиски такой исторической фигуры на Западе, которую можно было бы связать с Рюриком. На эту роль, по мнению очень многих историков, подходит вождь норманнов Рёрик Фрисландский.

Гипотеза о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского позволяет ответить на большинство вопросов и многое объяснить. В пользу данной идеи пока существуют в основном косвенные аргументы, но только эта гипотеза подтверждается археологическими находками в Старой Ладоге, куда, судя по всему, и пришел Рюрик со своими «фризскими данами».

ББК 63.3(0)4
УДК 94(48).021/94(47).021

ISBN 978-5-8071-0429-8

В случае правильности этой концепции
Рюрик, упоминаемый летописями,
превратился бы в конкретную
историческую личность.

Генрих Ловмянский
«О тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского»

Посвящается моим родителям —
Губареву Льву Максимовичу
и Губаревой Ольге Назаровне

Благодарности

Хочу выразить свою горячую признательность и благодарность моему другу, учителю и научному руководителю Л. С. Клейну за ценные советы и критику, М. В. Елиферовой, редактору исторического электронного журнала Valla, за поддержку и возможность публикации спорных гипотез, Е. В. Галич, работнику Библиотеки Академии наук, чья помощь в доступе к источникам была незаменимой, а также всем коллегам, историкам и археологам, чьи советы и критика помогали в работе над статьями, легшими в основу этой книги. И особая благодарность научному сайту Academia.edu, поддерживающему свободу обмена научной информацией, без чего не может существовать современная наука.

Предисловие
Л. С. Клейн. Исследование европейских корней Рюрика

И десяти лет не прошло со времени выхода авторитетной книги московского историка Е. В. Пчелова «Рюрик»[1], и вот уже выходит новое исследование о родоначальнике первой русской династии – исходном персонаже русской государственности и одной из самых загадочных фигур древней русской истории. Это новое исследование – «Рюрик Скьёльдунг» О. Л. Губарева. У Пчелова было показано, что отделить в наших знаниях об этой фигуре легендарные сведения (полумифические, переданные устной традицией) от реальных данных чрезвычайно сложно. Новое издание на ту же тему потребовалось потому, что его автор заметно продвинулся по пути преодоления этого разрыва и, проработав заново разноязычные источники, сумел объединить скудные и туманные легендарные летописные сведения о князе Рюрике с весьма реальной фигурой европейской истории – конунгом Рёриком (Хрёдриком) Фрисландским из датской династии Скьёльдунгов с древними европейскими корнями.

---

[1] *Пчелов Е. В.* Рюрик. М.: Молодая Гвардия, 2010 (ЖЗЛ. Вып. 1477).

Гипотеза об этом была выдвинута давно (ее авторы — русско-немецкий ученый первой половины XIX века Ф. Крузе и белоэмигрант из Кондаковского семинара 1920-х годов Н. Т. Беляев). Однако она долго оставалась хоть и заманчивой, но слабо обоснованной. Аргументы, делающие ее гораздо более реалистичной, однако, нашлись. Эти аргументы разыскал пожилой питерский историк Олег Львович Губарев в результате детальной и дотошной работы с иноязычными источниками и археологическими памятниками, к этому времени раскопанными.

Олег Львович Губарев интересовался истоками Древней Руси с детства, со школьных лет. Посещая кружок школьников при кафедре археологии Ленинградского университета, он приобщался к традиционному для петербургской исторической школы (хотя тогда и чуждому официальной советской науке) признанию разноэтничности корней русской государственности, скептическому отношению к антинорманистским выпадам. Однако по окончании школы по настоянию родителей поступил не на истфак, а в судостроительный вуз. Став инженером-судостроителем, он развивал свою увлеченность наукой и выпустил несколько книг по судостроению. Но не оставлял и увлеченность историей, следил за исторической литературой, много читал. А выйдя на пенсию, вернулся к изучению проблем древнерусской истории и втянулся всерьез в это дело.

Пригодились и навыки инженера-судостроителя — тяга к объективной оценке данных, к преодолению субъективных искушений, к полноте охвата материала. Ведь для инженера отклонение от

объективной оценки, упущение или игнорирование каких-то деталей чревато аварией, катастрофой. Этот подход оказался полезным и в исторической науке — он укрепил позиции Губарева в скептическом отношении к разнообразным отклонениям от объективного научного рассмотрения, к антинорманизму в том числе.

Его выступления на конференциях по средневековой истории привлекли внимание историков, его статьи вскоре стали появляться в профессиональных исторических и археологических журналах. Во втором десятилетии нового века он разыскал, подготовил и в 2018 году издал в виде книги затерянную рукопись прославленного нарушителя советской исторической догматики Андрея Амальрика «Норманны и Киевская Русь»[2]. Более половины книги составляют комментарии Губарева и его критическое рассмотрение проблематики книги.

Новый труд Губарева представляет вниманию читателей собранные им аргументы отождествления летописного Рюрика с Рёриком Фрисландским из династии Скьёльдунгов. Это тщательно подобранные факты, подтверждающие связи Рёрика и его норманнов с Фрисландией, связи руси с Фрисландией и Испанией, связи Фрисландии с восточнославянскими областями, анализ потрясающего сходства курганных погребений вождей из династии Скьёльдунгов в Дании с приладожскими погребениями в Плакуне. Новое значение приобретают установленные

---

[2] *Амальрик А. А.* Норманны и Киевская Русь / Научная публикация, предисловие и комментарии О. Л. Губарева. М.: НЛО, 2018.

Губаревым и другими историками аналогии между ритуалами ранней государственности датских норманнов при их контактах с Франкской империей и обрядами восточных славян (клятвы на оружии, формулы обетов), сходные формы сбора дани, такие как полюдье и др.

Конечно, это очередной удар по хиреющим антинорманистским позициям, с которыми у Губарева старая конфронтация. Упрочение связей Рюрика с Данией и Фрисландией означает укрепление связей норманнов с восточнославянской историей, а также поясняет усвоение восточными славянами некоторых традиций франкской государственности через посредство норманнов.

Перед нами серьезное исследование, которое предлагает не только новые аспекты старых гипотез, но и новые доказательства.

От автора

Гипотезы не появляются без нужды, они появляются тогда, когда в них чувствуется необходимость. Иначе это не гипотезы, а догадки, лишние сущности, срезаемые «бритвой Оккама». Что, собственно, и происходит с гипотезами, альтернативными скандинавской, которые без всякой на то необходимости выдвигают антинорманисты. Скандинавская гипотеза происхождения Руси объясняет очень многое. Но при этом данная гипотеза не может объяснить некоторые сообщения источников, не может ответить на некоторые упорно повторяющиеся вопросы. Поэтому ясно, что новые гипотезы, отвечающие на спорные вопросы, должны лежать в русле скандинавской, дополняя и развивая ее.

Существуют и определенные методологические трудности, отмечаемые историками, работающими с латинскими манускриптами раннего Средневековья. Варианты написания одного имени в разных списках франкских анналов могут значительно отличаться, и в то же время написание имен разных исторических фигур может быть весьма сходным. Поэтому требуется особая осторожность в работе с переводами латинских рукописей. Актуальным для данного исследования примером может служить сходное написание имени вождя норманнов Рёрика

и королей Ютландии Хорика I и Хорика II, которое может привести (и приводило) к неправильному пониманию текстов при переводе.

В данную книгу вошли идеи и гипотезы, которые я ранее опубликовал в ряде статей в научных журналах «Valla», «Stratum Plus» и в сборниках «Скандинавские чтения» и «Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии». Независимо от меня аргументы в поддержку данной гипотезы опубликовал в ряде статей в научных журналах А. А. Горский (Горский 2008, 2013, 2014).

Гипотеза о тождестве Рюрика, первого русского князя, и Рёрика Фрисландского, выдающегося вождя норманнов, проясняет очень многое и дает ответы практически на все вопросы «варяжской проблемы», на которые до сих пор не было ответов. Однако множество аргументов, приведенных в данной работе в пользу этой гипотезы, носят лишь косвенный характер. К сожалению, на сегодняшний день мы не имеем прямых доказательств и свидетельств источников. Единственная исландская сага — «Сага о Скьёльдунгах», — которая могла бы пролить свет на данный вопрос, не дошла до нас в оригинальном виде и восстанавливается по пересказу на латыни, сделанному Арнгримом Йонссоном, по «Фрагменту о древних конунгах» и по отрывкам, выделяемым в составе других исландских саг «о древних временах».

Археология со своей стороны подтверждает вероятность данной гипотезы, устанавливая наличие следов скандинавов и фризов на Северо-Западе Руси и торговых путей, связывавших владения

Рёрика — Дорестад, Хедебю, Бирку и Ладогу. Но археологические находки, свидетельствующие о наличии торговых и иных связей, подтверждающие присутствие скандинавов и фризов в Ладоге, также не являются прямым доказательством данной гипотезы, несмотря на свой вещественный характер.

Поэтому мы должны помнить, что, пока нет прямых доказательств, данная гипотеза носит только вероятностный характер, хотя вероятность ее истинности растет с каждым новым косвенным аргументом, говорящим в ее пользу. История и археология не стоят на месте, и остается надеяться на то, что и прямые доказательства в пользу данной гипотезы рано или поздно появятся. И продолжать исследования в данном направлении шаг за шагом.

1. Историография вопроса о Рюрике

1.1. Историчность Рюрика

Сомнения в историчности Рюрика высказывались уже в XIX в. так называемой «скептической школой» Каченовского (Умбрашко 2002). Историография вопроса о Рюрике и споры Байера, Миллера, Шлецера и Ломоносова в XIX в. о происхождении Рюрика разобраны в работах М. А. Алпатова (Алпатов 1982, 1985). Такие историки-антинорманисты, как Д. И. Иловайский (Иловайский 1996: 92, 94–96) и Н. И. Костомаров, считали «Сказание о призвании» легендой, а Рюрика легендарной личностью, почти мифической. Н. И. Костомаров историю Руси до Владимира Святого считал недостоверной, и свое изложение начинал с правления Владимира (Костомаров 1991). С. А. Гедеонов рассматривал Рюрика как историческую личность, но выводил варягов Рюрика с берегов южной Балтики (Гедеонов 2004).

В период господства официального советского антинорманизма Б. Д. Греков считал варягов скандинавами, а Рюрика согласен был считать исторической личностью, но отмечал легендарность сведений о нем в летописи: «Рюрик, конечно, может быть действительным реальным лицом, но в той постановке, как его

летописец нам выставляет, он, конечно, теряет черты настоящего реального человека» (Мамонтова 2017: 459). Мнение Б. Д. Грекова о «Сказании о призвании» и личности Рюрика несколько раз менялось и становилось все более скептическим. Аналогично отношение к Рюрику и варягам у С. П. Толстова, который (в русле официального советского антинорманизма) характеризует прибытие скандинавов в земли славян и финнов как «движение вооруженных банд отсталых скандинавских варваров» (Толстов 1946: 119).

Историография вопроса приведена в работе И. Я. Фроянова (Фроянов 1991). Так, М. Н. Покровский считал, что всего безопаснее придерживаться текста летописи. В. А. Пархоменко, наоборот, призывал «совершенно скептически» отнестись «к летописному повествованию о призвании на княжение Рюрика». В. В. Мавродин был не уверен, «существовали ли реальные Рюрик, Синеус и Трувор», но при этом полагал, что нет никаких оснований «обязательно считать их легендарными». Д. С. Лихачев и С. В. Юшков считали «Сказание о призвании» легендой ученого происхождения, конструктом книжника, а Рюрика — мифической личностью, созданной воображением летописца. При этом необходимо учитывать, что в период господства идеологии в исторической науке СССР никакие другие мнения, кроме официального антинорманизма, были невозможны и карались отлучением от науки (Фроянов 1991: 4–5). Ученик Фроянова В. В. Пузанов считает, что Рюрик был, скорее всего, датчанином и что утверждение Рюрика проходило не мирно, а «в борьбе с местными племенными союзами и другими отрядами скандинавов» (Пузанов 2007: 246).

Б. А. Рыбаков признавал реальность Рюрика, но сомневался в двух других героях легенды — Синеусе и Труворе — и считал «Сказание о призвании» сфабрикованным из различных преданий и рассказов. Но при этом он допускал наличие в «Сказании» зерна исторической истины. М. Н. Тихомиров полагал, что приход Рюрика «со всей русью»[3] не имеет значения для русской истории и предлагал считать ее началом первое упоминание Руси в византийских источниках под 860 г. (Тихомиров 1962: 145).

Сомневаясь в историчности легендарного Рюрика, советские историки-антинорманисты пытались сделать исторической фигурой мифического Кия, для чего не было вообще никаких оснований, кроме желания как можно более удревнить историю восточных славян (Сахаров 1975; Рыбаков 1982).

В постсоветское время отдельные историки-антинорманисты также отказывали Рюрику в историчности. Так, Ю. В. Коновалов и А. Л. Никитин считали, что на Русь была занесена балтийскими славянами легенда о вожде норманнов Рёрике Фрисландском и в искаженном виде послужила основанием для Сказания о призвании Рюрика и его варягов в ПВЛ (Коновалов 1995: 42–59; Никитин 1991, 2001: 15–16).

Е. В. Пчелов со ссылкой на работу Е. А. Мельниковой (Мельникова 2003: 58) обратил внимание на описания обстоятельств смерти Инглингов в «Круге земном» и других действующих лиц в ПВЛ, кроме Рюрика (Пчелов 2013: 418–419). Это же обстоятельство

---

[3] Здесь и далее по тексту книги имя народа русь дается со строчной буквы, в отличие от названия государства Русь.

как доказательство отсутствия Рюрика в долетописных преданиях приводит В. Г. Лушин (Лушин 2016: 12, 2017: 101). Однако, как опять же указывает Е. В. Пчелов, в описаниях смерти правителей привлекала внимание скорее ее неординарность (Пчелов 2013: 419).

Вспомним, как, согласно «Фрагменту о древних конунгах», Харальд Хильдетанд просит своего племянника Ринга о битве, в которой он мог бы умереть со славой, после чего следует описание битвы при Бравалле между ними и доблестная смерть старца, забранного к себе самим Одином. Таким образом, если смерть Рюрика, занимавшегося не войнами, а «устроением» своих владений, была обычной и не сопровождалась неординарными обстоятельствами, т. е. была смертью от болезни или старости, то и не могла привлечь особого внимания скальда или летописца.

Основным и единственным близким к событиям IX в. источником для антинорманистов является Иоакимовская летопись. Относительно ее достоверности среди историков идут споры. Некоторые отстаивают ее подлинность и считают, что в ней сохранились сообщения о событиях IX в. (Конча 2009, 2012, 2013; Азбелев 2005, 2010). Другие историки считали ИЛ поздним летописным источником XV – начала XVIII в. (Линниченко 1883). Сообщения Иоакимовской летописи, которая, как убедительно, на мой взгляд, показал А. П. Толочко[4] (Толочко 2005), является фальсификатом, принадлежащим перу

[4] Однако споры о том, является ли ИЛ фальсификатом, продолжаются и по сей день. Надо сказать, что некоторые историки продолжали тем не менее отстаивать подлинность Иоакимовской летописи (Мачинский 2003; Конча 2012).

самого В. Н. Татищева, привлекались антинорманистами, например С. Н. Азбелевым, для конструирования истории, предваряющей призвание Рюрика с братьями. Иоакимовская летопись использовалась антинорманистами для доказательства существования славянского старейшины Гостомысла (Азбелев 2005, 2010), о котором никаких известий в ранних летописях нет, с подчеркиванием его особой роли в истории призвания варягов. Введение Гостомысла нужно было С. Н. Азбелеву, чтобы ввести в начальную историю Руси балтийских славян-ободритов и сделать Рюрика наполовину ободритом (Азбелев 2005: 9). Д. А. Мачинский, хотя и был сторонником скандинавства начальной Руси, считал достоверными «уникальные» известия В. Н. Татищева и считал Гостомысла реальным лицом. Со ссылкой на работы Бестужева-Рюмина он приходил к заключению на основе сообщений поздних летописей о смерти Рюрика в Кореле (Мачинский 2003: 167–169). Версию о смерти Рюрика в Кореле поддерживает В. К. Зиборов (Зиборов 1981).

Современные историки в основном признают Рюрика исторической личностью (Мельникова 2000: 147; Петрухин 2005: 62), хотя споры по данному вопросу продолжаются, и связаны они в основном с возрождением антинорманизма, производящего имя Рюрика от сокола-ререга и выводящего князя из земель славян-ободритов (Фомин 2009). С. Л. Николаев в комментарии к очередному изданию ПВЛ пытается воссоздать гипотетическую генеалогию Рёрика Ютландского (Фрисландского) и приводит сообщения о нем по годам в анналах франков.

Правда, как он указал автору в личном сообщении, он не считает эти две исторические фигуры, Рюрика и Рёрика Ютландского, тождественными (Николаев 2012: 469–475)[5]. Следует, видимо, пояснить, что

---

[5] Основываясь на данных лингвистики, С. Л. Николаев считает, что «отождествление русского Рюрика с фрисландским Рёриком, конечно, забавная теория, но, помимо того, что она не подтверждается источниками (столь долгое исчезновение дорестадского наместника, наверное, отразилось бы в анналах), она наталкивается и на лингвистическую проблему. Форма с -y- (Ryrik) могла передаваться русскими -У- или -Ю- (откуда летописные Рюрикъ/Рурикъ), однако др.-датская форма Rørik была бы передана как Рорикъ или Рерикъ (= Рёрикъ), но никак не Рурик/Рюрик. В этом имени представлен переход скандинавского *ø: (возникшего в результате умлаута *o:) в *y:, что характерно, например, для древнегутнийского и ряда восточношведских средневековых диалектов, но не для датского. В датском языке *ø: на протяжении всей его истории не сужалось в /y:/, и имя Rørik в латинской передаче представлено как Roricus и никогда Ruricus. Вряд ли стоит предполагать, что имя живого конунга по имени Рёрик было заимствовано славянами через гутнийско-восточношведское посредство. Имя это было известно новгородцам и в краткой форме Рюря, а не *Роря/*Реря. Отсюда следует, что конунг Рюрик был «призван» не из Дании, а с Готланда или восточной части Швеции» (Николаев 2018). Но, согласно гипотезе Д. А. Мачинского, не вся свеонская русь была изгнана при восстании славян и финнов, и она участвовала в призвании варягов (Мачинский 2009а: 491; Губарев 2017в). Кроме того, поскольку все норманны шли на Русь через шведскую Бирку, служившую основной базой на пути на восток, здесь к знаменитому вождю норманнов, датчанину Рёрику, могло пристать большое количество свеонов Уппланда, так что данные лингвистические соображения, по моему мнению, не являются убедительным доказательством этнического происхождения Рюрика.

Ютландским Рёрика называют по месту рождения (его родиной была Ютландия), а Фрисландским, потому что его владения, пожалованные ему в бенефиций императорами франков, находились во Фризии, где он провел большую часть жизни.

1.2. Откуда пришел Рюрик и привел «всю русь»

Рюрик в ПВЛ является легендарной личностью. Скупые сообщения о нем не выходят за рамки легенд и преданий и лишены каких-либо деталей и подробностей, которые могли бы представить нам Рюрика как реальную историческую фигуру. Возможно, сказалось отсутствие письменности у восточных славян и финнов в IX в., сохранивших лишь предания и легенды о первом князе Руси. А время создания первых летописных записей отстоит от описываемого времени почти на двести лет. За это время в передаваемых из уст в уста преданиях вполне могли стереться любые живые подробности и сохраниться только самые общие воспоминания.

Некоторые современные историки, например С. В. Рыбаков, заявляют, что происхождение Рюрика является второстепенным вопросом.

> «Этническая принадлежность ни Рюрика, ни его дружинников не могла решающим образом повлиять на русский этногенез, в котором участвовали и восточные славяне, и балты, и финно-угры, а на юге Русской равнины — тюрки и аланы» (Рыбаков 2014: 42).

М. А. Алпатов также считал, что «варяжский вопрос» следует разделить на две проблемы: фиктивную и действительную. Фиктивная — происхождение Рюрика и варягов — не имеет научного значения. Действительная — происхождение государства — важная научная проблема (Алпатов 1982: 44; Соколов 2013: 125).

С такими утверждениями невозможно согласиться. Значение Рюрика в истории Начальной Руси и мировой истории выходит далеко за рамки легенды и эпоса. А гипотеза о приходе Рюрика «со всей русью» с территории империи франков напрямую связана с вопросом о создании государственности. Стуре Булин в своей работе, корректирующей гипотезу Пиренна, ставит Рюрика по значению его деятельности в один ряд с Магометом и Карлом Великим (Bolin 1953).

Именно поэтому еще в XIX в. были начаты поиски реальной исторической фигуры, тождественной Рюрику русских летописей. Одним из первых вопрос о происхождении Рюрика затронул Г. Ф. Голлманн в своей работе о Рустрингии, области Фризии, как о месте, откуда Рюрик вывел русов (Голлманн 1819). Непосредственно вопросу о происхождении Рюрика посвятил свою статью Ф. К. Г. Крузе (Крузе 1836). Крузе был излишне увлекающимся историком и наряду с интересными и смелыми гипотезами сделал ряд ошибок, за что был подвергнут жесткой критике М. П. Погодиным (Погодин 1846: 157–162), П. Г. Бутковым (Бутков 1840) и А. А. Куником (Kunik 1850), не обратившими внимание на рациональное зерно, содержавшееся в его работах. Работы Ф. Крузе были на время незаслуженно забыты.

Тем не менее эти работы помимо ошибок содержали и здоровое рациональное зерно, которое не заметили рецензенты. Русский историк-эмигрант Н. Т. Беляев вернулся к гипотезе, высказанной Крузе, успешно ее обосновал и наметил основные положения, говорящие в пользу данной гипотезы (Беляев 1929). Гипотеза Н. Т. Беляева была подвергнута критическому разбору на семинаре Н. П. Кондакова В. А. Мошиным (Мошин 1932: 335). Поскольку гипотеза Беляева противоречила антинорманизму, игравшему роль официальной идеологии в исторической науке СССР, она позже с использованием весьма поверхностной аргументации критиковалась М. В. Левченко, С. П. Толстовым и М. Н. Тихомировым (Левченко 1956: 42; Толстов 1946: 121–122), а затем уже в постсоветский период В. Е. Ямановым (Яманов 2002) и А. Л. Никитиным (Никитин 1991, 2001).

От работ советских антинорманистов выгодно отличается обстоятельная, с детальной аргументацией, работа польского слависта Г. Ловмянского, сторонника «славянской» теории происхождения Руси (Ловмянский 1963), критиковавшего гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. Из зарубежных историков поддерживали гипотезу А. А. Васильев (Vasiliev 1946) и Г. В. Вернадский (Vernadsky 1946). С. Р. Томпкинс называл ее «соблазнительной гипотезой» (Tompkins 1938: 485), а критиковал данную гипотезу Р. Ю. Дживан (Givan 1994).

В пользу данной гипотезы высказались Б. А. Рыбаков (Рыбаков 1982: 299), М. Б. Свердлов (Свердлов 1994), Г. С. Лебедев (Лебедев 2005: 211), А. и Х. Касиковы (Касиковы 1990), Л. В. Войтович (Войтович

2006, 2013), Е. В. Пчелов (Пчелов 2010), А. А. Горский (Горский 2013, 2014, 2018), А. А. Хлевов (Хлевов 2002), П. А. Атанов (Атанов 2007, 2013, 2014).

Польский историк Л. Еньчык рассматривает две версии призвания Рюрика — на основе сообщений ПВЛ и поздней Густынской хроники начала XVII в. По второй версии, Рюрик пришел из поселения Трусо в районе Эльблонга (Jończyk 2010: 16). Едва ли можно согласиться с использованием сообщений летописи XVII в. для изучения событий IX в. Поддерживая гипотезу о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского, польский историк стремится связать Рюрика/Рёрика с землями на южном побережье Балтики. Подобное использование поздних летописей и источников XVII–XVIII вв. характерно для российских антинорманистов (Меркулов 2005, 2015), за что они подвергаются справедливой критике (Мельникова 2009: 56).

Зарубежные историки Н. В. Ингхам и К. Раффеншпергер (Ingham, Raffensperger 2007) в обзорной работе о династии Рюриковичей и Древней Руси отмечают легендарность Рюрика согласно ПВЛ и, ссылаясь на работы Е. В. Пчелова, подчеркивают, что, возможно, легендарная фигура Рюрика, призванного из-за моря, должна была легитимизировать династию. Они упоминают гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, но считают, что нужны более веские доказательства, чем просто совпадение имен. Я надеюсь, что приведенные в данной монографии доказательства, хотя бы и косвенные, убедят оппонентов в высокой вероятности данной гипотезы.

Д. Островский упоминает гипотезу о тождестве Рюрик и Рёрика Фрисландского со ссылкой на работу

С. Коупленда о вождях норманнов и с учетом писем Хинкмара Реймсского Рюрику отмечает, что Рюрик тогда должен был бы быть христианином (Ostrowsky 2011: 238).

Гипотезу Беляева о том, что Рюрик пришел из Фризии, развил А. А. Александров, указав на о-в Валхерен во Фризии как «остров русов» мусульманских писателей, откуда Рюрик (знаменитый вождь норманнов Рёрик Фрисландский), возможно, вывел норманнов в земли финнов и славян (Александров 1997а, 1997б).

Во всяком случае, если и есть обоснованные сомнения относительно именно о-ва Валхерен, откуда Рюрик привел «всю русь», то очень многое говорит за то, что «фризские даны» пришли на Русь из фризских владений Рёрика (Губарев 2016а: 34–35). Термин «фризские даны» удачно, на мой взгляд, введен в научный оборот С. Льюисом (Lewis 2016: 5, 16), чтобы отличать норманнов, осевших во Фризии, от остальных данов и остальных «франкских норманнов» (Якуб 2008: 386), действовавших на территории империи франков. Я буду и в дальнейшем использовать данный термин, говоря об этой крупной группе норманнов.

Гипотеза о тождественности Рюрика и Рёрика Фрисландского расширяет круг источников, включая в него источники по истории «фризских данов» Харальда Клака и Рёрика, будущих русов Рюрика, до их прибытия в земли славян и финнов.

1.3. Роль Рюрика в основании государственности

Советские историки в условиях господства марксистко-ленинской идеологии рассматривали

государство как продукт классового общества. То есть для возникновения государства родоплеменные отношения должны были разложиться и замениться раннефеодальными отношениями, и это было, согласно господствовавшей идеологии, основным условием появления предпосылок к образованию первых государств.

Историки времен СССР в условиях господства в отечественной исторической науке официального антинорманизма вынуждены были приписывать образование государства на Руси славянам, всячески подчеркивая их более высокий уровень культуры по сравнению со скандинавами. При этом они утверждали, что варяги Рюрика в образовании государства никакой роли не играли (Греков 1953: 450; Рыбаков 1983: 50). Так, Лихачев вообще считал «Сказание о призвании» плодом творчества древнерусских книжников, стремящихся противостоять притязаниям византийцев на первенство на Руси. И, как следствие, отказывал Рюрику в историчности (ПВЛ 1950, ч. 2: 113–114; Lichačev 1970: 176–177).

Основным возражением современных «неоантинорманистов»[6], например Л. П. Грот, против роли скандинавов в образовании государства на Руси

[6] Неоантинорманистами я называю последователей А. Г. Кузьмина потому, что практически никто из антинорманистов как царского времени (за исключением С. А. Гедеонова, Ф. Л. Морошкина и И. Е. Забелина), так и времен СССР (за исключением В. Б. Вилинбахова) не отрицал скандинавства варягов. Отрицание скандинавской природы варягов является совершенно новой чертой, отличающей этих антинорманистов от своих предшественников.

является ссылка на относительно позднее сложение ранних государств в Скандинавии, в частности в Швеции (Грот 2013: 310).

Современные историки отмечают, что летописцы XI – начала XII в. отводили Рюрику ключевое место в своем повествовании. С ним связывали начало династии Рюриковичей. По мнению А. А. Горского, серьезных оснований, чтобы предполагать в «Сказании о призвании» вымысел, нет, хотя речь скорее идет о приглашении именно конунга, имеющего право на власть (Горский 2012а: 10, 2012б: 16). А. А. Горский считает, что если принять гипотезу о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского, то «нужно говорить об опосредованном франкском влиянии на формирование древнерусской государственности» (Горский 2014: 28). Об этом же говорю в своих статьях и я (Губарев 2018а). Ни в коем случае нельзя назвать это «экспортом государственности извне», как это делает С. В. Томсинский в своих инвективах против «неонорманистов» (Томсинский 2018: 163).

То есть гипотеза о том, что в состав руси Рюрика входили «фризские даны», почти 70 лет находившиеся на территории империи франков, объясняет их знакомство с социальной организацией империи и началами государственности, обороной границ, важностью дальней торговли, дипломатией и чеканкой монеты.

1.4. Рюрик и легитимность династии Рюриковичей

Историки-антинорманисты времен СССР заявляли, что летописцы вводили Рюрика и «Сказание

о призвании» в свое повествование, чтобы легитимизировать династию. Данный аргумент был одним из основных у антинорманистов времен СССР, объяснявших появление в ПВЛ «Сказания о призвании» и легендарной фигуры Рюрика необходимостью легитимизации династии. Так, например, объясняли это М. Н. Тихомиров (Левченко 1951: 152) и С. В. Бахрушин (Бахрушин 1938: 91), а также Д. С. Лихачев (Lichačev 1970: 176).

Из современных историков на том, что «Сказание о призвании» и введение в него фигуры Рюрика должно было легитимизировать династию, настаивают В. К. Зиборов, Д. С. Николаев, А. Л. Никитин (Зиборов 2002: 52; Николаев 2011; Никитин 2001:167). Е. А. Мельникова, анализируя «Сказание о призвании» как распространенный сюжет о происхождении иноэтничной династии, отмечает важную роль «Сказания» в обосновании прав этой династии (Мельникова 2011а: 113). Шайкин замечает, что династическая легенда должна была иметь вид точного исторического свидетельства (Шайкин 2011: 58). Е. В. Пчелов отмечает, что имело место «обоснование с помощью факта призвания законности династии на владение русской землей, и шире, легитимизация иноэтничной силы, то есть варягов-скандинавов» (Пчелов 2000:10). Хотя Д. Островский вообще поднимает вопрос о том, существовала ли династия Рюриковичей на Руси (Ostrowsky 2018).

В работах Пчелова приведена достаточно полная историография вопроса о Рюрике, его роли в истории древней Руси и его происхождении в работах отечественных историков (Пчелов 2010, 2012).

1.5. Рюрик, фолк-хистори и эрзац-наука

Рассматривая историографию вопроса о Рюрике, невозможно пройти мимо огромного числа книг с яркими обложками и сенсационными заголовками, заполнивших полки книжных магазинов.

В основном это литература, относящаяся к области фолк-хистори, смыкающаяся с публикациями на исторических и псевдоисторических сайтах в Интернете. Сюда можно отнести книги таких авторов, как К. А. Пензев (Пензев 2007), В. В. Кожинов (Кожинов 2011), К. Л. Егоров (Егоров 2000), А. А. Бычков (Бычков 2007), С. В. Цветков (Цветков 2012) и др. Эти книги характеризует отсутствие научного аппарата, бездоказательность выдвигаемых гипотез, плохое знание источников и фактические ошибки.

С одной стороны, публикация таких книг говорит о непрекращающемся интересе в народе к имени и деталям биографии первого русского князя. И в то же время для таких книг характерно стремление решать сложные научные вопросы простыми средствами и эксплуатировать интерес народа к сенсационным открытиям. Ничего кроме хаоса в головах читающей публики эти книги не создают.

Но есть и литература другого рода. Это книги, претендующие на роль научных исследований и действительно являющиеся научными работами. Однако выполнены они на очень низком научном уровне и вполне заслуживают наименования «научного провинциализма» (Мусин 2017) или «эрзац-науки» (Губарев 2015а, 2017а). В основном это работы современных неоантинорманистов, последователей

А. Г. Кузьмина, скорее заслуживающих наименования «норманофобов», в отличие от антинорманистов царской России и времен СССР, безусловно считавших варягов скандинавами (Аряев 2018).

Сюда можно отнести работы о Рюрике В. В. Фомина (Фомин 2009), Л. П. Грот (Грот 2012, 2013: 115–132), Б. Лисина (Лисин 1988), В. И. Меркулова (Меркулов 2015) А. Пауля (Пауль 2016: 301–327), М. Л. Серякова (Серяков 2016), А. В. Олейниченко (Олейниченко 2017), затрагивающие вопрос о первом князе Руси или непосредственно посвященные ему. Как правило, такие работы появляются в журналах, в редакцию которых входят антинорманисты, таких как «Исторический формат» или «Гуманитарные исследования Центральной России». Иногда подобные работы публикует и в целом вполне серьезный научный журнал «Русин», в редакции которого состоит неоантинорманист В. И. Меркулов.

К сожалению, нужно отметить, что количество подобных работ, выполненных на низком научном уровне, растет как снежный ком (Губарев 2017а). А многие из неоантинорманистов защищают и диссертации на присвоение ученой степени кандидата и даже доктора исторических наук в краевых институтах, где требования ниже.

Приведем пример. Л. П. Грот в работе, посвященной Рюрику, сама оговаривает, что «предлагаемая реконструкция, включающая данные из разновременных летописей, носит несколько условный характер и продиктована характером моих рассуждений» (Грот 2007: 73). Таким образом, в эту «реконструкцию» некритически включаются сведения из поздних

летописей, в частности из летописей XV в. о Гостомысле, без учета тех политических обстоятельств, которыми вызвано появление в поздних летописях именно такого летописного варианта (Петрухин, Каменецкая 2008; Гольдберг 1076; Дмитриева 1976). Лишь бы привлекаемые сведения встраивались в искусственно конструируемую Л. П. Грот «патриотическую» версию истории начальной Руси.

Иногда, в традициях А. Г. Кузьмина, может появиться в непрофильном периферийном журнале статья, связывающая имя Рёрик, вопреки всем данным современной лингвистики, с галло-римским (кельтским) именословом (Олейниченко 2017).

Несколько особняком стоят работы С. Н. Азбелева о Рюрике, выполненные на серьезном научном уровне, но также посвященные поддержке маргинальных гипотез антинорманизма. Азбелев вводит в историю Руси IX в. мифического славянского старейшину Гостомысла, известного только по поздним летописям XV века, чтобы привязать Рюрика к балтийским славянам-ободритам (Азбелев 2005, 2010). Печально, что такой известный ученый поддержал своим авторитетом маргинальные гипотезы последователей А. Г. Кузьмина и тем самым внес свой вклад в создание исторических мифов (Несин 2017, 2018). Наличие данной литературы по вопросу, конечно, тоже нужно учитывать, хотя она представляет в основном интерес только как историографический казус и не более того.

Свой вклад внесло сюда и общение ученых с властями, которым нужны сенсации и которые только под эти сенсации и празднование официальных

юбилеев патриотической направленности и готовы выделять историкам средства на проведение исследований, и никак не иначе (Селин 2016).

Современные ученые, как это ни печально, часто оказываются в положении Леонардо, который вынужден был организовывать празднества для Лоренцо Медичи, чтобы получить средства на свои «чудачества», как понимали тогда науку ее просвещенные меценаты. Впрочем, современные власти понимают науку примерно так же. Такое потребительское отношение к легендарной или исторической фигуре Рюрика нужно отделять от научных гипотез и исследований о нем.

2. Скандинавская гипотеза происхождения Руси (неясности и противоречия)

2.1. Историография вопроса

Обзор историографии «варяжского вопроса» за длительный период дан в целом ряде работ (Мошин 1931; Шаскольский 1961, 1965, 1994; Носов 1999; Фомин 2005; Клейн 2009; Шорковиц 2010; Хлевов 1997, 2015).

Скандинавская гипотеза происхождения Руси являлась в XIX в. первой и главной гипотезой, поскольку основывалась в условиях отсутствия археологических доказательств на прямых указаниях древнейшей русской летописи на то, что русь относилась к числу варяжских народов и стояла в одном ряду с ними, хотя и отличалась от них. Указания летописи были настолько недвусмысленны и прямолинейны, что именно это вызвало у ряда историков, например, А. А. Шахматова, сомнения в достоверности нашей древней летописи в данном вопросе.

В частности, первым выступил против скандинавской гипотезы происхождения Руси М. В. Ломоносов в споре с немецкими академиками Байером, Миллером и Шлецером (Верхотуров 2004). При этом автором идеи о возможности «норманнской теории»

И. Н. Данилевский считает никого иного как... самого М. В. Ломоносова! Данилевский отмечает, что именно он сделал все, что мог, для политизации вопроса (Данилевский 1998: 44). Ломоносов заподозрил немецких ученых-историков в том, что их концепция при определенных условиях *могла бы* нанести вред России. Все здесь определяется сослагательным наклонением. Именно М. В. Ломоносов первым выдвинул порочную идею о том, что нам нужна только та история, которая возвеличивает наше отечество. Именно он внес политические соображения в ход научного исследования. И здесь позиция М. В. Ломоносова ничем не отличается от позиции В. Р. Мединского.

Роль антинорманизма в критике гипотез историков XIX в., отстаивавших скандинавское происхождение Руси, была положительной и помогла избавиться от многих ошибок. В целом антинорманисты старой школы не переставали быть учеными и старались не вносить в научную работу политизированность, чем все же страдали некоторые из них, такие как Н. И. Костомаров, Д. И. Иловайский и особенно И. Е. Забелин. Вот что писал антинорманист А. А. Котляревский, сам склонявшийся к принятию гипотезы С. А. Гедеонова о варягах как балтийских славянах, в рецензии на работу излишне увлекавшегося политическими обвинениями оппонентов И. Е. Забелина:

> «Если на каждом кто по чистой совести и крайнему разумению придет к убеждению в исторической истине «Скандинавства» Руси и Варягов — будет тяготеть укоризна в отрицании

> достоинства русской природы, то в каком положении окажется свобода исследования и науки?» (Котляревский 1881: 11).

Эта роль антинорманизма наряду с критикой его идеологической направленности, вносившей политизированность в чисто научный вопрос, раскрыта в статьях и рецензиях Д. Н. Верхотурова (Verkhoturov 2015; Верхотуров 2004, 2005) и Л. Н. Аряева (Аряев 2018).

С появлением и развитием археологии, уже в конце XIX в. и начале XX в., антинорманизм исчерпал себя как научное направление. В СССР антинорманизм существовал в работах С. В. Юшкова, Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова как официальная идеология, больше основывавшаяся на «патриотизме», чем на научных доказательствах. Историки и археологи, критиковавшие советский антинорманизм уже в 1960-х гг., такие как, например, А. А. Амальрик (Амальрик 2018), подвергались преследованиям, точно так же как и в более ранний период (Формозов 1998).

И как только в постсоветское время исчезла цензура и репрессии в отношении историков закончились, официальный антинорманизм прекратил свое существование. Как тогда казалось, он останется только историографическим казусом. Именно это позволило говорить о прекращении наконец-то длившихся без малого 300 лет споров по варяжскому вопросу (Клейн 1999).

В настоящее время почти все зарубежные и отечественные историки признают скандинавскую

гипотезу происхождения Руси единственно достоверной гипотезой и работают в ее русле. Однако антинорманизм снова возродился в работах А. Г. Кузьмина и небольшой кучки его последователей (Кузьмин 1986; Фомин 2005; Меркулов 2005; Грот 2013; Пауль 2016; Галкина 2002, 2012; Жих 2009). Этот «неоантинорманизм» пытается реанимировать без каких-либо на то оснований давно отвергнутую наукой гипотезу Гедеонова, Забелина и Морошкина о варягах как балтийских славянах-ваграх, основываясь единственно на созвучии этнонимов. И одновременно Е. С. Галкина реанимирует противоположную гипотезу М. В. Ломоносова о «россаланах» (рокс-рухс-аланах) как русах. А чтобы согласовать свою гипотезу с балтийско-славянской и выступать единым фронтом в «информационной войне», Е. С. Галкина посылает своих роксолан на балтийское побережье, где они якобы смешиваются с балтийскими славянами (Галкина 2002: 358–365), что само по себе уже чистая фантастика. Особо хочется отметить работы А. А. Романчука, призывающего остальных неоатинорманистов отказаться от оскорблений своих оппонентов, но также поддерживающего балтийско-славянскую гипотезу происхождения варягов, правда, старающегося выдержать свои работы в более научном ключе, чем остальные (Романчук 2013, 2014).

Если в XIX в. антинорманизм еще играл положительную роль в критике ошибок историков-«норманистов», то в XXI в. он возродился как чисто антинаучное и идеологическое явление на манер религиозного сектантства и как таковое подвергся

жесткой критике историков и археологов, стоящих на научных позициях (Новосельцев 1993; Мурашева 2009; Мишин 2003а; Комар 2010; Мельникова 2009; Котляр 2007; Коновалова 2003; Кучкин 2010; Михеев 2004; Губарев 2015а, 2015б; Клейн 2015; Платонова 2017; Мусин 2017).

Естественно, эта критика сводится в основном к высмеиванию безграмотности антинорманистов, требующих «научной критики» их опусов. Тем не менее продолжаются защиты диссертаций и публикации статей по антинорманистской тематике, как правило, в периферийных научных учреждениях и непрофильных изданиях, что не может не вызывать тревогу в связи с разрастающимся валом этих работ, подготовленных на очень низком научном уровне. В то время как между учеными идут дискуссии и споры по различным конкретным поводам, антинорманисты как участники «информационной войны» выступают единым фронтом и усиленно поддерживают друг друга по любым вопросам (Губарев 2015, 2017а; Агни 2017). Бесплодность современного антинорманизма очевидна.

Однако уже в конце XVIII — начале XIX в. историками, работавшими над развитием скандинавской гипотезы происхождения Руси, в целом хорошо отвечавшей на основные вопросы, был обнаружен целый ряд неясностей и противоречий, в свою очередь требовавших объяснения в рамках скандинавской гипотезы. «Ученые XVIII–XIX вв. обращали внимание на очевидные неясности, недоговоренности и противоречия в рассказе ПВЛ» (Стефанович 2012: 516). Именно эти неясности и противоречия

усиленно эксплуатировались антинорманистами в их попытках «доказать» недостоверность скандинавской гипотезы происхождения Руси. Рассмотрим детально эти основные противоречия и неясности (Губарев 2016а).

2.2. Противоречия и неясности, которые снимает гипотеза о «фризских данах»

2.2.1. Откуда Рюрик привел «всю русь»?

К противоречивым сообщениям ПВЛ обычно относят вопрос о том, что Рюрик пришел «пояша по собе всю русь». Со времени А. А. Шахматова это сообщение летописца ставило в тупик историков и заставляло их искать племя русь в Скандинавии и, не находя его там, придумывать другие объяснения этому сообщению летописи (Шахматов 1908: 340). В основном объяснение сводилось к тому, что его нельзя понимать в буквальном смысле (Шахматов 1904: 3). А. Амальрик считал, вопреки мнению Шахматова, что сообщение не выглядит позднейшей вставкой и что Шахматов слишком усложняет ход мысли летописца, якобы заранее заготовившего ответ на вопрос, почему в Скандинавии его времени нет племени Русь. Он считал, что речь идет о профессиональном, дружинном смысле термина «русь» (Амальрик 2018: 26).

Согласно общепринятой в настоящее время гипотезе о происхождении имени «Русь» от финского *ruotsi* (Клейн 2014), как финны обозначали любые дружины норманнов, русью могло быть не племя, а достаточно крупная группа, дружина или войско

норманнов. Характерно, что ряд историков понимал летописца буквально, пытаясь найти родину варягов-руси (Погодин 1846: 41–42), в том числе и во владениях датского рода Скьёльдунгов во Фризии (Голлман 1819; Крузе 1836; Беляев 1929).

2.2.2. Русь в ПВЛ на Западе и на Востоке

Русь в ПВЛ в географическом введении помещается в ряду западных народов между Скандинавией и Англией, а с другой стороны среди славянских племен и финнов (ПВЛ 1950 ч. 1: 10). Упоминание Руси в ПВЛ на Западе и на Востоке озадачило А. А. Шахматова:

> «В перечне племен, сидящих на западе и к югу (присѣдять отъ запада къ полуденью, ср. Ипат., Радзив. и др.), названа русь в том же соседстве, как в Сказании: „Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Урмане, Готе (Ип., Хлебн. и Троицк.), Русь, Агняне". Вместе с тем, однако, Русь названа выше среди народов, обитающих Россию: „В Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь, и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Морьдва" и т. д. Помещение Руси среди варяжских народов, живущих на западе, могло бы дать придирчивой критике основание отметить противоречие этого места с сообщением сказания о том, что Рюрик и его братья „пояша по собѣ всю Русь", но согласимся пока с Гедеоновым, что это выражение летописца нельзя понимать в буквальном смысле» (Шахматов 1904: 3).

Соображения А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина, что под «агнянами» древнерусский летописец IX в. понимал англов до их переселения в Британию в IV–V вв., всерьез рассматривать не приходится.

> «Как и чем Забелин и др. доказали, что летописец начала XII в. знал (или хотя бы мог знать) о проживании племени англов на юге Ютландии до V в.?» (Мельникова 2009)[7].

2.2.3. Русь в книге Иосиппон на Западе и на Востоке

Вестберг указывает, что в книге «Иосиппон», одном из возможных источников ПВЛ (Петрухин 1994:45), русы также размещаются между саксами и англами.

> «Руси, саксини и англиси живут по великому морю. Что это за море? На этот вопрос Иосиппон дает положительный ответ... ибо реки Сена, Лоара и Рейн текут по Иосиппону в море-Океан или великое море... Итак, вне всякого сомнения великое море, на котором обитают руси, саксини и англиси, совпадает с Атлантическим океаном... Из всего вышесказанного прямо вытекает, что под своими русами Иосиппон разумеет норманнов. Результат неожиданный и крайне интересный. Житель юго-западной Европы называет норманнов „руси"!» (Вестберг 1908: 376–377).

---

[7] На сайте «Ульвдалир» размещен авторский вариант статьи, в публикацию в журнале «Родина» данный абзац не вошел.

Сообщение, что русь размещалась между саксами и англичанами, *прямо указывает на Фризию*. Однако далее книга сообщает, что «Руси живут на реке Кива, впадающей в море Гурган». Ф. Вестберг отмечает это противоречие и считает последнюю строку поздней вставкой. Итак, и в книге Иосиппон, так же как в географическом введении ПВЛ, русь локализуется как на Западе (на берегу Атлантического океана), так и на Востоке.

2.2.4. Русь «от рода франков» византийских источников

А. А. Горский в своей работе отмечает, что в двух византийских хрониках русь считается происходящей «от рода франков»:

> «Это хроника Продолжателя Феофана и хроника Симеона Логофета в двух (из трех известных) ее редакций – Хронике Георгия Амартола (с продолжением) по Ватиканскому списку („Ватиканский Георгий") и Хронике Псевдо-Симеона» (Горский 2008: 55).

Горский полагает, что такое обозначение руси появилось около 948 г., но не ранее 941 г. Он справедливо считает, что замена русским книжником этнонима «франки» на «варяги» не может служить аргументом в пользу того, что греки имели в виду под франками скандинавов. Это только аргумент в пользу того, что на Руси XI в. тесно связывали «русь» с варягами-скандинавами.

А. А. Горский отмечает, что к германоязычию и вообще к языковой принадлежности определение

«франки» отношения не имело. Он считает, что такое определение *носило территориально-политический характер*, тем более что франки были прекрасно известны византийцам. И задает вопрос: «почему в Византии в середине X столетия понадобилось определять русских через франков?» (Горский 2008: 57).

Кроме того, Горский справедливо полагает, что *если принять гипотезу тождественности Рёрика Фрисландского (владения которого находились в империи Каролингов) и Рюрика, то упомянутые сообщения византийских источников вполне объяснимы* (Горский 2008: 58, 2013, 2014).

2.2.5. Русь в «Баварском географе» рядом с фризами и рядом с хазарами

Упоминание руси содержится в источнике, получившем название «Баварского географа». Из наиболее известных историков локализацией племен, упомянутых в источнике, занимались Г. Ловмянский, А. В. Назаренко, А. А. Горский, Л. В. Войтович. В их работах приведена историография вопроса. Интересно, что рядом с упоминанием хазар (*Caziri*) и русов (*Ruzzi*) в «Баварском географе» стоят слова *Forsderen Liudi Fresiti*. Существует несколько гипотез расшифровки данного сообщения. Так, Херрман полагал, что *Forsderen Liudi* означает либо лесных людей, либо лучших людей (Херрман 1988: 167). Он отмечает, что *Fresiti* наиболее логично переводилось как «фризы» (Horák, Trávniček 1956). Однако, будучи не в состоянии предложить рационального объяснения, эти исследователи пытались связать их с фризами, якобы сидевшими в Крыму вместе с готами. Но сам Херрман

считает его обозначением свободных людей – людей, живущих на своей земле, Freigesessenen. Выдвигая различные гипотезы относительно термина *Forsderen Liudi*, большинство исследователей встает в тупик перед термином *Fresiti*, который должен был бы по всем правилам переводиться как «фризы». Но как фризы могут быть связаны с русами, локализуемыми рядом с хазарами? На этот вопрос отвечает рассматриваемая ниже гипотеза о «фризских данах» Рюрика/Рёрика Фрисландского.

Гипотезу Херрмана, на мой взгляд справедливо, критиковал С. Конча (Koncha 2012: 16, 20). Появление рядом с термином *Ruzzi* термина *Fresiti* озадачивало исследователей. Поэтому А. А. Горский считал их мелким племенем в составе древлян, а А. В. Назаренко просто отметил как загадо̀чные и неславянские наименования, хотя и не отрицал того, что, в соответствии с мнением Херрмана, это может быть единым комплексом слов. С. Конча переводит это место следующим образом:

> «At the origin of the word glosses indicates 'Fresiti', which formally corresponds Early Medieval selfdesignation of Vries: Frēsa, ... probably artificially popular Latin flexion *-iti*. 'Liudi' clearly meets ancient Frisian 'Liude' "people" If Vries those times was quite close to the old Low German, so record 'Ruzzi' could probably beat just Frisian form of the name "Rus"". Fragment in general can be translated roughly as: "Rus foremost (best?, chief?) people Vries (Frisians?)" or as "Rus path (paths?) those people Vries" (? Ruzzi forth dera

> Liude Fres-). Do we have here is a whole sentence, depending on the location of punctuation (in the document are dots between all these words). One way or another, but it is known that the friezes were active in the north-European trade in the VIII–IX c. ... there is documentary evidence of their presence among the inhabitants of Birka in Sweden... so they could be among the Scandinavian (especially Swedish) merchants and mercenaries in Eastern Europe were usually known as "Rus'"»[8] (Koncha 2012: 20)[9].

То есть указано, что в составе руси есть фризы, составляющие первую (лучшую?) часть руси. Кроме

---

[8] «На происхождение словарной глоссы указывает fresiti, которое формально соответствует раннесредневековому самоназванию фризов *fresa*... возможно, с искусственным популярным латинским окончанием -iti. "Liudi", очевидно, соответствует древнему фризскому *"Liude"* — *"люди"*... Фризский язык тех времен был весьма близок к древненижненемецкому, так что написание *"ruzzi"* могло, возможно, соответствовать фризской форме имени "Русь". Фрагмент в целом можно перевести примерно как: "русы первые (лучшие? главные?) люди Vries (фризы?)" или как "путь русов (пути?) тех людей Vries" (? Ruzzi fotth dera Liude Fres-). Имеем ли мы здесь целое предложение, зависит от расположения пунктуации (в документе между словами стоят точки). Так или иначе, но известно, что фризы были активны в северо-европейской торговле в VIII–IX вв.... Имеется документальное подтверждение их присутствия среди населения Бирки в Швеции... так что они могли быть среди скандинавских (особенно шведских) торговцев и наемников в восточной Европе, обычно известных как "Русь"» (*перевод О. Л. Губарева*).

[9] Орфография, грамматика и пунктуация оригинала (*О. Л. Губарев*).

того С. Конча предположил что *ruzzi* может быть фризским обозначением руси. А. А. Александров также переводит это место как «руссы, сила (войска) которых свободные мужи фризские» (Александров 1997а: 21).

Н. Т. Беляев обратил также внимание на то, что в ПВЛ из летописных народов не упомянуты фризы и даны (Беляев 1929: 250). Американский историк-славист Имре Боба также обратил внимание, что при перечислениях варяжских народов автор ПВЛ упоминает русов, но не упоминает данов. А ведь даны именно в этот период были наиболее активным народом на западе Европы. Он также отметил, что до 1117 г. в ПВЛ датчане не упоминаются под собственным именем (Boba 1967: 106).

От себя добавлю, вслед за Н. Т. Беляевым, что среди народов, обитавших по побережьям морей, кроме данов в ПВЛ не названы и фризы. А это косвенно говорит в пользу гипотезы о «фризских данах» Рюрика.

2.2.6. Русы в Андалусии

Хотелось бы обратить более пристальное внимание на связь сообщений мусульманских писателей о русах с Испанией, на которую в 844 г. напали «маджусы», то есть норманны (Мишин 2003б), называвшиеся, по сообщению ал-Я‘куби, «Ар-Рус». В частности, Ибн Хаукал также упоминает русов в связи с Испанией (ал-Андалус). О связи русов с Испанией пишет и Масуди. Это настолько необычно для Руси, расположенной в Восточной Европе, что породило даже попытку объяснить, что вместо

ал-Андалус нужно понимать Анталию в Малой Азии, что вызвало острую дискуссию (Нефедова 1958; Рыбаков 1958а; Новосельцев 1990; Беляев 1962; Минорский 1964).

Несмотря на то что В. Ф. Минорский и В. И. Беляев в своих статьях убедительно показали, что речь идет именно об Испании, продолжают появляться работы, пытающиеся доказать, что под ал-Андалус надо понимать Анталию в Малой Азии, настолько путешествия русов в Испанию из Восточной Европы в IX в. представляются невозможными (Шумилов 2014).

Ни И. Г. Коновалова, ни Т. М. Калинина, историки, специализирующиеся на изучении сообщений арабских источников о Древней Руси, не объясняют появление у арабских авторов информации о поездках русов в ал-Андалус. Калинина считает, что такие сообщения могли появиться из-за ошибочных и туманных географических представлений арабских писателей.

> «Здесь, видимо, отражено представление о восточноевропейских славянских территориях, с одной стороны, и западном ареале расселения славян, граничившем с франкским государством, – с другой. Поэтому мог возникнуть чисто умозрительный рассказ о появлении и других, соседних со славянами, народов, в том числе русов, в Андалусии» (Калинина 2001: 207).

Тем не менее, Ф. Вестберг отмечает, что книга Иосиппон помещает русов на берегу Атлантического океана (!), и что, по мнению и Масуди, и Ибрагима

Ибн-Якуба, русы — это норманны, и что Ибн-Саид помещает русов на запад от пруссов, то есть в Южной Скандинавии (видимо в Дании).

> «Маджусы, напавшие на Андалусию (в 844 г.), были в действительности норманнами. Этих-то норманнов Масуди признает за русов; а Ибрагим [Ибн Якуб — *О. Л.*] прямо заявляет, что русы не славянский народ, что они, подобно немцам, мадьярам, печенегам и хазарам, овладели частью славянских земель и вследствие общения со славянами говорят по-славянски» (Вестберг 1908: 379–380).

Э. Кристис особо отмечает, что Масуди проявлял больший интерес к немусульманским народам, чем многие его современники. Масуди приводит перечень искаженных имен правителей империи франков и указывает, что во времена Карла Лысого (*Qarluh ibn Ludrīq*), Бозон, герцог Прованса, восставший против императора, заключил мир с викингами («маджус»). И именно Масуди (также как ал-Бакри и ал-Я‹куби) связывал «маджусов» Запада, нападающих на Испанию (ал-Андалус), с русами, которые путешествуют по рекам Восточной Европы (Christys 2015: 23–24).

Э. Кристис заметила, что Масуди знает русов из своих путешествий на Кавказ и в восточную часть мусульманских владений, что делает его сообщение еще интереснее. Историки часто ставят под сомнение эту связь, поскольку считают невероятными нападения русов Восточной Европы на Испанию.

Насколько историки встают в тупик перед сообщением ал-Я‹куби, демонстрирует упоминание о набеге

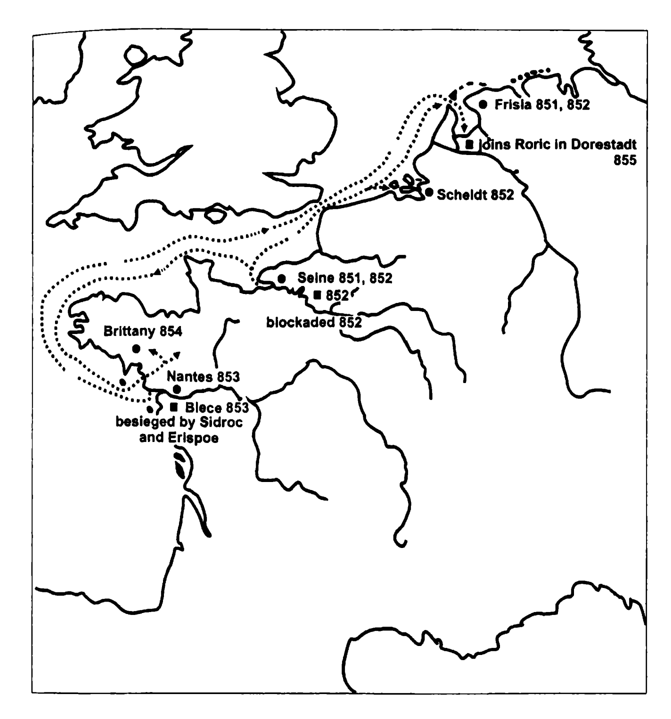


Рис. 1. Рейды Готфрида Харальдсона, родича Рёрика Фрисландского, на территории империи франков в 851–855 гг. с его базы во Фризии (Карта из книги Price N. S. The Vikings in Brittany. 1989) Joins Roric in Dorestad 855 – присоединяется к Рёрику в Дорестаде в 855 г.; Scheldt 852 – Шельда, 852 г.; Seine 851, 852 – Сена, 851 г., 852 г.; blocaded 852 – блокирован в 852 г.; Britany 854 – Бретань, 854 г.; Nantes 853 – Нант, 853 г.; Biece 853 – Бьес или Бьер (остров на Луаре у Нанта); besieged by Sidroc and Erispoe – осажден Сидроком и Эриспоэ

норманнов на Испанию в диссертации В. А. Шорохова. Он отмечает, что в последней статье на данную

тему Т. М. Калинина некритично приняла сторону Гаркави, считающего сообщение поздней вставкой. Как указывает Шорохов, причиной такого решения «стали сомнения в возможности появления действовавших в Восточной Европе русов в традиционном ареале военной активности норвежцев и датчан».

Сам Шорохов считает, что речь идет о набеге данов и что «утверждение Б. А. Рыбакова о том, что события 844 года никакого отношения к Руси не имеют, более предпочтительны, чем мнение А. П. Новосельцева и Т. М. Калининой о том, что вопрос остается дискуссионным» (Шорохов 2014).

Но участие в нападении на Испанию в 844 г. «фризских данов» Харальда Клака и Рёрика Фрисландского, будущих русов Рюрика на Востоке (если принять гипотезу о тождестве Рёрика Фрисландского и Рюрика), может вполне соответствовать действительности. И таким образом данное противоречие разрешается. Например, Готфрид Харальдссон (родич Рёрика) сделал Фризию базой своих набегов на государство Карла Лысого.

И его норманны, как и норманны Рёрика, будущие «ар-Рус» Рюрика, вполне могли принять участие в набеге 844 г. на Испанию.

2.2.7. Торговые пути русов через Испанию и Северную Африку

Наиболее ранним и близким к IX в. является сообщение Ибн-Хордадбеха о торговых путях русов. И тут мы снова встречаем противоречие. Оно заключается в том, что сообщение Хордадбеха о торговых путях русов состоит из двух отрывков. В первом

приводится описание пути купцов русов; во втором — описание их (Ибн-Хордадбех не называет, кого) путей на суше. В первом отрывке описываются торговые пути русов из страны славян до Румского (Средиземного) моря, где они платили пошлину византийцам. А во втором отрывке описывается «их [не названо, чей] путь по суше». Как указывает комментатор Н. Велиханова:

> «Повествуя о торговом пути путешествовавших из Андалузии и Фиранджи, он (Хордадбех) тем самым вводит некоторых исследователей в заблуждение, ибо они относят приведенное описание к купцам-русам и не могут объяснить, каким образом купцы русы начинали свой путь из Испании. Сопоставляя приведенные отрывки, Б. Н. Заходер писал, что никогда и ни при каких условиях нельзя объяснить маршрут русских купцов через Испанию, Северную Африку и т.д.» (Ибн Хордадбех 1986: 41).

Н. Велиханова в комментариях находит выход из положения, приписывая этот второй отрывок описанию путей не русов, а иудейских купцов ар-Разани, о которых Ибн Хордадбех говорил выше, до описания торговых путей русов.

Но О. Прицак считает, что купцы-раданиты (ар-Разани, ар-Раданийа) предшествовали по времени на этих торговых путях сменившим их русам, причем он помещает центр активности русов во Францию (Галлию) около г. Родез (Pritsak 1977: 263). Такую локализацию, пусть и ошибочную, легко можно понять.

Активность скандинавов на континенте была распространена на всей территории империи франков, особенно на территории королевства Карла Лысого. Кроме того, описание этих торговых путей неназванных торговцев идет под заголовком о торговых путях русов. А торговые пути раданитов морем и сушей уже были описаны в предыдущем отрывке.

Но эти торговые пути русов из Франции и Испании казались настолько невозможными, что некоторые зарубежные переводчики (например, П. Б. Голден) исключали данный отрывок из текста о русах и помещали его под заголовком о торговых путях раданитов. Данный отрывок смущал и поставил в тупик Т. Левицкого, Б. Н. Заходера и многих других историков (Romgard 2016: 230–232).

Однако будущие русы, а в то время «фризские даны» Рёрика Фрисландского, со своей базы во Фризии неоднократно атаковали Аквитанию (Price 1989: 27), могли участвовать в набегах на Испанию, так что их контролю над торговыми путями, идущими в Испанию и Северную Африку, удивляться не приходится.

Монтгомери разбивает все сообщения мусульманских писателей о норманнах на две крупные группы. Первая группа сообщений о норманнах, действовавших во Франции и Испании, и вторая — о норманнах, добиравшихся по рекам Восточной Европы до мусульманских стран. В первой группе сообщений мусульманские писатели называют норманнов «маджусами», в сообщениях второй группы они называются «русами» (Montgomery 2008: 550).

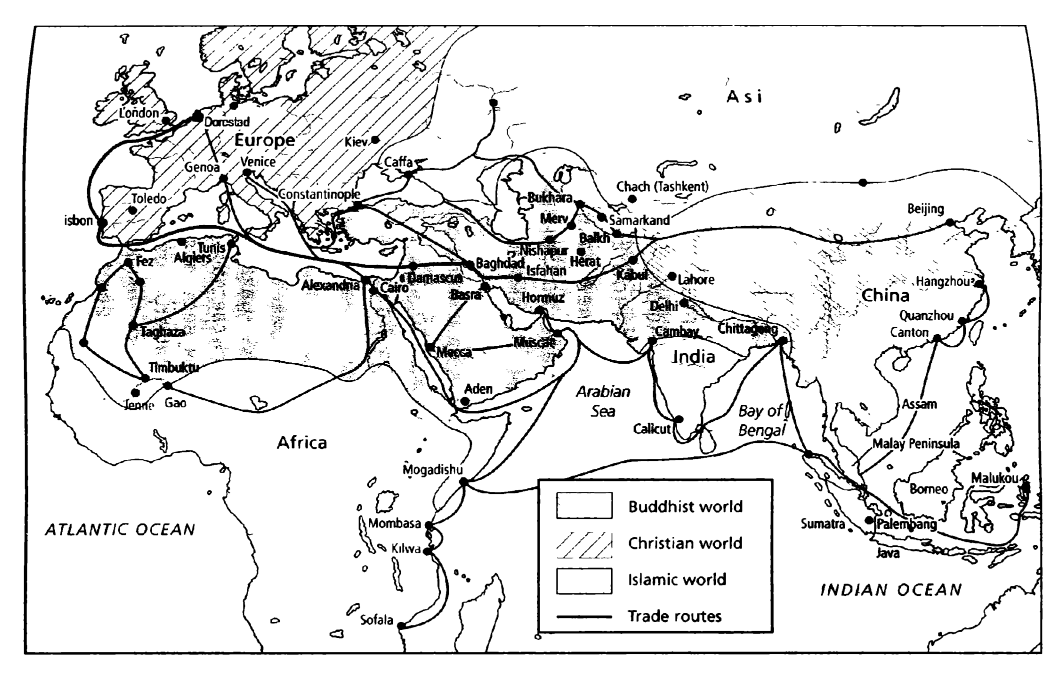


Рис. 2. Карта торговых путей русов и купцов-раданитов (*ар-раззани*) с территории империи франков через Испанию и Сев. Африку в Багдадский халифат согласно Ибн Хордабеху (на основе карты Smith R. The Cambridge World History, vol. 5)

Монтгомери также отмечает, что Ибн Хордадбех описывает два пути, которыми купцы русов (русы у Хордадбеха суть разновидность «сакалиба»[10]) добираются до мусульманских земель: путь по суше через Францию и Испанию и Северную Африку, и путь с севера восточной Европы (речной и морской путь). При этом Монтгомери специально обращает внимание на то, что *некоторые авторы пытаются ошибочно приписать первый путь иудейским купцам ар-Раззани*, о которых Хордадбех говорит ранее (Montgomery 2008: 551).

Таким образом, торговые пути русов, идущие через Испанию и Северную Африку, невозможны при локализации их в Восточной Европе после 850–860-х гг., но до того, в более ранний период, при их локализации на Западе, во Фризии, их контроль над такими торговыми путями вполне реален.

---

[10] Относительно термина «ас-Сакалиба» дискуссия о том, обозначал ли он славян, или светловолосых северных варваров, кажется, продолжается, несмотря на публикацию исследования Д. Мишина, относящего этот термин к славянам (Мишин 2002). Интересно, что Рольф Шин сообщает, что телохранители-дружинники эмира Абд-ар Рахмана II, отражавшие набег викингов в 844 г., стояли из ас-Сакалиба, т. е. саксов, балтийских вендов и данов (Scheen 1996: 70). Чем, возможно, и объясняется успех мусульман в отражении набега в конечном итоге, несмотря на разграбление Севильи.

3. Ситуация на Востоке до Рюрика

3.1. Историография вопроса (славистика времен СССР и настоящего времени)

Согласно ПВЛ, восточнославянские племена словен, вятичей, радимичей, полян, кривичей, древлян уличей и тиверцев расселились по Восточно-Европейской равнине среди финно-угорских племен таких как чудь, весь, меря, мурома и др. С северных славянских племен брали дань варяги, приходившие из-за моря, южные славянские племена были под властью хазар и платили дань им (ПВЛ 1950 ч. 1: 214).

Во времена СССР официальная линия заключалась в признании высокой культуры восточных славян, якобы стоявших на пороге создания собственной государственности (Греков 1949; Тихомиров 1979; Юшков 1949; Третьяков 1970; Рыбаков 1948).

Все это излагалось на основе марксистской концепции возникновения государства в рамках теории смены формаций и разложения родоплеменного строя у восточных славян и существования у них пресловутой «богатой славянской знати» и «военных дружин». Официальные историки вроде Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова и др. стремились, насколько возможно, удревнить историю славян, чтобы показать,

что разложение родоплеменных отношений у них зашло уже достаточно далеко. Показательны в этом отношении капитальные труды, выпущенные под маркой Академии Наук СССР, такие как «Очерки истории СССР» (Очерки 1953) и «История культуры Древней Руси» (История культуры 1948).

> «Славянский этногенез являет собой не картину позднего „расселения" славян из мнимой „прародины", затерянной где-то в южной Прибалтике, но как уходящий своими корнями в глубокую древность процесс постепенной консолидации исторически связанных между собой племен. Так, созданная ныне рабочая историческая концепция происхождения славян учитывает роль в их формировании древнейших земледельческих племён Восточной Европы, оставивших памятники так называемой „трипольской культуры", далее — роль скифских земледельческих племен, создавших большую однородность культуры на широкой периферии античного Причерноморья» (Воронин 1948).

Таким образом, «эпоха Кия» акад. Рыбакова, его стремление объявить скифов-сколотов предками славян, а также стремление объявить славянской богатую черняховскую археологическую культуру, связываемую большинством историков с готами Германариха, имеет вполне обоснованную идеологическую подоплеку. Эта гипотеза Б. А. Рыбакова о скифах-сколотах и будинах Геродота как далеких предках славян, несмотря на жесткую критику

и неприятие большинства историков, продолжает встречаться в статьях отдельных современных авторов (Мячикова 2012а: 129).

Поэтому особо хочется отметить среди отечественных археологов и историков-славистов И. И. Ляпушкина, который, выдержав серьезное давление, связанное с необходимостью всячески завышать уровень культуры и вооруженности славян, продолжал показывать объективную картину славянской археологии (Щавелев 2012: 35–36).

Впервые работы Юшкова, Тихомирова, Рыбакова были подвергнуты жесткой критике в 1960 г. в работе Андрея Амальрика «Норманны и Киевская Русь», которая долго оставалась неизвестной отечественным историкам, а сам Амальрик был исключен из МГУ (Амальрик 2018). В 1993 г. уже А. П. Новосельцев выступил с аналогичной резкой критикой книги Б. А. Рыбакова «Мир истории» (Новосельцев 1993).

В свое время отдал дань официальному антинорманизму и марксистской концепции классового государства В. В. Мавродин:

> «Государство складывается там и тогда, где и когда имеются условия для его появления в виде деления общества на классы. Складывание *феодальных отношений у восточных славян* (Sic!) не могло не обусловить образование раннефеодального государства... Борьба со скандинавскими варягами-викингами на северо-западе, с хазарами, а позднее с печенегами-торками и другими кочевыми племенами на юго-востоке и юге ускорила процесс *склады-*

> *вания мощных территориальных объединений* (Sic!), пришедших на смену *племенным союзам*» (Мавродин 1978: 125)

В исторической науке СССР работы о восточных славянах писались так, как будто никаких скандинавов на территории Восточной Европы вообще не было. Речь шла о феодализме у восточных славян, миновавших стадию рабовладельческого общества. Отдельные попытки реанимации «славянской» гипотезы происхождения Руси имеют место в работах историков В. В. Седова и П. П. Толочко (Седов 1998; Толочко 1987). Удивительно, но до сих пор появляются работы, продолжающие советскую антинорманистскую линию (Темушев 2008, 2012; Melnichuk 2013; Жих 2015).

К сожалению, похоже, что в славистике продолжаются прежние тенденции. И снова мы встречаемся с «полянским союзом племен», «восточнославянским государством X в.», «этнополитическими союзами (Sic!) славянских племен», «эволюцией „словиний" до уровня полноценных государств», «одинаковым уровнем общественного и культурного развития славян и норманнов», ну и, конечно же, «славянской знатью догосударственной эпохи» (Жих 2015). Иначе не к кому будет наниматься на службу «находникам-варягам», пришлому элементу, никак не повлиявшему... и т. д. Иногда и по сей день случается встретить совершенно неожиданный и непонятно на чем основанный вывод о «более высоком потестарно-политическом уровне развития «славян», чем «русов» в середине IX века» (Шинаков 2012: 38). И снова

проявляется тенденция писать о складывании потестарных структур у славян, в частности восточных, как если бы никаких варягов не было и в помине.

Хочется особо отметить в настоящее время попытки перехода к новой терминологии, к использованию таких терминов как «восточнославянский политогенез», «племенные княжества», «союзы племенных княжеств», «славинии» (Пузанов 2017:120–121; Горский 2001, 2010).

Говоря о терминологии, следует отметить, что такие термины, как «племенной союз», «союз племен», подразумевают наличие в данном союзе отдельных племен, известных нам по названиям и локализуемых на конкретной территории. Или же в составе археологической культуры, отождествляемой с данным племенем, должны быть выделены четкие границы субкультур, что позволило бы рассматривать эти субкультуры как признаки наличия отдельных племен в составе более крупного «племенного союза». В качестве примера реального союза племен можно привести ободритов, включавших такие известные племена, как вагры, древане, варны и т. д. Какие-либо племена, входившие в племенные союзы, для восточных славян нам неизвестны, поэтому нет никаких оснований для использования подобных терминов. Историки, отстаивающие эту новую терминологию, видимо, и сами понимают это, и пытаются поэтому заменить однозначный термин «племенной союз» размытым термином «славинии».

Племя может быть малым или крупным, занимать различную (малую или большую) территорию, называться по месту обитания или по герою-эпониму, но

это, по моему мнению, не значит, что крупное племя надо называть «союзом племен» или придумывать для него иной новый термин.

Объяснения, подводимые под использование новой терминологии и под отказ от термина «племя», связаны с разнородным наименованием славянских общностей. То, что часть из этнонимов носит территориальный характер, якобы свидетельствует о разложении родовых отношений. А также указывает на перемешивание славян в процессе расселения на новых землях (Горский 2010: 6–15).

Собственно, ничего нового в смысле анализа источников или археологических находок, которые давали бы основание для таких терминологических нововведений, пока нет. Но ведь ранее историки и археологи выделяли славянские племена и говорили именно о родо-племенных отношениях у славян не на пустом месте. Такой источник, как ПВЛ, составленная в XI в., говоря о славянах доваряжского периода, тем не менее, постоянно упоминает о славянских родах (ПВЛ 1950 ч. 1: 208, 209, 214). Создается впечатление, что и во время составления ПВЛ род еще был живучей социальной общностью. Тем более что антропологи продолжают отстаивать использование термина «племя», имеющего долгую и интересную историю (Крадин 2015).

Нельзя сказать, что историки, использовавшие, говоря о славянах, термин «родоплеменные отношения», не осознавали всего этого. В свое время В. О. Ключевский указал на родовые отношения славян и на *единственный известный нам из летописи факт существования племенного союза* дулебов.

«На Карпатах эти славяне, по-видимому, жили еще первобытными родовыми союзами. Черты такого быта мелькают в неясных и скудных византийских известиях о славянах VI и начала VII в. По этим известиям славяне управлялись многочисленными царьками и филархами, т. е. племенными князьками и родовыми старейшинами, и имели обычай собираться на совещания об общих делах. По-видимому, речь идет о родовых сходах и племенных вечах. В то же время византийские известия указывают на *недостаток согласия, на частые усобицы между славянами — обычный признак жизни мелкими разобщенными родами.* Если что можно извлечь из этих указаний, то разве одно предположение, что уже в VI в. мелкие славянские роды начинали смыкаться в более крупные союзы, колена или племена, хотя родовая обособленность еще преобладала» (Ключевский 2002: 106–1075).

Ключевский указывал на раздробление родовых отношений при переселении, но, основываясь на источниках, тем не менее, считал, что в основе своей эти отношения продолжали господствовать в славянских обществах и на новых местах. А как сказал В. Ф. Минорский «*Одним подозрением нельзя удалить слов, стоящих в рукописи*».

Использование этой новой терминологии, как кажется, имеет целью затушевать отсутствие конкретной информации о восточных славянах и финнах до появления варягов. И подчеркнуть более высокий уровень организации этих племен, чем он был на

самом деле. Все сводится к тому, чтобы показать любыми средствами, что славяне, и восточные славяне в частности, находились на пороге создания своей государственности. На мой взгляд, это возрождение «славянской теории происхождения Руси» времен официального антинорманизма СССР, только в новом обличье.

Восточные славяне, конечно, развивались бы и создали рано или поздно свою государственность, поскольку им не мешали воинственные соседи, как помешали они балтийским славянам. Другой вопрос — насколько этому мешала племенная рознь, отмеченная у всех славянских племен и особенно наглядно проявившаяся у балтийских славян. Но у восточных славян отсутствовал тот внешний фактор, тот механизм, который запускает процесс складывания государства и который, согласно Классену, необходим для развития государственности (Классен 2006: 79).

Интересны выводы Р. Л. Карнейро о влиянии географического фактора. Карнейро пишет относительно разбросанных в лесах общин Амазонии, что побежденное в междоусобных стычках племя или община всегда могли уйти и скрыться в лесах. Поэтому победители не делали попыток покорить побежденных и обложить их данью. В таких условиях у общин не было стимула к объединению (Карнейро 2006: 60). Что очень напоминает ситуацию у славянских и финских племен лесной зоны.

Фактором, который мог стать пятым необходимым условием создания государственности по Х. Дж. М. Классену у восточных славян, могла быть

«нужда в защите торговли на дальние расстояния» (Классен 2006: 79). Но прежде чем дальняя торговля начала серьезно воздействовать на восточнославянское общество и вести к обогащению и выделению знати, разложению родоплеменных отношений и образованию предпосылок для создания государственности, таким внешним фактором оказались варяги-русы. Они появились в землях славян и финнов на Северо-Западе начиная с VIII в., и, возможно, таким же фактором явились хазары на Юге. Именно варяги в середине IX в. создали, занимая уже существующие славянские и финские городища, ряд форпостов на пути «из варяг в греки», способствовавших дальней торговле.

3.2. Культура восточных славян

Для того чтобы понять, как повлияли варяги Рюрика на жизнь славянских и финских племен, нужно посмотреть, как славяне и финны жили до появления варягов. Этнографы в основном пытаются восстанавливать быт и культуру восточных славян по аналогии с более поздними известными нам обычаями и обрядами восточных славян — русских, украинцев, белорусов (Зеленин 1991). Для этого им приходится также обращаться к скупым сообщениям византийских источников и археологическим находкам на местах славянских поселений и погребений до второй половины IX в.

В раннем Средневековье уровень культуры определялся в основном наличием кузнечного дела. Кузнецы ковали бытовые орудия и оружие, из металла

изготавливались украшения. Без качественного металла невозможно было изготавливать оружие, а без качественного оружия и защитного снаряжения нельзя было вести рукопашный бой на открытой местности. А без этого не были возможны никакие военные предприятия, направленные на расширение территории или подчинение соседних племен. Таким образом, уровень развития кузнечного дела определял очень многое.

> «...Остаются пока лишь достоянием историографии интересные идеи Н. А. Рожкова и И. М. Кулишера относительно развития древнерусского ремесла. Если, по мнению Н. А. Рожкова, выступающего вразрез утвердившейся точке зрения, „обрабатывающая промышленность X–XII вв. была ничтожна", то, что же она могла представлять собой в VI–VII вв.?... К этому можно добавить, что изделия из черных металлов, в том числе предметы вооружения на памятниках славян VI–VII вв., хотя бы типологически (о производстве не говорим) славянам не принадлежат. По мнению Н. И. Лященко, и гончарное производство на Русь было занесено иноземными мастерами. Вряд ли кто из археологов не согласится с тем, что даже лепная раннеславянская керамика VI–VII вв. изготовлена крайне неумело, если не сказать примитивно. Но эти авторы опубликовали свои труды в первой половине 1920-х годов, когда еще не установился цензурно-идеологический гнет, а современные историки и археологи вряд ли пойдут на то,

> чтобы исправить написанное ими на основе книги Б. А. Рыбакова „Ремесло Древней Руси"» (Поляков 2006: 18).

Как же обстояло дело с кузнечным ремеслом у восточных славян? Основным видом руды была болотная руда низкого качества (Рыбаков 1948: 123–126).

> «Основным материалом для изготовления кузнечных изделий являлись железо и сырцовая сталь, полученная непосредственно в сыродутном горне. Металл отличается низкими показателями микротвердости структурных составляющих... Картина в местном кузнечном ремесле резко меняется в IX–XI вв., когда происходит активизация трансъевропейской торговли по Балтийско-Волжскому пути. Определяющую роль при этом сыграла торговая деятельность скандинавов» (Завьялов, Терехова 2012: 255–256).

В Скандинавии, где имелись залежи более высококачественной руды, особая роль кузнецов нашла свое отражение и в «Старшей Эдде», и в исландских сагах (Gustafsson 2012; Einarson 2011). Кузнец изображался существом, наделенным сверхъестественными возможностями (Carlisle 2013: 137). Скандинавская технология трехслойного пакета явилась инновационным новшеством, принесенным скандинавами на территорию Восточной Европы (Завьялов, Терехова 2015). Мечи в Скандинавии были в IX в. в основном привозными «франкскими», но было и местное производство.

В. В. Седов, крупнейший специалист по истории славян, будучи серьезным ученым, не мог отрицать факты:

> «возникновение экономического неравенства на материалах исследованных археологами поселений выявить невозможно. Кажется, нет отчетливых следов дифференциации славянского общества и в могильных памятниках VI–VIII в.»

Но без разложения родоплеменных отношений нельзя говорить о предпосылках создания государственности. Одной из таких предпосылок является имущественное неравенство, выделение знати, появление военных дружин профессиональных воинов вместо племенного ополчения. Поэтому Седов тут же объясняет:

> «однако это обусловлено прежде всего славянским погребальным ритуалом (у славян-язычников не принято было класть в могилу вещевой инвентарь), а не отсутствием неравенства в славянском обществе» (Седов 1982: 244).

Проверить такое заявление легко. У западных и южных славян, там, где разложение общинных отношений зашло достаточно далеко, украшения, оружие и предметы роскоши клали в могилы вместе с другим погребальным инвентарем. Язычники верили в загробную жизнь и старались обеспечить умершего предметами быта и оружием, потребным в другой жизни. И славяне в этом плане не отличались от других язычников. Тем более что после прихода

варягов-руси в землях восточных славян оружие в дружинных курганах начинает постоянно встречаться (Седов 1982: 248–256; Нидерле 1956: 207).

Очень наглядно видно, как историкам на скудном археологическом материале приходится придумывать доказательства высокой культуры восточных славян и любыми средствами доказывать наличие предпосылок для создания государственности.

О быте и культуре восточных славян мы знаем только из скупых сообщений ПВЛ и инвектив древнерусской православной церкви против язычников. Летопись неоднократно сообщает о родовом строе восточных славян:

> «поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем. – *Д. Л.* [11]), были уже поляне и жили они родами на своих местах, управляясь каждые своим родом» (ПВЛ 1950 ч. 1: 208).

А также в летописи говорится о княжениях отдельных славянских племен, возглавлявшихся местными старейшинами и князьками, наподобие древлянского Мала. Сообщение летописи, выделяющей полян и противопоставляющее их остальным славянским племенам, живущим «звериным обычаем», историки соотносят с другими инвективами христиан против язычников. Вот, пожалуй, и все, что из ПВЛ мы реально знаем о быте восточных славян до прихода Рюрика и его варягов.

---

[11] ПВЛ в переводе Д. С. Лихачева.

3.3. Вооружение и военное дело восточных славян

Одной из важных предпосылок к созданию государственности является военное дело, умение вести наступательные и оборонительные войны, для чего, естественно, необходимо наступательное и защитное вооружение. Без умения защищать свою территорию и покорять соседние племена, эту территорию расширяя, не может быть речи о создании государственности. Об оружии на поселениях и в погребениях восточных славян, датируемых VI–VIII вв., В. В. Седов, один из наиболее известных историков-славистов, вообще практически ничего не пишет. Он пишет о «дружинной культуре», возникшей у восточных славян начиная с середины IX в., так, как если бы никаких скандинавов в славянских землях не было вообще.

К числу археологических культур, уверенно связываемых со славянами, относятся пражско-корчакская, датируемая V–VII вв. (Седов 1982: 10), и сменившая ее к началу VIII в. лука-райковецкая культуры (Седов 1999: 45) Как отмечает В. В. Седов, для археологических находок в ареале пражско-корчакской культуры «предметы вооружения и конского снаряжения крайне немногочисленны. Это — наконечники копий, дротиков и стрел, удила и шпоры». Седов при этом также отмечает архаизацию кузнечного дела славянского населения пражско-корчакской группировки (Седов 1995: 23).

Лука-райковецкую культуру соотносят с такими племенами восточных славян, как волыняне,

древляне, дреговичи, поляне, уличи, а также, возможно, с тиверцами и хорватами (Гавритухин 2011: 117).

В основном сообщения о находках оружия на поселениях и в погребениях восточных славян относятся к археологическим культурам, принадлежность которых славянам весьма спорна. В монографии В. В. Седова объемом 328 страниц, посвященной восточнославянским племенам, оружие в виде отдельных находок наконечников стрел и копий представлено в числе прочих предметов на 4–5 рисунках (Седов 1982: 70,74, 198, 207, 214).

В качестве примера также можно привести тот факт, что в объемных монографиях, посвященных восточным славянам, например в монографии В. Д. Барана объемом 495 страниц, кроме отдельных упоминаний в общем контексте, оружию славян отводится всего несколько страниц (Баран 1990: 81–83), причем описания находок вооружения относятся к пшеворской археологической культуре (II в. до н. э. — начало V в. н. э.).

Д. Н. Козак отмечает, что большинство польских историков и археологов относят пшеворскую культуру к культуре германского племени лугиев. Со ссылкой на труды Русановой и Седова он пишет, что «ряд польских и советских ученых продолжает поиск доказательств пребывания в составе пшеворской культуры славянского компонента» (Козак 1990).

В византийских источниках — у Прокопия и Псевдо-Маврикия — рассказывается о снаряжении и тактике южных славян. Во франкских источниках в основном рассказывается о вторжениях франков в земли славян (Barford 2001: 139).

С методологической точки зрения очень важен вопрос о возможности распространения информации, накопленной о славянах, локализуемых на Юге (Подунавье и Балканский полуостров) и на Западе (Прикарпатье), на восточных славян Приладожья, Поволжья и Приднепровья. Против такой некритичной экстраполяции выступали И. И. Ляпушкин и Г. Ф. Корзухина. Они говорили о необходимости критически рассматривать каждое сообщение, сверяя его с археологическими данными (Ляпушкин 1968: 11–12; Корзухина 1955: 64).

И. П. Русановой (Русанова 1976: 195) была сделана попытка

> «снять существовавшие возражения против возможности использования данных византийских историков о славянах и антах Дунайского бассейна для реконструкции экономики, социальных отношений, политических интересов, культуры, быта, нравов, военной техники и пр. у населения Среднего Поднепровья» (Поляков 2003:7).

Дело в том, что даже до разделения единой славянской общности на южных, восточных и западных славян, славяне, локализуемые на юге, вступали в соприкосновение с высокоразвитой Византийской империей, а на западе с высокоразвитой империей франков. Это не могло не отразиться на вооружении этих славян, на их тактике, вообще на организации военного дела. Хотя М. Брайчевский бездоказательно заявлял, что:

> «вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что в движении славян на юг, в пределы Византийской империи принимали участие не только собственно антские племена (носители культуры полей погребений черняховского типа), но и более северные и северо-восточные их соседи» (Брайчевский 1953: 34).

Такой вывод делался умозрительно на основе совпадений этнонима «северяне» у восточных и дунайских славян. Но у нас нет никаких других данных об участии племен лесной зоны Восточной Европы в войнах с Византией.

В очень интересных, содержательных и изобилующих фактическим материалом статьях М. Казанского за множественностью ссылок на памятники тех или иных культур, которые теоретически можно отнести к славянам, скрыт основной вывод, который можно сделать на основе рассматриваемых материалов. Находки защитного и наступательного вооружения и клинкового оружия носят единичный характер. Более того, эти находки, как правило, сделаны в зоне полиэтничных культур, где только предполагается наличие славянского элемента. То есть не исключена принадлежность этих единичных находок представителям других этносов. В то же время сам М. Казанский указывает, что две культуры, уверенно связываемые со славянами — пражско-корчакская и лука-райковецкая — чрезвычайно бедны находками оружия.

Основной вопрос, который возникает при изучении археологических материалов — насколько эти

данные расходятся с описанием славян, их вооружения и тактики в византийских источниках.

Количественный анализ находок славянского вооружения в каталоге М. Казанского (Казанский 2015: 75–82) показывает, что огромное большинство находок представляют наконечники копий и дротиков разных видов и типов. Единичные находки защитного и наступательного вооружения относятся либо к полиэтничным культурам спорного происхождения, в которых предполагается наличие славянского элемента, либо к славянам, уже вступившим в контакты с культурами, стоящими на более высоком уровне (Византия, империя франков, Аварский каганат, Хазарский каганат).

Даже для южных славян М. Казанский выделяет период до 580 г., когда они практически не имели защитного и наступательного вооружения, и более позднее время, когда благодаря службе в Византийской армии и постоянным войнам с Византией они освоили новые виды вооружения и изменили тактику.

А славяне лесной полосы, не контактировавшие с развитыми цивилизациями раннего Средневековья, оставались до IX в. в состоянии, характерном для южных славян до 580 г. Их военные предприятия сводились в основном к межплеменным стычкам и войнам. В таких стычках принимали участие, как правило, небольшие отряды, до двух сотен человек. Археологически следы таких межплеменных войн славян лесной полосы устанавливаются по следам пожарищ и разрушений на поселениях и городищах (Barford 2001: 139–140). Поэтому можно сделать вывод, что археология полностью подтверждает данные

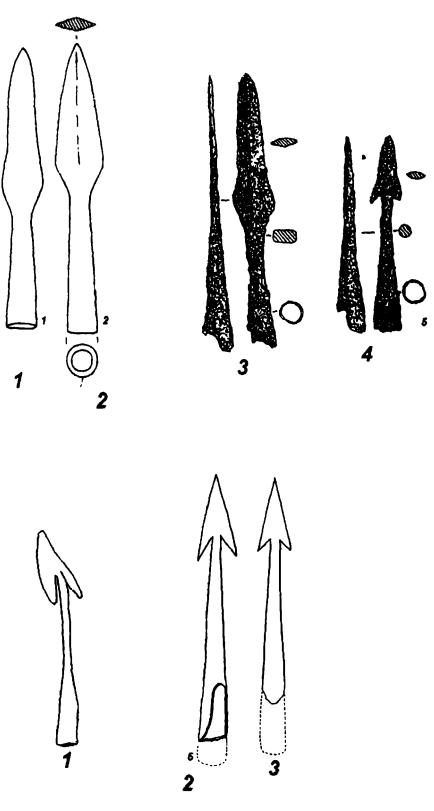


Рис. 3. Примеры вооружения славянских воинов VI–VII вв. по археологическим находкам
(Илл. из книги Полякова А. С. Военное дело у славян в VI–VII веках, 2006)
Парные наконечники копий-дротиков из погребений 1–2 Княжий (по Е. А. Горюнову); 3–4 Кораблино (По И. Р. Ахмедову, М. М. Казанскому)
Двушипные дротики (нижний рисунок).
1 Колочин (по Е. А. Шмидту); 2–3 Шатрищенский могильник (?) (по Р. Л. Розенфельдту)

византийских авторов о вооружении любых славян до 580 г., и в частности восточных славян лесной полосы в IX в., до появления варягов-руси.

Что же изменилось с появлением в землях славянских и финских племен варягов-русов Рюрика? Но заметим, что еще до появления в средине IX в. русов Рюрика в анналах франков засвидетельствовано прибытие послов народа Rhos, оказавшихся свеонами, ко двору императора Людовика Благочестивого.

Начиная с середины VIII — начала IX в. славяне и финны лесной полосы на северо-западе вступают в контакты с норманнами. А с середины IX в. происходят революционные изменения в кузнечном деле (Щендрыгин, Пенской 2011, Пенской 2013), повлекшие за собой радикальные изменения во всей культуре славян.

> «Картина в местном кузнечном ремесле резко меняется в IX–XI вв., когда происходит активизация трансъевропейской торговли по Балтийско-Волжскому пути. Определяющую роль при этом сыграла торговая деятельность скандинавов. Особенностью восточноевропейских походов викингов было активное вовлечение в торговлю по Великому Волжскому пути местных народов — славян и финно-угров. Трансъевропейская торговля способствовала развитию межэтнических контактов и послужила стимулом невиданного до тех пор прогресса в области экономики,техники и культуры» (Кирпичников 2002).

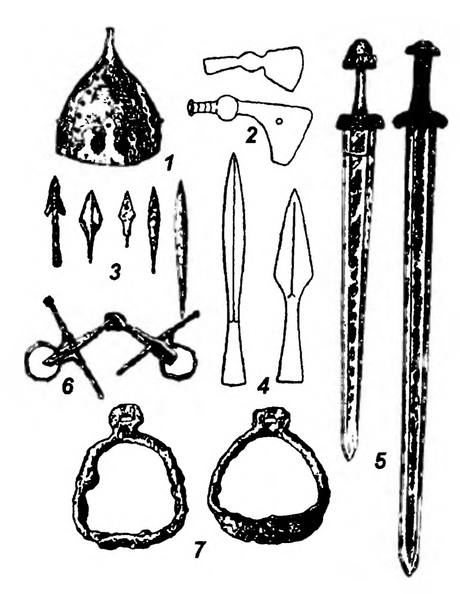


Рис. 4. Комплект вооружения славянского воина в X–XI вв. (Илл. из учебника Янина В. Л. Археология, 2006). Приведенный пример наглядно иллюстрирует тот переворот, что произошел в вооружении славянских воинов
1 — шлем; 2 — топоры; 3 — наконечники стрел; 4 — наконечники копий; 5 — двулезвийные мечи; 6 — удила с псалиями; 7 — стремена

Именно в IX в. в землях восточных славян началось то, что с полным правом можно назвать революционными изменениями. За относительно малый период (по сравнению с медленным предшествующим развитием) произошли резкие изменения в кузнечном деле, в вооружении и военной тактике, напрямую связанной с существующим вооружением.

Вот что говорят признанные специалисты в области изучения древнего оружия.

> «...Боевые средства славян VI–VII вв. были весьма скудными и в этом смысле ни в какое сравнение не идут с тем, что появляется в киевский период. У обитателей Восточной Европы середины I тысячелетия н. э. преобладали лук и стрелы, метательные дротики; мечи, шлемы и кольчуги почти отсутствовали...» (Кирпичников, Медведев 1985: 320).

Вооружение русов Святослава, в состав которых, несомненно, входили как русы-варяги, так и славяне, в середине X в. описанное византийцами, уже полностью соответствует вооружению воина-дружинника.

Изменилась полностью и тактика. Теперь славяне вместе с русами ведут рукопашный бой с византийцами на равных.

3.4. Свеонская русь («Русский каганат») в землях восточных славян и финнов

Появлению руси на мировой исторической арене посвящена обширная литература, в частности, первым сообщениям о ней в источниках посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных историков (Успенский 1890, 1915; Мошин 1931; Vasiliev 1946; Кузенков 2003, 2012; Воронятов 2005, 2012; Комар 2003; Шинаков 2011, 2014; Горский 2013, 2014; Щавелев 2013, 2014; Синицына 2013; Риер 2016; Темушев 2012; Цукерман 2001; Garipzanov 2006; Shepard 1995; Lind 2006; Duczko 2004; Hraundal 2009).

Тот факт, что этих свеонов тоже называли русами, как позже называли и варягов Рюрика, показывает, что имя руси появилось значительно раньше, чем об этом сообщает ПВЛ. Возможно, летописцу XI в. нужно было объяснить, почему варягов-«находников», позже нанимавшихся на службу к русским князьям, не называли русами. И он связал это имя с варягами первой волны, варягами Рюрика, хотя сам указывал, что и до Рюрика варяги в этих землях были и собирали дань со славян и финнов.

Большинство историков согласно видеть в этих русах тех же людей, которых арабы называли «ар-Рус», а византийцы Ρωξ. Но далее мнения относительно имени или титула вождя этих росов, их локализации, социальной организации этого сообщества, их преемственности с русью Рюрика, расходятся (Boba 1967: 23–24). Южная локализация этой руси связана, как правило, с признанием титула вождя этих русов «каган». Сама эта русь получила неудачное название «Русский каганат», основываясь все на том же упоминании титула «каган». Причем К. Витчак связывает именно с посольством этой руси появление такого документа как «Баварский географ». Он считает «Баварский географ» в описании ряда славянских племен сознательно искаженной послами руси информацией (Witczak 2013: 42).

Некоторые историки постулировали существование некоей Аскольдовой Руси (Брайчевский 1968; Лебедев 1994) как первого протогосударственного образования в Приднепровье. Однако Н. А. Макаров, говоря о «Русском каганате», отмечает эфемерность этого протогосударственного образования

и отсутствие его археологических следов на юге (Макаров 2012).

Между этой русью и русью Рюрика было одно существенное отличие. Процесс освоения незнакомых земель норманнами на Западе, как показывают источники, состоял, как минимум, из двух этапов. Вначале это были набеги отдельных дружин норманнов, возвращавшихся с добычей на родину. Причем количество участников и частота рейдов возрастали. И, наконец, наступал второй этап, когда норманны начинали зимовать в чужих землях и затем селиться в них, занимая поселения местных племен и образуя области со скандинавским населением. Так было в Британии и на континенте.

Тот же характер процесса освоения новых земель норманнами мы видим на Востоке (Комар`2017: 42; Humbert 2015: 29–44). Рольф Шин выделяет между этими двумя этапами набегов и колонизации третий этап — торговлю (Scheen 1996: 70).

А. А. Горский выделяет три волны норманнов — «дорюриковы» норманны (я называю их свеонской русью по послам этой руси — свеонам 839 г.), русов Рюрика, и наконец варягов-«находников», призывавшихся русскими князьями в помощь. При этом он отмечает, что государствообразующую роль играла только вторая волна норманнов — русь Рюрика (Горский 2012в: 81).

Свеонская русь, существование которой документально подтверждено сообщением Бертинских анналов от 839 г., скорее всего, соответствовала первому этапу освоения новых земель норманнами. Как отметил Ильдар Гарипзанов:

> «It is another question whether Håkan, king of Rhos, had a permanent seat, or was on constant move, as many chiefs of the Northmen were in other parts of North Europe, either collecting tribute in the region under control or plundering neighbors»[12] (Garipzanov 2006: 11).

Большинство историков основывается на сообщении Бертинских анналов франков о том, что вождя этой свеонской руси зовут Chacan и считают это титулом «каган», известным у кочевых народов, и в частности у хазар. Они предполагают существование некоей скандинавской общности, вождества или протогосударства, в землях славян и финнов, которому присвоили весьма неудачное, на мой взгляд, название «Русский каганат». Этой свеонской руси, вероятно, соответствует сообщение ПВЛ о варягах, собирающих дань с северных славянских и финских племен, в то время как хазары собирали дань с южных.

Наибольший интерес по данному вопросу представляет, на мой взгляд, работа К. Цукермана (Цукерман 2001), фактически предполагающая существование двух разновременных, независимых друг от друга, скандинавских вождеств на территории Восточной Европы, вызвавшая дискуссию (Петрухин 2001; Толочко 2003; Седов 2003; Калинина 2003;

---

[12] «Другой вопрос, имел ли Хакон, конунг Руси, постоянное место пребывания или находился в постоянном движении, как многие вожди норманнов в других частях Северной Европы, собирая дань в районе, находящемся под его контролем, или грабя соседей» (*перевод О. Л. Губарева*).

Иванов 2003). К первому из этих вождеств часто применяется термин «Русский каганат». К сожалению, использование данного весьма спорного термина, являющегося по сути оксюмороном, получило широкое распространение. Русы как народ-мореход и степная империя — «каганат» — являются несовместимыми понятиями. Причем этот неудачный термин получил распространение не только в работах отечественных, но и зарубежных историков (Golden 1982; Pritsak 1977: 268; Цукерман 2001).

Интересны также работы Д. А. Мачинского, посвященные начальной Руси и ее локализации (Мачинский 2009а, 2009б), в которых содержится много привлекательных, смелых, но часто весьма спорных гипотез. Наиболее существенной представляется критика термина «Русский каганат» В. Я. Петрухиным и А. П. Толочко (Петрухин 2001; Толочко 2015). В. Дучко также отмечает неудовлетворительность использования данного термина (Duczko 2004: 29).

С точки зрения источниковедения, важна капитальная работа И. Гарипзанова, пока не получившая признания среди российских историков (Garipzanov 2006). В случае своего подтверждения она ставит крест на вопросе и о «каганате», и о его южной локализации. Поскольку, как я указывал ранее, гипотеза о южной локализации условного «каганата» опирается только на признание существования титула «каган» у вождя русов-свеонов.

А. П. Толочко тоже, на мой взгляд убедительно, критикует гипотезу о титуле «каган» вождя русов, ссылаясь в том числе на работу А. А. Куника (Толочко 2015: 115, 125–128). В ней академик, отстаивавший

ранее (под влиянием идей Иоганна Круга) гипотезу о титуле «каган», признает, что нельзя с уверенностью этого сказать, так как это может быть и скандинавское имя Хакон.

> «...Мы все же не можем с уверенностью принять ни того, что в Chacanus скрывается северное имя: Гакон, ни подозревать в нем тюркский титул: хаган» (Куник 1864: 84).

К сожалению, историки более позднего времени не обратили внимания на данный вывод Куника и приняли без обсуждения положения его более ранних работ. Если же принять данное соображение Куника, тогда «Русский каганат» вообще превращается в фантом и очередной исторический казус. Сомнительность термина «каган» в сообщении Бертинских анналов допускает и А. С. Щавелев (Щавелев 2014: 324, прим. 6.). В. Дучко обратил внимание на странный факт, что в книге Ибн-Хордадбеха в главе «Титулы правителей земли» каганами названы вожди тюрок, хазар и тибетцев, но не упомянут ни словом «каган русов» (Duczko 2004: 25).

Ни один из историков, признающих титул «каган» вождя русов, пока не смог объяснить, почему византийцы вождей всех других варварских народов титуловали «архонтами» и только для вождя скандинавского эфемерного протогосударственного образования сделали исключение и признали его «каганом», уравняв тем самым с каганом могущественного Хазарского каганата. Наиболее логичным представляется объяснение, что «каган» русов — это

и есть каган хазар, пославший скандинавов, служивших ему, в это посольство, но и тогда возникает множество вопросов, на которые нет ответов.

Иногда появляются работы последователей А. Г. Кузьмина по данному вопросу, вызывающие, по меньшей мере, недоумение и обращающиеся, на основе предположения о кочевническом титуле вождя русов, к давно отвергнутой в XIX в. гипотезе аланской руси М. В. Ломоносова (Галкина 2002, 2012; Жих 2009; Риер 2016; Плетнева 2015). Но то, что было позволительно историкам XIX в., опиравшимся только на вольную интерпретацию исторических источников при отсутствии накопленной археологической информации, непозволительно историкам XXI в.

А. П. Новосельцев поддержал гипотезу А. А. Шахматова о том, что посольство 839 г. было послано Аскольдом и Диром (Новосельцев 2000: 464), хотя, согласно ПВЛ, Аскольд и Дир принадлежали к руси Рюрика.

Ф. И. Успенский связывал зафиксированную в византийских источниках легенду о колдовских чарах патриарха Иоанна VII Грамматика против трех вождей неизвестного народа, напавшего на границы империи, с сообщением о посольстве народа Rhos в 839 г. к франкам и сообщениями агиографических источников о набегах русов на Сурож и Амастриду (Успенский 1890).

Кроме достоверного сообщения Бертинских анналов есть косвенные свидетельства о скандинавах, или русах, побывавших в Византии еще ранее. В истории Византии нам известны два Ингера — митрополит Никеи и отец императрицы Евдокии

Ингерины. Время их жизни датируется концом VIII — началом IX в. Скандинавский характер имен не вызывает сомнений, поэтому мы можем предположить, что скандинавы-русы (*ruotsi*) проникали в Византию уже в это время, причем были инкорпорированы в высшую знать империи (Mango 1973; Kislinger 1983; Pritsak 1989; Кузенков 2003: 5; Мачинский 2009а: 501, прим. 13; Мельникова 2011б: 272). Против скандинавской принадлежности этих имен выступил только А. С. Щавелев, считая их гото-германской традицией (Щавелев 2012).

Попасть в Константинополь из Скандинавии можно было двумя путями — через земли восточных славян и финнов по рекам Восточной Европы (то есть по знаменитому пути «из варяг в греки»). Или вторым путем — морским по Средиземноморью. Собственно, примерно этим двум возможным путям соответствуют значительно позже два похода норманнов на Константинополь — поход условных Аскольда и Дира в 860 г. с востока и поход Хастингса и Бьёрна в Средиземноморье, очевидно с целью достичь Константинополя с запада, в 859 г. При этом второй путь гораздо более длинный и опасный. От такого предположения вообще приходиться отказаться, поскольку послы говорят, что не могут вернуться тем же путем из-за диких, свирепых народов, что предполагает путь по суше или по рекам. Поэтому, скорее всего, эти скандинавы попали в Византию через Русь, поскольку в Ладоге скандинавы появились уже в 753 г. (Boba 1967: 25).

Трудно предположить, что они могли добраться в Константинополь иным путем, кроме как по рекам

восточной Европы. Это соответствует предположению Е. А. Мельниковой, что освоение пути из Скандинавии «в греки» началось задолго до появления росов в Ингельгейме в 839 г. и до прихода Рюрика со «всей русью» (Мельникова 2011в: 444–445).

О. Прицак сопоставляет время появления первых скандинавов в Византии и на Востоке с первыми набегами норманнов на Западе (Pritsak 1989: 112). Археология для VIII — начала IX в. обнаруживает присутствие скандинавов только на северо-западе в Приладожье и Приильменье. Поиски следов «русского каганата» на юге в Приднепровье, куда его помещают, основываясь на титуле вождя этого образования «каган», характерном для хазар, результатов не дали.

> «Единственным приемлемым разрешением противоречий между письменными источниками и археологией является признание того, что политическая организация руси в это время была ещё достаточно эфемерной структурой, находившейся в самой начальной стадии формирования» (Макаров 2012:456).

А не проще ли предположить, что и протогосударственного образования как такового не было. Что были отдельные дружины, которые иногда могли быть довольно многочисленными. Что эти дружины совершали набеги и собирали дань, каждый раз возвращаясь на родину, как это вначале было на Западе. И либо вождь одной из таких дружин решил принять хазарский титул, что очень сомнительно,

либо вождя дружины действительно звали Хакон. И какие-то скандинавы из его дружины добрались до Константинополя, где византийцы включили их в состав своего посольства, рассчитывая заключить союз с данами, если не удастся заключить его с франками (Duczko 2012: 44–46).

3.5. Немного о терминологии (оксюморон «Русский каганат»)

С недавнего времени, как я уже говорил выше, в научный обиход историков, занимающихся вопросом о Руси IX в., вошел термин «Русский каганат». Термин этот впервые использован еще в XIX в. С. А. Гедеоновым в его «Отрывках из исследований о варяжском вопросе». И понятно, почему именно этот термин использовал антинорманист Гедеонов.

> «Существование русского хаганата в IX веке (839–871 гг.) неопровержимый исторический факт, а вместе с ним и совершенно чуждое скандинавскому началу, существование в соседстве Хазар и Аваров народа Rhos» (Гедеонов: 1862: 105–106).

Разбираясь в данной проблеме, нужно постараться разделить два вопроса. Первый вопрос — о титуле «каган» или об имени вождя русов-скандинавов Хакон. Второй вопрос — о возглавляемом этим вождем протогосударственном образовании, которое многие историки, следуя за С. А. Гедеоновым, обозначают термином «Русский каганат». Правда, нужно сказать,

что в работах некоторых историков эти два вопроса взаимосвязаны и их трудно разделить.

По вопросу о титуле вождя русов «каган» большинство историков, как указывает А. П. Толочко (Толочко 2015: 117), уже принимают это как установленный факт без дальнейшего обсуждения. В качестве примера можно привести ряд статей на данную тему (Седов 1998; Комар 2003; Мачинский 2009а; Галкина, Кузьмин 1998; Галкина 2002, 2012; Коновалова 2001, 2007; Жих 2009; Мельникова 2011г; Климов 2013; Лисюченко 2016). Ранее речь о том, что послы народа Rhos назвали франкам имя своего вождя Хакона, шла только в очень редких случаях (Александров 1997а: 17).

Однако после опубликования статьи И. Гарипзанова относительно того, что в сообщении Бертинских анналов, скорее всего, упомянуты не титул вождя народа Rhos, а имя Хакон (Garipzanov 2006), И. Г. Коновалова снова повторила основные доводы в пользу титула «каган».

> «Основное же возражение против попыток реанимировать давно отвергнутое в историографии предположение заключается в том, что сообщение Бертинских анналов о приеме послов народа Rhos следует рассматривать не само по себе, но, имея в виду всю традицию применения титула „каган" по отношению к древнерусским князьям в источниках IX–XII вв., включая собственно древнерусские памятники, где некоторые русские князья XI–XII вв. названы каганами» (Коновалова 2007а: 118).

Примерно те же доводы приводит А. В. Назаренко относительно гипотезы, «которая, во всеоружии напрасной учености, недавно была вновь высказана И. Гарипзановым» (Назаренко 2012: 16 прим. 6).

Мнение И. Гарипзанова пока не получило большой поддержки, хотя ряд историков стал склоняться к тому, что речь в сообщении Бертинских анналов все же, кажется, идет об имени вождя Хакон (Щавелев 2014: 324 прим. 6; Шинаков 2014: 159). Убедительная критика гипотезы о титуле вождя русов была высказана А. П. Толочко (Толочко 2015: 112–135), разобравшим все доводы в пользу гипотезы о титуле вождя русов.

По вопросу о «Русском каганате», его истории и локализации имеется также обширная литература. В качестве примера можно привести ряд работ (Томсинский 2013; Седов 1998; Golden 1982; Петрухин 2001а, 2001б). Статья К. Цукермана о «Русском каганате» (Цукерман 2001) вызвала дискуссию на страницах научных журналов (Петрухин 2001б; Толочко 2003; Седов 2003; Калинина 2003; Иванов 2003).

Если мы говорим о терминологии, то обычно для обозначения того или иного понятия выбирают термин, наиболее точно отражающий суть этого понятия, его основные, наиболее важные черты. Используемые термины должны помогать понять суть явления, а не фиксировать его чисто внешние, второстепенные признаки.

Рассмотрим с этой точки зрения одиозный термин «Русский каганат». Первая часть термина «Русский» относится к русам-скандинавам, народу-мореходу.

Ибн-Русте отмечает, что русы «на коне смелости не проявляют и все свои набеги и походы совершают на кораблях». Походы русов на Византию совершаются морем (Азбелев 2011).

В ПВЛ содержатся сведения о народах, сидящих по берегам морей, что характерно для народа, совершающего морские набеги и путешествия (Барсов 1885: 11). Таким образом, первая часть термина говорит нам о морском народе, совершающем набеги на кораблях и занимающемся дальней торговлей по морю и крупным рекам.

Вторая часть термина — «каганат» — обозначает империю кочевого народа, например, хазар, покоривших ряд других, таких же степных, народов. Властитель такой империи носил титул «кагана» — сакрального властителя, олицетворявшего для хазар божество.

Нет ничего более противоположного, чем кочевники и народ-мореход. Тогда данный термин уже сам по себе сочетает несочетаемое, содержит в себе противоречивую информацию. По сути, данный термин является оксюмороном. Замечу, что если посмотреть работы большинства историков, считающих русов скандинавами, то термин «Русский каганат» используется ими очень осторожно, а чаще не упоминается вовсе, и речь идет только о титуле вождя русов «каган».

Зато в работах историков-антинорманистов данный термин используется на каждом шагу. И, как правило, вынесен в заголовок статьи или книги. Поскольку вольно или невольно данный термин ставит Русь в ряд кочевых народов, точно так же как

в ПВЛ летописец поставил Русь в ряд скандинавских народов и отождествил ее с варягами. Собственно именно использование данного термина позволило реанимировать давно отвергнутую гипотезу М. В. Ломоносова о происхождении руси от рокс/рухс-алан (Галкина 2002, 2012).

Убедительно критикует использование термина «Русский каганат» Т. М. Калинина.

> «Остается неясным, почему исследователь, да и не только он (здесь можно назвать и имена таких видных ученых, как В. В. Седов, П. Б. Голден, О. Прицак, Дж. Шепард, и имена молодых, таких как Е. С. Галкина, в работах которой следует отметить весьма агрессивное невежество как в вопросах восточного источниковедения, так и в отношении замечательных ученых-востоковедов), полагают, что если верховный властитель некоего народа назван неким титулом, то государство, которым он управляет, обязательно должно содержать его титулатуру в названии: ведь не называем же мы Византию „басилеей" или Швецию „конунгией"» (Калинина 2003: 17).

Профессиональные историки чувствуют неудовлетворительность данного термина. А. В. Назаренко в ходе своей полемики с В. Я. Петрухиным, лукаво замечает, что первое протогосударственное образование народа Rhos от 839 г.

> «в историографии иногда именуют *несколько вольным* (Sic!) термином „Русский каганат" IX в. Не станем под ним подписываться, но и не

> будем столь придирчивы, чтобы протестовать против подобного неологизма. Все-таки некое политическое образование, в котором организующую роль играл скандинавский этнический компонент по имени *русь*... во главе которого стоял правитель с титулом „каган" — такое образование налицо. Почему бы ему не именоваться „Русским каганатом"?» (Назаренко 2012:35).

Историк здесь, мне кажется, лукавит, делая вид, что не понимает противоречия между термином и обозначаемым данным термином понятием. А по сути, понимает, раз говорит о «несколько вольном» использовании данного термина.

Ответ на вопрос А. В. Назаренко прост. Потому что данный термин на первое место ставит второстепенную черту описываемого объекта — а именно, то, что вождь русов, возможно, по каким-то своим соображениям принял титул, характерный для кочевников и назвал себя «каганом». Скрывая при этом суть объекта, то есть то, что создано данное вождество или протогосударственное образование русами-скандинавами, народом-мореходом, ничего общего с кочевниками не имеющими, и более того, враждебными им. Вся последующая история Руси прошла под знаком борьбы со степняками: печенегами, торками, берендеями, хазарами и половцами.

А теперь разберем, насколько использование данного термина отвечает исторической реальности.

1. В источниках вообще нет упоминаний о «каганате» русов. Но поскольку это аргумент *Ex silentio*, то в целом он не является неопровержимым.

Неопровержимым его делает отсутствие хоть каких-либо прямых или косвенных упоминаний о «Русском каганате» у тех народов, что, согласно письменным источникам, должны были сталкиваться с русами непосредственно, торгуя с ними, или воюя, или вступая в какие-то иные контакты. О «Русском каганате» не упоминают ни византийцы, ни мусульманские писатели и географы. Речь всегда идет только о гипотетическом титуле вождя «каган».

2. Сам титул вождя русов «каган» носит гипотетический характер. Как показал в своей статье И. Гарипзанов (Garipzanov 2006), это вполне может быть имя вождя русов — Хакон (Хокон). Данное имя — одно из наиболее распространенных в скандинавском именослове. Возражения против гипотезы Гарипзанова основываются на упоминании «кагана норманнов» в письме Людовика II Василию I. А также на упоминании «кагана-рус» у Ибн-Русте и поздних упоминаниях «каганов Руси» в «Слове о Законе и Благодати» Иллариона и на граффито в Софийском соборе.

1. Академик А. А. Куник, на ранних работах которого основывается гипотеза о титуле вождя русов, в одной из последних работ заключил, что невозможно с уверенностью определить, был ли это титул или имя вождя русов. К сожалению, современные историки продолжают основываться на его ранней интерпретации этого сообщения Бертинских анналов.

Наиболее детальная и развернутая критика данного термина содержится в работе А. П. Толочко

(Толочко 2015: 112–135). Ее основные положения сводятся к следующему:

1. Гипотеза о том, что вождь руси был признан византийцами «каганом» и мог соперничать своими притязаниями с мощнейшей Хазарской державой, невольно льстила национальному самолюбию историков.
2. Современные исследователи уже не считают нужным доказывать принятие вождем русов титула «каган» и считают данный вопрос решенным.
3. На деле гипотеза о титуле «каган» вождя руси «покоится, по существу, на *lectio difficilior*, то есть на проблемном чтении Бертинских анналов, не поддающемся однозначной интерпретации».
4. Южные локализации руси были в основном связаны с титулом вождя русов «каган», так или иначе, по мнению исследователей, связанного с Хазарией.
5. Для того чтобы узурпировать титул «каган», нужно было быть частью степного мира, усвоить политическую культуру кочевников, обладать социальными структурами, характерными для кочевников.
6. Как указывает А. П. Толочко, в степи в разные времена был один и только один каган. Данное утверждение не совсем верно. Дело в том что, как указывают тюркологи, у кочевых племен Азии могло одновременно существовать несколько каганов. При этом нет данных и о сакральности этого титула. Но для территории Хазарского каганата, с которым только и могли быть знакомы русы, это утверждение верно, так как здесь с этим

титулом было связано представление о верховной, сакральной, божественной власти. В Хазарском каганате и сопредельных с ним территориях мог быть только один каган.

7. Узурпация титула была бы возможна только при уничтожении предыдущего каганата и гибели кагана. Данное положение верно с учетом поправок, высказанных выше по п. 6.
8. Титул «каган» был аналогом императорского. Невозможно было стать императором, не разделяя соединенной с титулом политической традиции или, более того, не имея о ней представления. То есть невозможно было стать каким-нибудь «ладожским» императором.

Относительно нескольких упоминаний «кагана русов» в арабских и древнерусских источниках, что считается основным доказательством, поддерживающим данную гипотезу (Коновалова 2007а: 118), Толочко рассматривает каждый случай отдельно.

А. П. Толочко не считает, в отличие от А. В. Назаренко, что в ответе Людовика II на письмо Василия I «„норманнам", управлявшимся собственным каганом, не видно никакого иного соответствия, кроме руси» (Назаренко 2012: 17).

1. Толочко считает, что с точки зрения логики вовсе необязательно, чтобы «всем отрицаниям в письме Людовика симметрично соответствовали положительные утверждения в письме Василия», как обычно это предполагается.
2. Толочко указывает, что Людовик мог поддерживать мнение Василия, только проявляя при этом

большую эрудицию. Он отмечает, что так и произошло с титулом вождя болгар.

> «Цитирование письма Людовика, как правило, обрывают как раз перед этим утверждением, чтобы избежать неловкости: пришлось бы признать, что Василий I утверждал, будто византийский двор признаёт за болгарским монархом титул каган. Этого не было: Константинополь определял ранг болгарского владетеля как князя (архонта), да и в самой Болгарии, ни в тюркской, ни в славянской номенклатуре титул каган неизвестен» (Толочко 2015: 130).

О том же говорит В. Я. Петрухин (Петрухин 2001а: 141). Правда, на это А. В. Назаренко возражает, что из ответа Людовика следует, что в письме Василия I вождь болгар был, якобы, назван *princeps*, а чему соответствовал этот титул, непонятно (Назаренко 2012: 16–17 прим. 11). Тем не менее, соображения А. П. Толочко и В. Я. Петрухина кажутся достаточно убедительными. Кроме того, Толочко отмечает, что сопоставление *nortmanni* из письма Людовика с русью вероятно, но не обязательно верно. В завершение дискуссии Толочко напоминает, что «источниковедение несуществующих текстов невозможно», поэтому обсуждать содержание не дошедшего до нас письма Василия I бессмысленно.

3. Относительно упоминания «кагана русов» у Ибн-Русте и в «Худуд-аль-Алам» Толочко считает, что у мусульман бытовало какое-то предание о вожде

русов как «кагане». Но считать эти известия достоверными мешает сообщение Ибн-Хордадбеха, датируемое именно IX веком, где в каталоге различных титулов правителей разных стран каганами названы только властители тюрок, тибетцев и хазар. По мнению Толочко, речь вообще может идти в сообщении Бертинских анналов о признании русами, торговавшими на территории Хазарии, власти хазарского кагана.

4. Что же касается наделения титулом «кагана» русских князей в «Слове о Законе и Благодати» Иллариона и в «Слове о полку Игореве», то после завоевания Хазарии Святославом и включения хазар в число поданных русских князей, такой титул вполне понятен, хоть и редко употребим.

Кажется, что кроме И. Г. Семенова (Семенов 2010: 4) никто не обратил внимания на то, что принятие титула «кагана» вождем эфемерного скандинавского вождества было вообще-то самоубийственной политикой. Особенно при предполагаемой некоторыми историками, сторонниками «Русского каганата», южной локализации этой Руси. При тесных отношениях Византии и Хазарии принятие такого титула вождем-самозванцем должно немедленно стать известным хазарам, послужить прекрасным *casus belli* и немедленно вызвать военную акцию хазар. При северной локализации свеонской Руси принятие такого титула было безопаснее, поскольку хазары едва ли пошли бы в лесную зону. А. Амальрик считал, что так перевели византийцам хазары, говоря о русах, незнакомый им титул «конунг», заменив

его известным и им, и византийцам титул «каган» (Амальрик 2018: 58).

Можно по-разному относиться к данной критике оксюморона «Русский каганат», но то, что в этом термине сочетается несочетаемое, делает его, на мой взгляд, непригодным к употреблению в исторической науке.

3.6. Источники о свеонской (долетописной) Руси

История Древней Руси начинается с нескольких достаточно спорных сообщений и одного достоверного (не считая тех косвенных упоминаний представителей византийской знати со скандинавскими именами, которых я упоминал чуть выше). Согласно К. Цукерману, у нас есть шесть упоминаний в источниках о первом вождестве древних русов (Цукерман 2001: 56–57). Кратко перечислим их.

1. Свидетельство Бертинских анналов под 839 г. о византийском посольстве к императору Людовику Благочестивому и прибывших вместе с ним «искателях дружбы» от некоего народа *Rhos*, которые сообщили, что их вождя зовут Chacan. После расследования, назначенного императором, заподозрившим в них *exploratores* данов, враждебных империи, выяснилось, что они свеоны.
2. Весной 871 г. император Людовик II Италийский в ответе на письмо византийского императора Василия I указал, что империя признает титул кагана только для вождя аваров, но не хазар и норманнов.

3. Сообщение Ибн Русте об «острове русов», протянувшемся на три дня пути, окруженном болотами, и о том, что государь этого народа носит титул «кагана русов». Сюда же К. Цукерман относит сообщение Ибрагима Ибн-Якуба об обращении цанаров (санаров) за помощью к византийскому императору, хазарскому государю и вождю *ас-сакалиба*. Это первая группа свидетельств, в целом современных описываемым событиям.

Вторая группа сообщений относится ко времени на двести лет позже.

1. Митрополит Киевский Илларион в «Слове о Законе и Благодати» называет «каганами» Владимира и его сына Ярослава.
2. Граффити на стене собора Святой Софии Киевской содержит мольбу о божественном избавлении не названного по имени «кагана нашего».
3. В «Слове о полку Игореве» назван «коганом» Олег, сын Святослава.

Другие историки относят к возможным сообщениям о начальной Руси сообщения в житиях св. Стефана и Георгия о набегах руси на Сурож и Амастриду, о которых одним из первых сообщил А. В. Горский (Горский 1844). В. Г. Васильевский детально проанализировал эти сообщения и постарался выделить достоверные факты (Васильевский 1915). А. А. Васильев пересмотрел аргументы Васильевского и критически отнесся к сообщениям о набегах русов на Сурож и Амастриду. Ранее к числу таких агиографических упоминаний ранней руси относили также набег руси на о-в Эгину. Считалось, что этот набег упомянут в «Прологе» к житию преподобной Афанасии

(Слабченко 1942: 129; Мавродин 1949: 22; Артамонов 1962: 365).

Данное упоминание ранней руси, скорее всего, происходит от ошибочного перевода с греческого этнонима арабских (берберских) пиратов-мавров, Mau*rousioi*, как «русские» в житии преподобной Афанасии Эгинской (Talbot 1996; Шорохов 2014: 142–143; Шорохов, Мещенина 2016). Хотя иногда ссылки на данное сообщение продолжают появляться (Азбелев 2011: 140). Что является лишним доказательством того, что к любым сообщениям о ранних появлениях русов на исторической арене нужно относиться критически и с большой осторожностью.

Историография вопроса приведена в работе Г. Г. Литаврина (Литаврин 2000: 24–36). Современные историки склонны больше доверять сообщению о набеге на Амастриду и в гораздо меньшей степени сообщению о набеге князя Бравлина (Браваллина) на Сурож. О достоверности этих сообщений до сих пор идут споры.

То, что норманнов-*рос*, побывавших в Константинополе и Ингельгейме, так же как позже данов Рюрика, одинаково называют русами, кажется, еще раз подтверждает гипотезу В. Томсена о том, что финны, а за ними и славяне, вначале любые дружины норманнов называли *ruotsi*, русами (Томсен 2002: 195–196). Это также служит подтверждением того, что и русы 839 г., и русы Рюрика были все теми же норманнами — *ruotsi*. Но позже у славян возникла необходимость отличать скандинавскую дружинную знать, прибывшую с Рюриком, от вновь приходящих в их земли норманнов-«находников», которых стали

называть «варягами» (Шахматов 1919: 50). А позже, поскольку большая часть норманнов шла в земли финнов из Швеции, из Уппланда, именно за шведами закрепилось в финском языке имя *ruotsi*.

В. Дучко считает, что русов в состав византийского посольства включили, поскольку в связи с тяжелой ситуацией, в которой оказалась империя, их посольство стояло перед тонкой дипломатической задачей — получить помощь или от франков, или от враждебных им данов (соплеменников русов), а может, и от тех и от других (Duczko 2004: 14, 43–49).

Существует гипотеза, что именно против набегов этой ранней руси строили цепочку крепостей хазары (Артамонов 1962: 296–297; Новосельцев 1990: 207; Воронятов 2005, 2012; Комар 2003). У этой гипотезы есть противники (Седов 1998; Щавелев 2014). И. Г. Коновалова указывает, что

> «различные соображения, выдвигавшиеся в историографии насчет возможных врагов Хазарии,для обороны от которых и сооружался Саркел (венгры или русы), *пока не позволяют безоговорочно отдать предпочтение какой-либо версии*» (Коновалова 2007б).

У. Тредголд считает, что не только хазары строили крепости против этой руси, но и Византия образовала три новые провинции, то есть провела административные преобразования, с учетом этой новой угрозы (Treadgold 1988; Шорохов 2014: 138). Хотя относительно датировок спорят, Тредголд датирует образование византийской фемы Климата

839 г. и отмечает совпадение с годом посольства руси в Византию и Ингельгейм. В Херсоне тогда был размещен постоянный гарнизон в 2000 человек.

Итак, какие выводы мы можем сделать о начальной Руси?

1. Есть одно достоверное сообщение франкских анналов о посольстве руси в Ингельгейм вместе с византийским посольством императора Феофила.
2. Имеются косвенные указания на более ранние контакты и проникновение скандинавов (русов?) в Византию. На это указывают имена Ингер и Ингерина в среде византийской знати. Есть также спорные сообщения о набегах этой ранней руси на Сурож и Амастриду. Сообщение о набеге руси на о-в Эгину оказалось на деле ошибкой перевода.
3. Сообщения о «каганах Руси» относятся к периоду после разгрома Святославом Хазарии, когда часть хазар стала подданными русского князя.
4. Существует гипотеза о постройке хазарами крепостей против ранней скандинавской руси. По поводу данной гипотезы идут споры. Данная гипотеза дополняется гипотезой У. Тредголда о преобразовании фем в Византии, вызванном угрозой со стороны руси.
5. Археологически подтвержденной датой появления скандинавов на северо-западе (в частности, в Ладоге) является 753 г., установленный в качестве дендродаты.
6. Русь, согласно сообщению Бертинских анналов, состояла в основном из свеонов. То, что это

эфемерное образование называлось русью так же, как позже называлась русь Рюрика, подтверждает предположение, что финнами любые дружины норманнов вначале назывались русью-*ruotsi*. Как считает И. Г. Семенов:

> «В действительности же два Русских государства, скорее всего, возникли независимо друг от друга. А разрешение вопроса о том, почему оба они назывались Русью, в значительной степени зависит от дальнейшего уточнения семантики термина *русь* в рассматриваемый период» (Семенов 2010: 5).

7. Возможно, именно эта русь, согласно ПВЛ, собирала дань со славянских и финских племен Севера до восстания славян и финнов и появления Рюрика с его варягами-русью (Губарев 2017в).

3.7. Локализация свеонской Руси

Спорной является локализация этой первой Руси. Часть историков, основываясь на данных археологии, отстаивает ее северную локализацию в Приладожье (Shepard 1995; Цукерман 2001: 66–67; Мачинский 2009а: 495–496; Новосельцев 1965: 403–404), в то время как другие размещают ее в междуречье Среднего Дона и верхней Оки (Седов 1998, 2003; Golden1982). Иные историки размещают ее в Приднепровье с центром в Киеве (Vasiliev 1946: 9; Артамонов 1962: 365–366; Рыбаков 1982: 67–83; Назаренко 2012: 29), причем часть из них основывает свое мнение на упомянутом титуле «каган» и на бытовании

корня *-рос/рокс* на юге. О. Прицак локализует это образование в районе Ростов — Ярославль, в бассейне Верхней Волги (Голб, Прицак 1997: 89). В. А. Шорохов, анализируя данные «Баварского географа» и сообщения арабов, помещает Русь в «стране славян», к востоку от среднего течения Днепра, к западу от Среднего Поволжья и к югу от Валдайской возвышенности (Шорохов 2014: 114). Существует и гипотеза о двух одновременных центрах Руси в Среднем Поднепровье и Поволховье (Фроянов 2001; Темушев 2014: 162–166). К. Цукерман, среди прочих гипотез, упоминает локализацию А. А. Александровым этой Руси во Фризии (Александров 1997а; Цукерман 2001: 63, прим. 20).

А. В. Назаренко, используя свою весьма спорную гипотезу о пути «из немец в хазары», считает, что посольство могло возвращаться сухопутным путем, и поэтому гипотеза Шепарда, опирающаяся на археологические находки, не может рассматриваться как аргумент в пользу северной локализации вождества (Sic!):

> «Ответ на вопрос, каким именно путем через территорию Франкского государства собирались вернуться «русские» послы, зависит от локализации местопребывания «хакана Рос»... Если он помещался в Киеве, то имелся в виду, возможно, сухопутный маршрут, связывавший Среднее Поднепровье с Баварской восточной маркой (см. прежде всего Баварский географ и Раффельштеттенский таможенный устав). Вместе с тем такое предположение отнюдь не

> обязательно (sic!), и вполне допустимо думать, что *Rhos,* бывшие одновременно *Sueones,* собирались воспользоваться путем по Балтике и далее хорошо им известными маршрутами по рекам Восточной Европы. Поэтому находки византийских артефактов времени императора Феофила (в частности медных монет) в прибалтийских землях, на которые иногда ссылаются как на аргумент в пользу северной локализации «хакана Рос» (Shepard 1995: 48–52), таким аргументом служить не могут» (ДР 2010: 20, прим. 15).

То есть вначале предполагается южная локализация Руси. Потом предполагается возможный широтный маршрут, связывающий Русь и империю франков. При этом непонятно и требует объяснения, почему франки не знали народ *Rhos*, как следует из сообщения Бертинских анналов? Кроме того, находки монет Феофила имеют место в Скандинавии, а вовсе не в «прибалтийских землях». И при этом Назаренко отмечает, что такое предположение *совсем не обязательно*! Но тем не менее считает его достаточным, чтобы отвергнуть северную локализацию Руси и настаивать на ее южной локализации. Получается *vicious circle.*

Поэтому, на мой взгляд, восстанавливаемый по находкам редчайших монет императора Феофила маршрут возвращения посольства этих русов в Рюриково Городище убедительно говорит в пользу локализации вождества русов 839 г. в Приладожье (Shepard 1995).

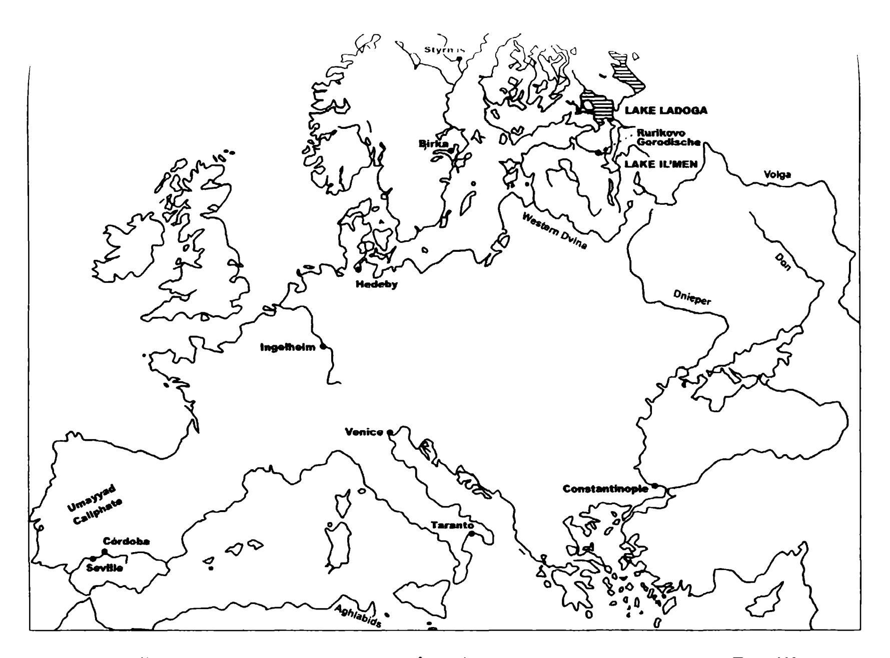


Рис. 5. Находки редчайших монет императора Феофила, согласно гипотезе Дж. Шепарда, отмечают обратный путь посольства русов, прибывших вместе с послами императора Феофила в 839 г. ко двору Людовика Благочестивого: Ингельгейм, Хедебю, Стюрнас, Бирка, Рюриково городище. (Карта на основе карты из статьи Shepard J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore?, 1995)

Монеты Феофила есть в Гнездово, но основание Гнездовского центра датируется более поздним временем — концом IX в. самое раннее (Murasheva, Bronnikova, Panin 2012: 196).

Фотий в своих гомилиях указывает косвенно именно на такую локализацию этой ранней руси, напавшей в 860 г. на столицу Византии:

> «напали оттуда, откуда [мы] отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней».

На что В. П. Кузенков замечает, что «из этой фразы создается впечатление, что Фотий неплохо осведомлен о тех областях, откуда явились нападавшие» (Кузенков 2003: 42, прим. 23).

Дж. Шепард сравнивает эту цитату из гомилии Фотия — об удаленности Руси — с указанием Константина Багрянородного на те трудности, которые приходится преодолевать русам на пути в Константинополь из их северных земель через Киев к Черному морю (Shepard 1974: 11).

При южной локализации Руси в Приднепровье рядом с хазарами, как отмечает И. Г. Семенов, принятие титула «каган» является самоубийственной политикой для вождества русов, так как немедленно вызовет военную акцию хазар (Семенов 2010: 4).

Правда, Семенов считает, что Хазария к тому моменту уже была ослаблена, но едва ли можно сравнивать ресурсы и мощь даже ослабленного Хазарского каганата с ресурсами и возможностями эфемерного вождества руси. И потом, если искать

историческое зерно в сообщении кембриджского документа, «ослабленная» Хазария могла доставить большие неприятности даже таким могущественным соседям как Византия (Цукерман 1996: 70–71; Голб, Прицак 1997: 133,164–169).

Суммируем выводы относительно локализации руси, отправившей посольство 839 г.

1. Основными являются гипотезы северной (Ладога и Поволховье) и южной (Приднепровье) локализации Руси 839 г.
2. Северный вариант представляется предпочтительным в связи с археологическими следами присутствия скандинавов на северо-западе, начиная с 753 г.
3. При южном варианте локализации Руси 839 г. принятие вождем русов титула «каган» является самоубийственным актом, который, при близости к Хазарскому каганату, несомненно, послужил бы поводом к военным действиям.
4. Гомилии Фотия, описание трудного пути русов на юг у Константина Багрянородного, упоминание некоего условного князя Бравлина из Северной Руси в описании набега на Сурож говорят в пользу северной локализации Руси.
5. По находкам очень редких монет императора Феофила обратный путь посольства русов 839 г. прослеживается до Рюрикова городища на севере (Shepard 1995).

Из скандинавских земель наиболее близкой к восточным землям была территория Уппланда возле озера Меларен с торговым центром Биркой. Видимо, отсюда и шли на восток в VIII — начале

IX в. дружины норманнов, которых финны называли *ruotsi* — русь.

В результате создается впечатление, что это был именно первый этап освоения бродячими дружинами скандинавов-свеонов земель славян и финнов с базой на северо-западе в районе Приладожья и Приильменья. Откуда по речной системе они спускались на юг, торгуя, осуществляя набеги и собирая дань с местных племен, как об этом сообщается в ПВЛ. Собственно именно с такой точкой зрения выступает А. В. Комар (Комар 2017: 42). Можно ли эту Русь назвать вождеством, что предполагает власть единого вождя, или это были отдельные дружины викингов под руководством самостоятельных конунгов, сказать трудно.

3.8. Восстание славян и финнов — данников свеонской руси

Против этой первой свеонской руси, согласно ПВЛ, восстали славяне и финны, с которых варяги-русь собирали дань, и изгнали эту русь «за море». На вопрос В. А. Мошина: «когда появились в Восточной Европе те варяги, которых летопись в самом начале выводит берущими дань от славян?» (Мошин 1931: 44) — ответ мы теперь знаем благодаря археологии. Дендродата из Старой Ладоги определяет 753 г. в качестве *terminus post quem*.

Ф. И. Успенский сдвигал сообщение о восстании славян и финнов, приведенное в ПВЛ под 862 г., на более раннее время и предполагал, что в 839 г. скандинавы шли с византийским посольством через

земли франков в Скандинавию, чтобы привести с собой в помощь других соплеменников (Успенский 1915: 206).

В ПВЛ описано восстание славян и финнов, судя по всему, данников этой свеонской Руси, закончившееся, согласно летописи, изгнанием варягов «за море». Изгнанные норманны названы варягами и не названы русью, поскольку это противоречило бы утверждению летописца, что «прозвалась Русская земля» от варягов Рюрика (ПВЛ 1950 ч. 1: 214).

И Рюрика «со всей русью» приглашают, согласно ПВЛ, для защиты славянских и финских земель от таких «варяг-находников». Это соответствует тому, что известно о Рёрике Фрисландском, успешно защищавшем в течение 23 лет побережье Фризии от набегов викингов (Coupland 1998: 101), а идея договора-«ряда», заключенного славянами и финнами с целью защиты от набегов, согласуется с практиками средневековой дипломатии, как убедительно показали Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин (Мельникова, Петрухин 1991).

То есть, по версии ПВЛ, изгнанные варяги и русь Рюрика находятся, как и указывает Цукерман, во враждебных отношениях. При этом трудно представить, чтобы разбросанные по славянским и финским землям среди лесов и болот мелкие отряды варягов-свеонов были изгнаны единовременно полностью и бесповоротно. Восстание могло привести к изгнанию варягов из Рюрикова городища, из Старой Ладоги, возможно еще из какого-то городища в землях славян и финнов. Однако часть этой «руси» могла вполне остаться на северо-западе. С другой

стороны, в некоторых списках ПВЛ какая-то «русь» присутствует в числе племен, приглашавших варягов Рюрика. На это обратил внимание Г. В. Вернадский. Он первым предположил, что изгнали свеонскую русь, ту, что связана была с посольством 839 г. А призвали славяне и финны защищать свои земли данов Рёрика. И что часть прежней свеонской руси тоже могла участвовать в призвании варягов Рюрика:

> «The puzzle may be solved if we admit the existence of two Rus: the old Swedish Rus of the Russian Kaganate and the new Frisian Rus of Riurik»[13] (Vernadsky1946: 339).

Д. А. Мачинский также считал, что варяги из-за моря брали дань с чуди, словен, мери и кривичей, а призывают «всю русь» и Рюрика с братьями русь, чудь, словене и кривичи. Из перечня этносов во втором случае исчезает меря, но зато появляется русь, возглавляющая список приглашающих. Таким образом, некая русь (но не «вся русь») уже находится к началу событий в Европейской Скифии и возглавляет ряд местных этносов, приглашающих заморскую «всю русь» (Мачинский 2009а: 491).

И часть этой руси, еще остававшаяся в Приладожье и Приильменье, вошла, судя по всему, в состав руси Рюрика. Это не удивительно, если принять во внимание готовность норманнов служить под

---

[13] «Головоломка может быть решена, если мы признаем, что существовали две руси: старая свеонская русь Русского каганата и новая фризская русь Рюрика» (*перевод О. Л. Губарева*).

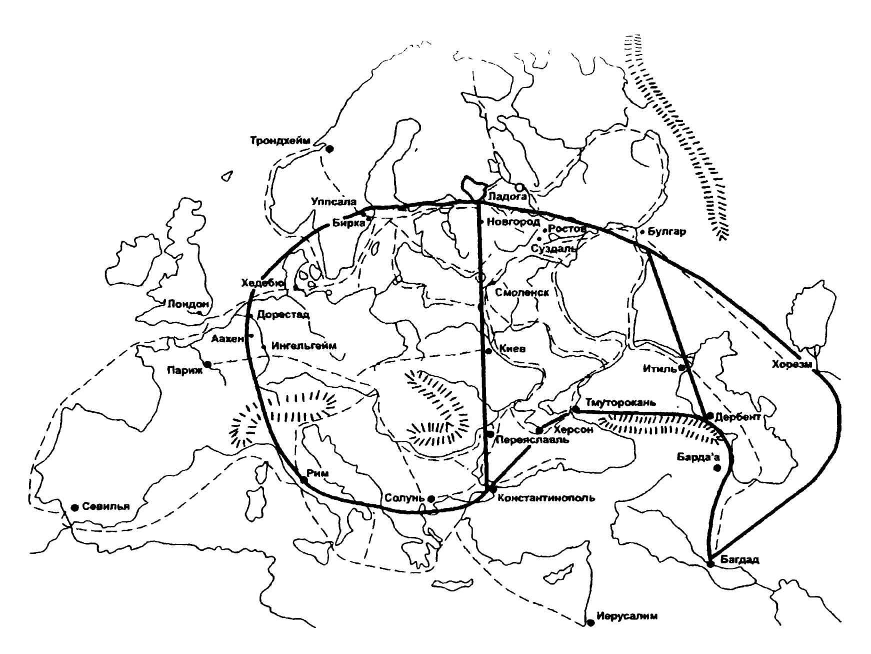


Рис. 6. Русь на Западе и на Востоке и торговые пути и направления походов в VIII–X вв. (карта из статьи Мачинского А. Д. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в., 2009)

знаменем любого выдающегося конунга в надежде разделить с ним его «удачу».

Цукерман приписывает поход 860 г. именно этой руси, поскольку время прибытия Рюрика он сдвигает на X в., согласно НПЛ мл. — в то время как согласно ПВЛ этот поход относится уже ко времени руси Рюрика.

Так или иначе, но далее в сообщениях место этой свеонской руси занимает русь Рюрика, состоящая из данов, а также примкнувших к ним фризов и свеонов (Губарев 2017в).

4. Сказание о призвании

Впервые имя Рюрика мы встречаем в ПВЛ в записи под 862 г.

> «Год 6370. Изгнали варяг за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой. И сказали они себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свей (шведы), а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой — Синеус — на Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» (ПВЛ 1950 ч. 1: 214).

Летописец, словно чувствуя, что у потомков его сообщение может вызвать недоверие, несколько

раз повторяет и поясняет, что русь — это варяги, что именно от варягов-руси берет начало Русская земля.

Антинорманисты с давних времен «Сказание», неразрывно связывающее варягов и Русь, объявляют «краеугольным камнем норманизма», потому что его довольно легко критиковать из-за целого ряда неясностей и противоречий, как было сказано выше, отмеченных в нем еще исследователями XVIII–XIX вв. (Плетнева 2015: 78; Грот 2012).

Сообщение летописи вызывало и вызывает у современных историков недоверие и споры — насколько достоверны сообщения летописи о руси IX в. и насколько можно доверять этим сообщениям. Особенно когда мы сопоставляем организацию власти на Руси и в Дании или в империи франков IX в. Поэтому вопрос о достоверности ПВЛ является одним из важных вопросов, который невозможно обойти при изучении истории Руси в IX в.

4.1. Достоверность ПВЛ

Проводя параллели между организацией власти норманнов в землях славян и финнов и в Дании IX в., мы выходим за рамки достоверных документов, представленных договорами руси с греками. Мы вынуждены опираться в основном на сообщения ПВЛ как *faute de mieux*. Типичным примером использования в исторической науке подобного подхода является использование сообщений исландских саг для интерпретации событий ранней истории англосаксонской Британии (Brunning 2013: 50).

Поэтому возникает вопрос о достоверности сообщений ПВЛ и возможности их привлечения для исследования социальных структур Руси IX в. Дело в том, что сообщения ПВЛ рассказывают о раннем периоде истории Руси, отстоящем от времени составления летописи на 200–300 лет. Большинство историков сходятся в том, что в целом хронология ПВЛ не выдерживает критики. А. А. Горский вообще считает, что можно поставить под сомнение «сведения Начального свода конца XI в. и „Повести временных лет" начала XII в. о Рюрике, Аскольде и Дире, о приходе в Киев Олега и Игоря» (Горский 1999: 43). Однако археологические открытия последнего времени в Старой Ладоге и на северо-западе Руси подтверждают, как кажется, сообщения летописи и отдельные датировки (Кузьмин 2008: 90; Белецкий 2006: 81, 104; Войтович 2011: 5). Поэтому некоторые историки считают, что при критическом отношении к летописи «Сказание», подтверждаемое некоторыми данными археологии, может послужить ценным историческим источником (Хлевов 2002: 27; Атанов 2007: 29).

Наиболее достоверными документами, включенными в состав ПВЛ, до последнего времени считались тексты договоров Руси с греками. Хотя относительно текста договора от 907 г. и высказывались сомнения. Но в последнее время после статьи Васильева М. А. стали высказываться мнения о том, что летописец придумал «обрамление» текста договоров на основе реалий своего времени. Причем основное сомнение вызвано тем, что договоров якобы не было в гипотетическом Начальном своде, реконструированном А. А. Шахматовым.

Это лишний пример того, как гипотеза о гипотетически реконструированном (то есть, возможно, никогда не существовавшем) своде в свою очередь порождает гипотезу, ставящую под сомнение вопрос о происхождении вполне реальных документов. Едва ли такая гипотеза верна, поскольку «обрамление» включает магическую формулу, близкую скандинавским и древнефризским юридическим текстам, а такую формулу наш книжник едва ли мог придумать сам. Об этом я говорю ниже.

Основным аргументом в отказе сообщениям ПВЛ о ранней руси в IX в. в достоверности служит реконструкция А. А. Шахматовым так называемых Древнейшего и Начального сводов, в которых, по его мнению, не было «Сказания о призвании» в том виде, в каком оно содержится в ПВЛ.

А. А. Шахматов основывался на точке зрения, что летописец не копировал летописи, а занимался литературной работой и редактировал летопись в соответствии с требованиями своего времени и, как мы бы сейчас сказали, «социальным заказом».

> «Фундаментальные труды А. А. Шахматова показали, с одной стороны, тенденциозность древнерусского летописания, а с другой — его весьма сложную историю, в том числе и на древнейших этапах, предшествовавших составлению *ПВЛ*. Можно даже сказать, что в каком-то смысле Шахматов скомпрометировал летописи как источник для истории Руси до начала — середины XI в.» (Стефанович 2013).

Весь «конъектуральный» метод определения вставок и редактирования у Шахматова держится на допущении, что мышление летописца Древней Руси должно было быть столь же логичным и рациональным, как у современного историка, и не допускать неясностей, противоречий, повторений, несоответствий. И коль такие места встречаются в тексте летописи, он идентифицировал их как «вставки». Но это допущение весьма сомнительно само по себе. Так В. М. Истрин писал:

> «Нельзя летописцу предписывать, чтобы он следовал нашему плану» (Истрин 1923: 56).

Обращает на себя внимание, что, даже говоря об образованных и высококультурных византийских книжниках и летописцах, историк отмечает, что ни Константин, ни кто-либо другой в его время «никогда не стремился к простому и ясному стилю» (Шевченко 1993: 24).

Сильнее других, по-моему, возразил А. А. Шахматову исследователь древнерусских летописей И. П. Еремин:

> «Решительному пересмотру подлежит, по моему мнению, и самый образ летописца, утвердившийся в нашей науке (Нестора, Сильвестра или кого-то третьего — в данном случае это для нас безразлично), — многоопытного литератора-чиновника „политической канцелярии" князя, его официозного апологета и послушного исполнителя его поручений по части идеологической „обработки" общественного мнения.

> Образ этот – у А. А. Шахматова он уже отчетливо намечен – был окончательно дорисован последователями А. А. Шахматова» (Еремин 1947: 36).

Есть и другие соображения о беспристрастности древнего летописца. Так, Зыков отмечает, что, например, известия Амартола, касающиеся русско-византийских отношений, переносятся в ПВЛ почти дословно. При этом летописец добросовестно цитирует источник, хотя его соотечественники изображаются там в самом неприглядном виде (Зыков 1969: 49).

Е. В. Пчелов отмечает, что летописец легко мог бы выстроить понятную и непротиворечивую династическую линию, сделав Олега сыном Рюрика, а Игоря – сыном Олега (Пчелов 2018), что устраняло бы многие вопросы к хронологии. Скандинавские историки прибегали к подобным выстраиваниям стройных династических линий на основе героических преданий и эпоса (Aggesen 1992: 48–74). Однако древнерусский летописец предпочел сохранить древнюю традицию, пусть в некоторых местах неясную и противоречивую, а иногда и непонятную ему самому. Подобный подход характерен для устных сказителей былин и был отмечен акад. А. Ф. Гильфердингом. На вопрос исследователя о непонятном месте в былине, которое сам рассказчик объяснить не мог, сказитель отвечал: «Так сказывают!» (Гильфердинг 1894: 27–29).

И. Н. Данилевский, используя метод от обратного, отмечал непоследовательность современных историков, признающих, с одной стороны, вслед за А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым ПВЛ

в качестве плода литературной работы летописца, исполняющего политический заказ князей. Из чего вроде бы должен следовать логический вывод о недостоверности нашей древнейшей летописи и невозможности ее использовать как исторический источник. Однако те же историки продолжают использовать сообщения ПВЛ как достоверный исторический источник (Данилевский 2004: 34–35; Губарев 2019а: 34).

Шахматов пытался искать вставки и редактирование там, где в летописи встречались противоречия, повторы, неясности. При этом он анализировал летопись с точки зрения рационального современного человека.

Но на разницу в психологии средневекового и современного человека указывали многие ученые, например М. И. Стеблин-Каменский, А. Я. Гуревич и И. Н. Данилевский. М. И. Стеблин-Каменский говорил *о двух возможных подходах* к средневековой литературе. В первом случае психология средневекового человека представляется исследователю тождественной психологии современного человека (допущение А. А. Шахматова, используемое им для выделения вставок в летопись).

Во втором случае принятие гипотезы нетождества современного и средневекового человека делает необходимым исследование этого отличия. Но отличие это может быть реконструировано только из косвенных источников (данных языка и т. п.) (Стеблин-Каменский 1984: 6–7). Также подчеркивает различие в мышлении современного человека и человека прошлых эпох И. Н. Данилевский (Данилевский 1995:

8–9; 2017; 10–11), а это ставит под сомнение сам метод А. А. Шахматова выделения в составе летописи вставок и редактирования.

Эта позиция А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова подвергалась и продолжает подвергаться серьезной критике. В настоящее время некоторые историки более критично относятся к схеме древнерусского летописания, разработанной А. А. Шахматовым:

> «Эти предположения расшатали шахматовскую схему. В самом деле, если мы признаем, что новгородский сводчик мог свободно обращаться с исходными текстами, гипотеза НСв теряет свое оправдание... Надо сказать, этот вопрос может показаться в какой-то степени крамольным. Ученые настолько привыкли к предположению об НСв, что порой в поисках доказательств незаметно для себя создают логический круг» (Вилкул 2003:5).

В результате сложились две точки зрения на структуру ПВЛ:

1) как на повествование со многими вставками разнородного характера, принадлежавшими различным летописцам, и с предшествовавшими редакциями и сводами, подвергавшимися тенденциозному редактированию (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков; А. А. Гиппиус);
2) как единое, целостное повествование, пусть и подвергавшееся многочисленным редакторским правкам в процессе переписывания летописи (С. А. Бугославский, Б. Д. Греков, В. В. Мавродин,

И. П. Еремин, А. А. Шайкин, D. Ostrowsky). Как считает Т. В. Вилкул, представители «шахматовской» концепции, возможно, столкнутся с «необходимостью предпринимать очередную реформацию концепции Шахматова, приспосабливая ее к новым условиям» (Вилкул 2012: 77).

Итак, вопрос о гипотетическом Начальном своде, как более раннем своде согласно гипотезе А. А. Шахматова, предшествующем ПВЛ и отраженном в НПЛ мл, стал предметом серьезных споров. *Что ставит под сомнение версию об отсутствии в начальном летописании Сказания о призвании.*

Поэтому я считаю возможным использовать сообщения ПВЛ в том виде, как они приведены в летописи, естественно, с критическим их анализом, и сопоставить их с ситуацией в Дании IX в.

4.2. Гипотезы о летописных сводах и исторический процесс (А. А. Шахматов, А. А. Амальрик и К. Цукерман)

До последнего времени текстологические исследования древнерусских летописей и попытки восстановления исторического процесса образования древнерусского государства шли отдельно.

Два историка, А. Амальрик (Амальрик 2018) и К. Цукерман (Цукерман 2007), правда в разное время, пытались пересмотреть исторический процесс возникновения Киевской Руси, основываясь на текстологических исследованиях и методе А. А. Шахматова, используя сообщения НПЛ-мл как более древний и более достоверный источник, чем ПВЛ.

Основное научное значение работы Амальрика в том, что он попытался задолго до К. Цукермана осуществить «перестройку древнейшей русской истории», основываясь на гипотетических Древнейшем и Начальном сводах А. А. Шахматова. К сожалению, его работа оставалась неизвестной большинству историков и поэтому не вызвала дискуссии. Что, естественно, нисколько не умаляет заслуги К. Цукермана в исследованиях по «варяжскому вопросу».

До этого работа текстологов и филологов шла отдельно от работы историков. Амальрик же, опираясь на текстологические гипотезы А. А. Шахматова, в 1960 г. постарался реконструировать исторический процесс «по Шахматову». И, как и у К. Цукермана, повторившего эту попытку в 2007 г., результат противоречил общепринятому взгляду историков на ход исторического процесса. Гипотеза Цукермана, которая должна была привести к «перестройке древнейшей русской истории», пока так и не получила признания историков (Петрухин 2008: 36–38). Хотя, как считает Мурашева, поздняя (не ранее X в.) дата появления Гнездова может быть воспринята в пользу гипотезы Цукермана (Мурашева 2012: 397).

До работы Амальрика гипотеза Шахматова о Начальном своде опиралась только на текстологические доказательства. Фактически, если Шахматов прав, и Начальный свод, отразившийся в Новгородской первой летописи младшего извода, древнее чем ПВЛ, то и восстанавливаемая по нему схема исторического процесса должна быть ближе к реальности. Поскольку Начальный свод был ближе к описываемым событиям и должен был точнее их отразить. Однако

и археология, и аутентичные документы (договоры русов с греками в составе ПВЛ) не подтверждают такой реконструкции исторического процесса, что я и старался подчеркнуть в своих комментариях к книге А. Амальрика.

Справедливым оказывается замечание В. Я. Петрухина:

> «Однако последовательное применение методики самого Шахматова показывает, что именно тексты о начале руси подверглись в Новгородской летописи определенной деформации и *целостной концепции происхождения руси эта летопись не дает*» (Петрухин, Раевский 2004: 256).

Об этом я уже писал в своих комментариях к книге А. Амальрика (Амальрик 2018). И. Н. Данилевский справедливо отмечает непоследовательность советских историков, придерживавшихся официального антинорманизма в отношении древнейшей нашей летописи. Он указывает, что если историки принимают гипотезу А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова об ангажированности и выдумках летописца, то логическим следствием является признание недостоверности ПВЛ. Но поскольку современные историки признают в основном ход исторического процесса, подтвержденного посторонними источниками в соответствии с изложением ПВЛ, то отсюда следует, что представления об ангажированности летописца, на которых основана гипотеза А. А. Шахматова о «вставках» и «умышленном» редактировании, неверны.

А это основное допущение, на котором у А. А. Шахматова строится гипотеза о Начальном своде. На это же противоречие обращает внимание Е. А. Мельникова:

> «Очевидные расхождения в последовательности и атрибуции сюжетов (событий) в Н1Л и ПВЛ многократно отмечались, но, признавая, что Н1Л отражает, в том числе и на этом отрезке, более ранние, нежели ПВЛ, чтения Начального свода, все историки реконструируют раннюю историю Руси в соответствии с ее репрезентацией в ПВЛ, а не в Н1Л» (Мельникова 2008: 53)».

Е. А. Мельникова делает предположение, что и ПВЛ и НПЛ мл могли иметь какой-то утерянный общий источник, но можно также допустить и более простую гипотезу без привлечения дополнительных сущностей, а именно, что ПВЛ просто более древний текст, чем НПЛ мл. Очень осторожно, но довольно убедительно Т. Вилкул ставит под сомнение саму гипотетическую реконструкцию А. А. Шахматовым Начального свода (Вилкул 2003), а В. Аристов саму концепцию сводов в древнем летописании (Аристов 2013). Кроме того А. П. Толочко тоже подверг, на мой взгляд аргументированной, критике гипотезу Начального свода и сам метод Шахматова по выделению вставок и следов редактирования (Толочко 2015: 30–31, 40–41). Другое дело, что трудно согласиться с общим подходом А. П. Толочко к ПВЛ как недостоверному источнику и художественному литературному произведению (Толочко 2015: 10).

Как я показал в статье в журнале «Novogardia», несоответствия между сообщениями НПЛ-мл и ПВЛ, отмечали Е. А. Мельникова, П. С. Стефанович, А. А. Шайкин, М. Б. Свердлов, В. Я. Петрухин. И на основе документов, сообщений источников и данных археологии спорные вопросы (например, были ли Олег великим князем Руси или воеводой Игоря) решаются в пользу версии ПВЛ. С. В. Бахрушин, назвавший условно версию НПЛ-мл «Повестью о первых русских князьях», отмечает, что «и другие фактические данные повести не подтверждаются современными памятниками» (Бахрушин 1987: 27). Каким был бы в нашем представлении ход исторического процесса складывания древнерусского государства, если бы мы, не имея перед глазами ПВЛ, опирались только на версию НПЛ-мл, нам продемонстрировали работы А. Амальрика и К. Цукермана (Амальрик 2018; Цукерман 2007). Таким образом, какими бы текстологическими аргументами ни подпиралась гипотеза Шахматова о Начальном своде, реконструкция исторического процесса по ПВЛ, принимаемая явным большинством историков, фактически отрицает достоверность Начального свода.

В итоге мы видим, что именно текст ПВЛ оказывается более достоверным изложением событий в ходе исторического процесса, даже при общепризнанной сомнительности хронологии ПВЛ и многих возникающих спорных вопросах (Губарев 2019а).

5. Рюрик – легенда или историческая фигура

Рюрик по ПВЛ фигура легендарная. Никаких конкретных деталей о времени его правления, кроме самых общих, мы не знаем. Но его значение для истории руси IX в. не ограничивается этими скупыми сведениями. Судя по последующим сообщениям ПВЛ, Рюрик за годы своего правления сумел настолько расширить и укрепить свои владения, что уже следующий правитель Олег с младенцем Игорем в 882 г., через три года после смерти Рюрика, смог оставить Новгород и идти в поход на Киев, не беспокоясь о своих владениях на севере.

Итак, вначале рассмотрим гипотезу о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского и ее критику со стороны ряда с историков, а затем посмотрим, что же сообщают нам о Рюрике и Рёрике Фрисландском различные исторические источники.

5.1. Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского и ее критика

Детально историографию вопроса и критику гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского в работах историков советского времени я рассмотрел в отдельной статье (Губарев 2016б), поэтому

не буду здесь к ней возвращаться. Наиболее развернутая и объективная критика данной гипотезы содержалась в статье Г. Ловмянского (Ловмянский 1961). Ловмянский в качестве своего основного аргумента указывает на отсутствие археологического подтверждения связей между Фризией и Русью. С тех пор исследования археологов не только обнаружили на северо-западе фризские гребни и сосуды Татинг, но и камерные погребения, о чем более подробно я расскажу ниже. Критика Ловмянского до определенной степени обесценивается его собственным признанием в ангажированности в условиях официальной идеологии антинорманизма, как в СССР, так и в находившихся под его контролем «странах народной демократии».

> «В случае правильности этой концепции Рюрик, упоминаемый летописями, превратился бы в конкретную историческую личность, а тылы норманнской экспансии на Русь оказались бы в определенной мере расширенными и усиленными» (Ловмянский 1963: 227–28).

Кроме того, историки, выступающие против гипотезы отождествления этих двух исторических фигур, часто вступают в спор друг с другом, выдвигая противоречащие друг другу аргументы и предъявляя к гипотезе взаимоисключающие требования, на что я и указываю в своей статье.

Среди зарубежных историков гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского пока внимания не привлекла, за исключением Г. В. Вернадского

(Vernadsky 1946) и Р. Ю. Дживана (Givan 1994). Дживан в основном критикует хронологию, указывая на хронологические несоответствия сообщений анналов франков с сообщениями ПВЛ. Но хронология ПВЛ давно вызывает сомнения у историков и признана недостоверной, хотя отдельные датировки вроде бы подтверждаются археологическими данными (Кузьмин 2008; Белецкий 2006:81, 104; Войтович 2011: 5). При этом сам же Дживан задает вопрос – куда делись норманны из Фризии, уцелевшие после убийства Годфрида в 885 г.? Они, по его мнению, определенно вернулись в Данию. И он задает вопрос: «А куда дальше? В Русь? В Рюриково Городище?» (Givan 1994: 201).

Заметим, что в языческую Данию Хорика Дитя, «фризские даны» Харальда Клака, Рёрика и Готфрида, принявшие крещение, вернуться не могли. Ведь именно их крещение в 826 г. при дворе Людовика Благочестивого в попытке опереться в междоусобной войне за датский трон на мощь империи франков и привело к гражданской войне в Дании и постоянным рейдам сыновей Готфрида на Дорестад и другие владения Харальда Клака и Рёрика.

Недавно вышли две статьи В. Г. Лушина с критикой гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского (Лушин 2016, 2017). В. Г. Лушин развивает вслед за В. В. Фоминым предположение о приходе Рюрика «из заморья», стараясь всячески подчеркнуть неопределенность и отсутствие четкой географической привязки понятия «заморье» и тем самым превратить Рюрика в мифологическую фигуру наподобие библейского Моисея. При этом он

игнорирует неоднократные вполне четкие указания в ПВЛ на бегство князей «за море» и на призвание себе в помощь скандинавов-варягов «из-за моря» с четким указанием на Скандинавию, откуда шла эта помощь. На критику гипотезы тождества В. Г. Лушиным я ответил в своей рецензии на его статьи (Губарев 2018в).

Кроме того, редактор эл. журнала «Valla» М. В. Елифёрова в рецензии на книгу Е. Н. Носова, А. В. Плохова и Н. В. Хвощинской «Рюриково городище. Новые этапы исследований» отметила, что:

> «гипотеза отождествления летописного Рюрика с Рёриком Фрисландским, разрабатываемая нашим постоянным автором О. Л. Губаревым в серии содержательных статей, всё же остаётся лишь гипотезой. Олег Львович собрал весомые доводы в пользу того, что варягов, давших название Руси, следует искать во фризской зоне (я бы добавила – даже в англо-фризской). Однако вопрос о том, был ли Рюрик тем самым Рёриком, от этого не проясняется. Все аргументы, накопленные нашим автором, свидетельствуют лишь о том, что это *мог быть* один и тот же человек. Но, к сожалению, не о том, что это *действительно* был он. Трудно гарантировать, что во Фризии третьей четверти IX в. был лишь один активный скандинав по имени Рёрик, и ниоткуда не следует, что Рюрик до прибытия в славянские земли носил высокий титул или вообще принадлежал к какой-либо династии монархов...» (Елифёрова 2018: 91).

М. В. Елифёрова выразила опасения, что на обсуждение вопроса об историческом Рюрике все еще влияют соображения политического престижа — а ведь именно эту претензию историки предъявляют антинорманистам.

Аргумент о том, что имя Рёрик принадлежало разным лицам, был высказан еще П. Г. Бутковым (Бутков 1840: 379–386). Но редкость данного имени в скандинавском именослове и то, что имя было родовым именно для клана Скьёльдунгов (Молчанов 1992) и связанного с ним родственными отношениями клана Харальда Харфагра через Тюрни, дочь Харальда Клака, исключает такую возможность. Имя Рёрик было действительно редким и упомянуто за всю историю Скандинавии всего в 6 рунических надписях (Peterson 2001: 52). Я ниже привожу доводы в пользу отношения летописного Рюрика и первых Рюриковичей к династии Скьёльдунгов, из которой происходил Рёрик Ютландский. Таким образом, Рюрик и Рёрик оказываются не только тезками, современниками и соплеменниками, но и родственниками по мужской линии. Поэтому вероятность того, что речь идет об одном и том же лице все же довольно велика.

5.2. Рюрик на Руси по древнерусским летописям

Сообщения летописей о Рюрике можно разбить на две группы. Это сообщения ранних летописей (XI–XII вв.) и сообщения более поздних летописей (XIII–XV вв.), дополняющих ранние сообщения.

Ранние летописи в основном сообщают о приходе Рюрика «со всей русью» «из-за моря», об утверждении его в Ладоге (Новгороде). После смерти своих братьев Рюрик становится единовластным правителем и раздает своим соратникам и ближайшим мужам города — Полоцк, Ростов, Белоозеро. Два варяга Аскольд (*Haskuldr*) и Дир (*Diri*) отпрашиваются у Рюрика на поход к Царьграду, и он отпускает их. Сообщается о водворении Аскольда и Дира, собравших у себя множество варягов, в Киеве и попутно отмечается, что все это время Рюрик княжил в Новгороде. За годы с 863 по 879 о Рюрике ничего не сообщается и только под 879 г. летопись рассказывает о его смерти. Летопись говорит нам, что он передал свое княжение Олегу — своему родичу — и оставил ему регентство, вверив ему своего малолетнего сына Игоря.

Собственно эти скупые сообщения и составляют все, что мы знаем о Рюрике из поздних списков с ранних летописей (Ingham, Raffensperger 2007: 5–7). Из источников мы знаем, что в устных преданиях, вроде записанных позже исландских саг, и в документах вроде раннесредневековых анналов, хроник и летописей выделялись какие-то выдающиеся события. К таким событиям относились войны, набеги, битвы, путешествия в экзотические страны, описания знамений, описания кровной мести и т. д.

Рутинная деятельность по укоренению власти, по установлению определенных порядков (вроде часто упоминаемого в летописи «Закона Русского»), по упорядочению сбора дани («полюдья»), по занятию славянских городищ и их укреплению и созданию

форпостов на подступах к княжескому домену, контролировавших водные пути, не привлекала обычно внимания летописцев.

В более поздних летописях — Никоновской, Воскресенской, в Новгородском летописании — появляются сообщения, дополняющие сведения ранних летописей. К ним относятся сообщения о том, что Рюрик «начаша воевати всюду», о восстании новгородцев против Рюрика во главе с Вадимом Храбрым, о подавлении восстания и о бегстве недовольных новгородцев в Киев из Новгорода. Среди историков идут споры о том, насколько сообщения поздних летописей, в частности Никоновской, достоверны и насколько их сообщения можно использовать для восстановления исторического процесса (Клосс 1980; Муравьева 1988, Несин 2018: 83).

Оценить успешность этой деятельности Рюрика в Приладожье по укреплению своей власти мы можем по тому факту, что, согласно ПВЛ, он умер в 879 г., а уже в 882 г. Олег с младенцем Игорем выступает в поход на Смоленск и Киев. Интересно, что именно в 882 г. на западе Карл Толстый передает владения Рёрика его родичу Готфриду (Coupland 1998: 97, 100, 109).

Антинорманист А. Л. Никитин, отрицавший историчность Рюрика, заявлял, что факт похода Олега на Киев в 882 г. указывал на недостоверность сообщений ПВЛ. При этом он сам себе противоречил. Не мог Олег, по мнению Никитина, *если Рюрика на самом деле не существовало*, сразу после прихода на Русь оставить условный Новгород (Рюриково Городище?), чтобы идти на Киев, так как власть его не была еще

упрочена (Никитин 1991: 34–35). Рюрик не зря потратил годы пребывания в землях славян и финнов на расширение владений и укрепление своей власти. Несмотря на то, что эта деятельность, не отмеченная великими битвами и экстраординарными событиями, не привлекала внимания летописцев.

5.3. Рюрик/Рёрик Фрисландский по сообщениям франкских и других западных источников

Анналы франков (Бертинские, Фульдские, Ксантенские анналы, Хроникон о деяниях норманнов и многие другие франкские источники) сообщают о деятельности норманнов на территории империи франков. Такие анналы как *Annales Regni Francorum* («Анналы королевства франков») составлялись клириками, близкими к императорскому двору, и поэтому часто обладали информацией, недоступной простым монахам (IJssennagger 2010: 25).

Как правило, в анналах речь идет о набегах норманнов и ответных оборонительных действиях франков, и анналы описывают эти опустошительные набеги «язычников» с негодованием и возмущением. Но в анналах в качестве мер по обороне побережья от викингов упоминаются факты выдачи некоторым вождям норманнов в обмен на принятие ими христианства земель в бенефиций с обязанностью собирать часть пошлин в пользу империи и защищать эти земли от набегов соотечественников (Coupland 1998).

Одним из наиболее известных вождей «фризских данов» был Рёрик Фрисландский. Сообщения

франкских анналов о Рёрике собраны и переведены С. Л. Николаевым (Николаев 2012: 471–475) Из зарубежных историков Рёриком Фрисландским и его набегами на территории империи франков и в Англии заинтересовался Фердинанд Лот, уделивший ему главу в своей книге (Lot 1970). Практически ни одна работа о набегах викингов на континенте не обошла вниманием роль выдающегося вождя норманнов (Vogel 1906; Braat 1954, Morden 2007 etc.).

Обращает на себя внимание в Ксантеннских анналах под 845 г. описание чуда, случившегося с Рёриком и его норманнами, которых постигла Божья кара в виде эпидемии ужасной болезни за их нападения на христиан. После 14-дневного поста напасть оставила норманнов, и их вождь освободил всех пленных христиан. Именно в этом походе, организованном им вместе с Рёриком, погибает вождь норманнов Reginherry, которого считают тождественным с легендарным вождем норманнов Рагнаром Лотброком (Kacani 2015: 40).

Описание данного чуда аналогично описанию других подобных чудес, когда вмешательство христианского Бога или святого насылает порчу на святотатцев-норманнов или русов-язычников. В качестве примера можно привести чудо св. Стефана, якобы имевшее место при нападении Бравлина на Сурож или чудо св. Георгия при нападении русов на Амастриду (Васильевский 1915).

Видимо, то высокое положение, которое занимал Рёрик и обширность и значимость его владений привели к тому, что в некоторых западных источниках Рёрик назван королем (*rex*).

Король Рёрик упоминается в поэме Седулия Скотта, посетившего в 848 г. с ирландским посольством императора франков Карла Лысого, где говорится о воздвижении алтаря «во времена короля Рёрика» (*Rorici tempore regis*). Упоминание «короля Рёрика» содержится также в Житии Св. Адальберта, где описывается, как Рёрик и его норма́нны пытались откопать церковь Св. Адальберта из-под огромной песчаной дюны, но вмешательство святого сделало эту работу норманнов ненужной. Обращает на себя внимание тот факт, что Рёрик постоянно представлен как терпимо относящийся к христианам или даже как покровитель и защитник церкви (Coupland 1998: 98–99).

И если гипотеза о тождественности Рёрика и Рюрика Новгородского верна, то нас не должно удивлять большое количество русов-христиан уже во времена Игоря, приносивших особую присягу в церкви Св. Ильи при заключении договора с греками в 945 г. (ПВЛ 1950 ч. 1: 236).

5.4. Русь Рюрика по сообщениям византийских источников

В византийских источниках мы не найдем сообщений непосредственно о Рюрике. Однако в них содержатся сообщения о русах Рюрика, так как, согласно ПВЛ, первый поход 860 г. на Царьград был организован Аскольдом и Диром, отпросившимися в этот поход у Рюрика. Сообщения о русах Рюрика в византийских источниках сводятся в первую очередь к сообщениям о набеге 860 г. на окрестности Константинополя. Хотя К. Цукерман относит этот

набег к действиям пресловутого «русского каганата» (Цукерман 2001: 60–61), в основном историки принимают версию ПВЛ о походе на Царьград условных Аскольда и Дира, то есть части варягов Рюрика, которых он вынужден был отпустить. Набегу 860 г. посвящены гомилии патриарха Фотия, бывшего свидетелем этого набега. Историография вопроса о набеге 860 г. подробно разобрана в работе А. А. Васильева (Vasiliev 1946). Детальный анализ гомилий Фотия содержится в работе П. В. Кузенкова (Кузенков 2003).

Во второй своей гомилии Фотий сетует:

> άλλα το τής εφόδου παράλογον και τοῦ τάχους το παράδοξον, τοῦ τε βαρβάρου φύλου το άπάνθρωπον και των τρόπων το άπότομον και τής γνώμης το άνήμερον ούρανόθεν τήν πληγήν ώς σκεπτόν μηνύει έπαφεθήναι («но неожиданность нападения и невероятность стремительности, бесчеловечность рода варваров, жестокость нравов и дикость помыслов показывают, что удар нанесен с небес, словно гром и молния» (Кузенков 2003: 56).

Итак, у Фотия тоже речь идет о «неожиданности нападения» и «невероятной стремительности» русов, совершивших набег на столицу империи.

Еще в XIX в. историки отметили, что в хронике Псевдо-Симеона русы названы «дромитами». Приведем данный отрывок из Псевдо-Симеона:

> ʽΡώςδέ οί και Δρομῖται φερώνυμοι από ρως τίνος σφοδρού διαδραμόντες άπηχήματα τών χρησαμένων εξ υποθήκης ή θεοκλυτιχς τινός και ύπεραχόντων

αυτούς επικέληνται. Δρομῖται δε από του οξέως τρέχειν αυτοῖς προσεγένετο (Bekker 1838: 707).

В. Д. Николаев так перевел данный отрывок:

> «„Русские, также называемые дромитами, получили свое имя от некоего храброго Росса: ...дромитами они назывались потому, что обладали способностью быстрого передвижения". Остальная часть абзаца не дает ясного смысла» (Николаев 1981: 148).

Имеются и другие переводы данного отрывка. Различия переводов в основном связаны с попытками объяснить и по-иному перевести неясную часть текста. Но заключительная часть отрывка о том, что русы называются «дромитами» в связи с быстротой их передвижений, переводится всеми исследователями практически одинаково. Например, вот как звучит данный фрагмент в переводе М. В. Бибикова:

> «Росы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться (бегать)» (ДР 2010: 182).

Ф. И. Успенский считал это место поздней вставкой (Успенский 1890, 1915). Попытки объяснения данного термина вызвали дискуссию. Сами

византийцы переводили этот термин как «быстрые», объясняя быстротой передвижения русов. Ф. И. Успенский и С. Манго предполагали, что так их назвали, поскольку они быстро ушли из пределов Византии.

Однако, несмотря на разъяснения термина в византийских источниках, появилась альтернативная гипотеза, объясняющая данный термин. А. А. Васильев выдвинул свою гипотезу происхождения данного термина. «Дромитами, отмечает А. А. Васильев, русские были названы не потому, что могли быстро бегать, а по названию места в устье Днепра, откуда они отправлялись в грабительские набеги. Это был длинный узкий участок земли или побережья, известный с древних времен как Ἀχιλλέως δρόμος, или Ахиллов бег» (цит. по: Николаев 1981: 151).

Поэтому В. Д. Николаев считал, что упомянутый у Псевдо-Симеона набег совершила «славяно-варяжская вольница, обитавшая в устье Днепра и на побережье Черного моря», а не войско Олега.

Как я уже упоминал ранее, в двух византийских хрониках русь выводится «от рода франков» (Горский 2008). Что вполне соответствует гипотезе о русах Рюрика как «фризских данах» Рёрика Фрисландского, пришедших с территории империи франков.

5.5. Русь Рюрика по сообщениям мусульманских писателей и географов

Ф. Вестберг уделяет особое внимание «загадочному русскому племени» у Масуди, видя в нем скандинавов (Вестберг 1908: 389).

Современные переводы дают прочтение данного названия как ал-Лаудана. Среди самых различных толкований загадочного названия Хвольсон, Маркварт и Минорский полагали, что Лаудана у Масуди, о котором шло много споров, это искаженное арабское «ал-урдуманийа», созвучное западноевропейскому названию норманнов — Lordomani, Lormanes — или даже более близкого к русскому урмане — ал-урмана. Об этом же говорит Калинина (Калинина 2001: 205–206).

О. Прицак обращает внимание на то, что приведенное у Масуди наименование Lo(r)domain соответствует испанскому обозначению норманнов как Lordoman. Поэтому Прицак делает вывод, что эти русы располагались недалеко от Испании (Pritsak 1988: 88).

Мусульманские географы и путешественники описывают в своих сочинениях некий «остров русов». Споры об острове русов породили огромную историографию (Коновалова 2001: 169–170). Сообщения исламских авторов об «острове русов» неоднократно переводились на русский язык (Новосельцев 1965; Калинина 2009). Как отмечает И. Г. Коновалова: «Несмотря на давнюю традицию изучения, интерпретация сведений об „острове русов" (и, в частности, местонахождение этого „острова") до сих пор относится к числу дискуссионных проблем. Характерно, однако, что увеличение количества версий локализации „острова русов" в историографии не сопровождалось поиском новых методических подходов к анализу информации источников» (Коновалова 2001: 171). Не претендуя на новый методологический

подход, хотелось бы обратить более пристальное внимание на связь сообщений мусульманских писателей о русах с Испанией, на которую в 844 г. напали «маджусы», называвшиеся, по сообщению ал-Я‘куби, «ар-Рус».

Заметим, что мусульманские авторы пишут то о некоем «острове русов», то о «стране русов», иногда смешивая, а иногда разделяя эти понятия. Что же говорят арабы об острове русов? Если свести все сообщения воедино, то они отмечают, что остров окружен озером или морем, что остров покрыт болотами и лесами, отмечен влажный климат и болотистая почва. Число жителей оценивается в 100 000 человек. Размеры острова, в зависимости от перевода источника, оцениваются по-разному. В некоторых переводах более неопределенно говорится, что остров «занимает пространство трех дней пути». В большинстве переводов это остров, который «занимает пространство в три дня пути в длину и ширину» (Бартольд 1963: 821), что оценивалось примерно в 90 миль. В некоторых переводах это остров окружностью в три дня пути (Мошин: 2002: 61) или имеющий три дневных пути в окружности (примерно 17 миль) (Томсен 2002: 158). В первом случае это должен быть огромный остров, вроде Ирландии, в последнем — это относительно небольшой остров вроде о-ва Вальхерен. В. В. Бартольд считал, что к описанию острова русов более всего подходит местность вокруг Рюрикова Городища и что «слова о трех днях пути объясняются, конечно, только ошибкой автора; таково было, вероятно, пространство не острова, но всей области русов» (Бартольд 1963: 824).



Рис. 7. Болотистый ландшафт у побережья Нидерландов.
(Илл. из статьи Doing H. Landscape Ecology of the Dutch Coast, 1995)

Природа Фрисландии также соответствовала природе северо-запада Руси и описанию заболоченной местности «острова русов» (Хлевов 2002: 28; Губарев 2016а: 25).

Противоречивость данных о размерах «острова русов» вслед за А. П. Новосельцевым отмечает И. Г. Коновалова:

> «Обобщенным характером описания обусловлено то, что даже в составе одной традиции известий об „острове русов" можно обнаружить противоречивую информацию. Так, автор „Худуд ал-'алам", приводящий во многом сходные с Ибн Русте и Гардизи данные об "острове русов", тем не менее термином „остров" не пользуется, но пишет о „стране русов"... Последняя характеризуется им как „большая" страна, в то время как Ибн Русте (и более поздние авторы — Гардизи и ал-Марвази) сообщают о довольно скромных размерах „острова", простиравшегося, по их словам, на три дня пути в длину и ширину..., а автор „Муджмал ат-таварих" весьма неопределенно говорит, что „остров не большой и не маленький"...» (Коновалова 2001: 188).

Практически во всех сообщениях информация об «острове русов» идет перед информацией о «стране русов» и ее расположении, об обычаях русов, нападающих на славян и берущих их в плен и кормящихся с их пашен. Создается впечатление, что у мусульманских авторов информация об «острове русов», стоит отдельно от информации о «стране русов», той,

в которой они живут во время, близкое к времени первоначальной записи этого рассказа.

Интересно в этом плане приведенное Новосельцевым сообщение Ийаса Ал-Ханафи, в котором информация об острове русов четко отделена от информации о стране русов (Новосельцев 1965: 401). При этом Новосельцев отмечает, что мусульманские авторы, видимо, понимали противоречие между сообщением об «острове русов» и «стране русов».

> «Страна русов почти во всех вариантах (кроме „Худуд" и второго рассказа Ибн Ийаса) помещается на острове. В самой ранней редакции (Ибн Русте и Мутаххара ал-Мукаддаси) остров этот окружен озером. В последующих вариантах вместо озера появляется море. Ал-Марвази, очевидно имевший и морской и озерный варианты, запутался в определении истины и дал оба варианта. Интересно, что автор „Худуд" усомнился в островном расположении страны русов. Объяснить это можно лишь тем, что, пытаясь примирить данный материал с другим, более поздним, взятым из трудов географов школы ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хаукаля и, вероятно, из других источников, автор „Худуд" *вступил бы в вопиющее противоречие, помещая огромное современное ему Древнерусское государство на острове размером в три дня пути.* Поэтому он отбросил островные координаты страны русов, но кратко изложил остальное содержание источника. В то же время все редакции характеризуют страну русов как боло-

> тистую местность, покрытую большими лесами» (Новосельцев 1965: 402).

Интересно, что и «остров русов», и «страну русов» мусульманские писатели изображают как болотистую, лесистую местность. Если для северо-запада Восточной Европы такое описание вполне естественно, то для Западной Европы наиболее подходящий болотистый ландшафт с торфяными болотами-«маршами» мы найдем на территории Нидерландов, изобилующей островами у побережья (Асланов 2001: 59–60).

Например, в сообщении Ибн Русте информация об острове русов размером в три дня пути противоречит сообщению о том, что «у русов много городов и живут они привольно».

Как отмечает И. Г. Коновалова:

> «...первоначальное представление о русах как „островном" народе вряд ли покажется сильно преувеличенным. Характерно, однако, что по мере накопления информации о русах в мусульманских странах термин „остров" совершенно перестает употребляться восточными авторами при характеристике Руси» (Коновалова 2001: 189).

При локализации родины руси IX в. в Скандинавии или Восточной Европе возникает еще одно противоречие. Мусульманские источники постоянно связывают Русь с Испанией. Они сообщают о набегах руси или о торговых поездках русов в Ал-Андалус. И действительно, в период с 844 по 971 гг. норманны

совершали набеги как на христианскую Астурию, так и на мусульманскую Андалусию. Обзор проблематики, связанной с деятельностью норманнов в Испании, приведен в статье Х. Луке. К сожалению, в ней не нашла отражения проблематика, касающаяся отождествления русов с «маджусами»-норманнами (Luque 1998).

Дело в том, что ал-Я‹куби сообщил о нападении на Испанию маджусов, «называемых ар-Рус». А. Я. Гаркави считал это сообщение ал-Я‹куби поздней вставкой (Гаркави 1870). Ему достаточно убедительно возражал акад. А. А. Куник, который показал, что расшифровка неясных для читателя названий народов встречается у ал-Я‹куби не в одном месте и поэтому не может быть вставкой (Куник 1903: 164–165). А вот что по этому поводу писал В. Ф. Минорский:

> «Историк IX в. ал-Я‹куби в своем географическом труде сообщает о нападении на Севилью в 229/844 г. „кораблей (народа) ал-Маджус, который называется ал-Рус"... Надо заметить, что ал-Я'куби сам бывал на крайнем западе мусульманского мира (Магриб) и был одним из наиболее внимательных и дотошных арабских писателей, как показывает его „История". *Одним подозрением нельзя удалить слов, стоящих в рукописи*» (Минорский 1964: 24).

Масуди и ал-Бакри также связывают русов и норманнов, напавших на Испанию в 844 г. (Калинина 2001: 202–208).

Масуди сообщает о царе славян по имени ал-Дира и другом царе по имени ал-Олванг. А. П. Новосельцев увидел в этом сообщении соответствие рассказу ПВЛ об Аскольде и Дире, убитых Олегом (Новосельцев 2000: 472).

Есть и еще один источник, правда, упоминающий не самих русов, а «гору русов», кажется, помещая ее в Испании. Это книга ал-Хорезми *Kitāb Sūrat al-Ard.*

> «Three scholars — Novoseltsev (1965), Golden (1982) and, more recently Montgomery (2008) — have suggested that this may be the first reference to *Rūs*, though none appear to have dealt with this question in depth» (Hraunal 2009).[14]

Новосельцев тоже отмечает, что у ал-Хорезми упомянута река Др.ус, в которой Новосельцев предположительно видит Данапрос (Днепр?) и о которой говорится, что она берет начало с Русской горы (Джабал рус), которая находится, по его мнению, в Северо-Восточной Европе (Новосельцев 1965: 373).

Т. Храундал отмечает, что координаты (долготы и широты), приведенные ал-Хорезми, указывают скорее на Испанию, также как названия местностей по соседству с «горой русов», такие как *Logroño, Baiona, Tolosa.* А река *drws* или *dryw*, согласно сообщению вытекающая с «горы русов», это, по его

[14] «Трое ученых — Новосельцев (1965), Golden (1982) и совсем недавно Montgomery (2008) предположили, что это может быть первое упоминание Руси, хотя ни один из них, кажется, не разбирался в этом вопросе детально» (*перевод О. Л. Губарева*).

мнению, вероятно, р. Дуэро, что помещает гору русов в Северо-Западную Испанию (Hraundal 2013: 58–59).

Т. Храундал отметил возможную связь «горы русов» ал-Хорезми с «горой маджусов» Ибн Хайяна:

> «The Spanish scholar Anton Erkoreka suggested that "majus" in Ibn Hayyan's work refers to Northmen, and even made a tentative identification of the mountain in question as the Sollube, which is near Busturia in the northern part of the Basque country... Be that as it may, we are still tempted to ask whether there can be a connection between Ibn Hayyan's "mountain of majus" and Al-Khwarazmi's "mountain of Rus", if that is possibly how the latter should be understood?»[15] (Hraundal 2013: 60).

Сразу же после нападения «маджусов» на ал-Андалус эмир Абд-ар-Рахман II послал посольство аль-Газала на «остров маджусов». К сожалению, туманное описание маршрута посольства и самого острова норманнов дают возможность для различных гипотез.

---

[15] «Испанский ученый Антон Эркорека утверждает, что термин «маджусы» в работе Ибн-Хайана относятся к норманнам, и даже сделал попытку идентификации горы с локализацией под вопросом, как горы Сольюбе, которая находится в северной части Страны Басков возле Муниципалитета Бустурия. Как бы то ни было, мы находимся перед сильным искушением задать вопрос — существует ли связь между «горой маджусов» Ибн-Хайана и «горой русов» Ал-Хорезми, и если это возможно, то как это последнее понять?» (*перевод О. Л. Губарева*).

Интересно, что до того, в 840 г., Аль-Газал выполнил роль посла́ ко двору византийского императора Феофила, с посольством которого в 839 г. прибыло, согласно Бертинским анналам, ко двору Людовика Благочестивого первое посольство русов. Леви-Провансаль вообще отрицал реальность посольства аль-Газала к «маджусам» и считал его приукрашенным рассказом о посольстве 840 г. в Византию (Lévi-Provençal 1937: 16).

С. Пон-Санс также считает рассказ о посольстве литературным произведением поэта, лишенным реальной основы (Pons-Sanz 2004). Однако, как отмечает Станислав Жук:

> «the difference in description of the Vikings' land and the Byzantine Empire leads most of the scholars to totally different conclusions acknowledging the fact of existence of such an envoy to the land of the Vikings» (Źuk 2001: 79)[16].

Существует несколько гипотез о месте назначения посольства Аль-Газала: от отрицания историчности самой миссии (Lévi-Provençal 1937; Pons-Sanz 2004) до отождествления «острова маджусов» с Ирландией (Allen 1960), Скандинавией (Vasiliev 1946: 43–44; El-Haji 1967) или еще и владениями норманнов в империи франков (Price 2008: 464).

---

16 «Различия в описании острова викингов и Византийской империи привели большинство ученых, признавших факт существования такого посольства в земли викингов, к совершенно противоположным выводам, признающим факт существования такого посольства в земли норманнов» (*перевод О. Л. Губарева*).

Однако возможна еще одна гипотеза, снимающая многие противоречия.

Сара Пон-Санс обращает внимание на указание, что «маджусы», к которым прибыло посольство, приняли христианство. Она отмечает, что в IX в. из вождей норманнов только Харальд Клак со своими родичами и королевским двором принял крещение в 829 г., но что он был изгнан из Дании в свой фризский бенефиций. И поэтому Дания как место назначения посольства не подходит (Pons-Sanz 2004: 15).

Но тогда именно это соображение говорит, по нашему мнению, в пользу фризских владений норманнов при локализации «острова маджусов». Кроме того, Пон-Санс отмечает, что, согласно сообщению Ибн Хордадбеха, русы Восточной Европы были христианами в IX в. и русы-купцы платили хазарам налог *jizyah* (Pons-Sanz 2004: 15). Если учесть возможное крещение Рёрика Фрисландского вместе с родичами Харальда-Клака, его терпимое отношение к христианам и его переписку с Хинкмаром Реймсским, то это тоже говорит в пользу Фризии как «острова русов».

А. А. Александров прямо считает, что норманны, вторгшиеся в Испанию, пришли из Фризии, куда в 845 г. и прибыло посольство аль-Газала (Александров 1997б: 223). Александров полагает, что о-в Вальхерен отвечает туманному описанию поэтом-послом Аль-Газалом островной базы скандинавов. Но скорее речь идет вообще об островах и землях на материке, находившихся во владении Харальда Клака и Рёрика.

Кстати, в описании Аль-Газала повторяются «три дня пути» до острова или протяженность страны норманнов в три сотни миль, что примерно совпадает

с протяженностью владений норманнов во Фризии и перекликается с сообщениями мусульманских писателей об «острове русов». Т. Левицкий тоже считал, что при описании «острова русов» речь идет не о размерах острова, а о времени пути до него. Агирре указывает, что норманны из Дании вначале разграбили Фризию, затем Аквитанию и уже из Аквитании прибыли в Испанию (Aguirre 2013).

Надо отметить особую роль послов в раннем Средневековье как информаторов и ознакомителей с чуждыми культурами (Drocourt 2018).

Ж. Сьюпери обращает внимание на посольство испанских мусульман, прибывшее к Карлу Лысому для заключения мира после набега 844 г.:

> 'By 844, a Viking fleet coming from Gascony ravaged Sevilla and several other cities of the emirate. The emir of Cordoba immediately sent embassies to Charles the Bald... Saracens knew where the warriors were coming from...' (Supery 2011)[17].

Сьюпери приводит это соображение со ссылкой на сообщение Бертинских анналов под 847 г. о посольстве испанских мусульман к Карлу Лысому для утверждения союза с целью борьбы против общего врага — викингов, опустошивших Испанию и Аквитанию (Supery 2011). В работе Э. Кардосо, посвященной дипломатическим контактам между ал-Андалус

---

[17] «В 844 г. флот викингов прибыл из Гаскони, опустошил Севилью и несколько других городов эмирата. Эмир Кордовы немедленно послал посольство к Карлу Лысому... Сарацины знали, откуда прибыли воины....» (перевод О. Л. Губарева).

и Византией, главы о посольстве Аль-Газала к норманнам и посольства от Абд-ар-Рахмана II к Карлу Лысому помещены рядом, одна за другой (Cardoso 2015).

Атаковать Аквитанию с базы во Фризии было гораздо проще, чем атаковать ее из Дании, тем более что плыть в этом случае нужно было мимо побережья Фризии, охраняемого кланом Харальда Клака и Рёрика, враждебного сыновьям Готфрида. Большинство известных нам набегов сыновей Готфрида имели целью именно владения «фризских данов» Рёрика и Дорестад и заканчивались здесь.

То есть норманны, напавшие на Испанию в 844 г. — это, возможно, те же норманны, что перед тем напали на Аквитанию. А напавшие на Аквитанию норманны, скорее всего, пришли из Фризии. Именно к ним и было, вероятно, направлено предыдущее посольство Абд-ар-Рахмана II.

Таким обра́зом, связь норманнов «маджусов» и «урдуманийа» на Западе с норманнами «ар-Рус» на Востоке в глазах мусульман существовала. И термин «ар-Рус», по мнению Т. М. Калининой, применялся как общее, универсальное понятие, объединявшее в глазах мусульман норманнов как западных, так и восточных (Калинина 2001: 210).

5.6. Русь Рюрика по сообщениям скандинавских источников

А. А. Шахматов, по мнению В. В. Фомина, считал основой «Сказания о призвании» варяжскую легенду (Фомин 2005: 284). Исландские саги, особенно «саги

о древних временах» *Fornaldarsögur* много говорят о Руси (Глазырина 1996, 2001). Имена «конунгов Руси» встречаются только в исландских сагах и не могут быть в огромном большинстве случаев сопоставлены с реальными именами русских князей (ДР 1999: 486). Исключением являются имена героев «Фрагмента о древних конунгах», соответствующие, как будет показано ниже, именам первых Рюриковичей.

Интересно было бы сопоставить результаты смыслового анализа двухосновных имен этих вымышленных скандинавских «конунгов Руси» со смысловым значением скандинавских и славянских имен первых Рюриковичей.

Поиск параллельных сюжетов в исландских сагах и в сообщениях ПВЛ показал наличие общих мотивов (Stender-Peterson 1934; Рыдзевская 1978; Мельникова 2003).

В то же время исландские саги, говорящие о Руси, особенно саги о древних временах, наполнены фантастическими деталями (ДР 2009: 242), что предполагает критический подход и работу с источником, а также особую осторожность при использовании исландских саг как источника по истории Древней Руси.

5.7. Сопоставление и анализ сообщений источников

Большинство работ, анализирующих сообщения о ранней Руси, посвящено, как правило, какому-то одному виду источников — арабских, византийских, франкских. В хрестоматиях источники различного происхождения (византийские, скандинавские,

латинские) разнесены по соответствующим разделам, но нет попыток их сопоставления и сравнительного анализа (ДР 1999). При этом большая часть работ историков анализирует отдельные сообщения арабских источников о славянах и русах (Калинина 2001, 2003, 2009; Коновалова 2001, 2007а, 2007б), но есть и сводки таких сообщений (Гаркави 1870, Новосельцев 1965).

Сообщения византийских источников анализируются чаще всего в связи с походом 860 г. (Vasiliev 1946; Кузенков 2003). Двухтомный свод сообщений византийцев о Руси составлен М. В. Бибиковым (Бибиков 2004, 2009).

Анализ сообщений франкских источников фактически сводится к всестороннему анализу первого достоверного сообщения о появлении руси на исторической арене — сообщению Бертинских анналов под 839 г. о посольстве русов ко двору Людовика Благочестивого вместе с византийским посольством (Duczko 2004: 15–34).

Однако если принять во внимание гипотезу об идентичности Рюрика и Рёрика Фрисландского (Губарев 2016б), возможности сопоставительного анализа сообщений восточных и западных источников значительно расширяются. Сопоставление сообщений различных источников содержится в двухтомном труде О. Прицака, изданном на украинском языке (Прицак 1997), однако разнесено по тексту и теряется на фоне обсуждения других вопросов.

Новый взгляд на сообщения арабских писателей о русах принадлежит Т. Храундалу (Губарев 2017г). Он, как было сказано выше, помещает «гору русов»

в Испании, основываясь на исправленных координатах ал-Хорезми.

Соотнося сообщения Ибн-Хордадбеха о торговых путях русов через Испанию и Северную Африку до Багдада и другие сообщения мусульманских писателей, постоянно связывающих русь с Испанией (Ал-Андалус), с сообщениями анналов франков о рейдах норманнов в Аквитанию, Бретань и Нормандию, приходишь к выводу, что речь идет о базе норманнов Харальда Клака и Рёрика во Фризии. А сопоставление этих сообщений с локализацией руси в книге Иосиппон между саксами и англами и с сообщениями византийских источников, выводящих Русь «от рода франков», делает гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского все более убедительной.

5.8. Олег и «иже суть под рукою его светлые и великие князья»

Рассмотрим социальную структуру протогосударства норманнов-русов Рюрика в землях славян и финнов. Здесь имеет место одновременное управление одной территорией двумя правителями (Аскольд и Дир, Олег и Игорь, Ольга и Святослав) согласно сообщениям ПВЛ (ПВЛ 1950 ч. 1: 215, 216, 239). Конунги, принадлежащие к правящему роду, ревниво относятся к защите своих прав и присвоению власти не-Рюриковичами (убийство Олегом Аскольда и Дира, убийство другим Олегом Люта Свенельдича), о чем сообщается в ПВЛ (ПВЛ 1950 ч. 1: 216, 250–251).

Мы уже говорили о «великих и светлых князьях» и «великих боярах», находящихся под номинальной властью великого князя, с которыми греки заключали договор. Такая формулировка становится понятной, если предположить, что «под рукой великого князя» было много мелких самостоятельных правителей. Вероятно, далеко не для всех из них договор, заключенный самим великим князем русским, был обязателен. Когда все родичи получают право на трон, они считаются самостоятельными правителями и отсюда понятно, что мирный договор должен был заключаться со всеми «светлыми и великими» князьями, как сказано в договоре Олега с греками.

Д. Островский характеризует организацию власти ранней Руси термином Д. Снита *headless state* (Ostrowsky 2012: 31), что, на мой взгляд, вполне соответствует описанию организации власти в Дании в IX в. как *turmoil of princes* (Maund 1994).

> «Моя рабочая гипотеза заключается в том, что русские княжества представляли собой то, что Снит назвал „государством без головы", или, если кому-либо кажется неуместным назвать „без головы" государство с главным князем в Киеве, тогда мы можем назвать это аристократическим государством с главным правителем, бывшим „первым среди равных" (*primus inter pares*) (Ostrowsky 2012: 32).

Константин Багрянородный тоже говорит об «архонтах Руси», уходящих в полюдье. А. А. Горский



Рис. 8. Славянские племена и путь русов, отправляющихся в полюдье согласно описанию Константина Багрянородного (Карта на основе илл. из книги Рыбакова Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв., 1982)

полагает, говоря о титуле «архонт», что это «не означает, что в среде „росов" было несколько равноценных предводителей» и что «им обозначены предводители дружинных отрядов, отправлявшихся в полюдье по территориям разных славянских союзов племенных княжеств» (Горский 1999: 45).

Но это предположение, на мой взгляд, является спорным, во всяком случае, для IX в. Ведь даже при Владимире в конце X в. существовало независимое варяжское княжество с центром в Полоцке, во главе которого стоял варяг Рогволод (*Rögnvaldr),* пришедший «из-за моря». Здесь, мне кажется, также уместно вспомнить гипотезу Шмурло о разных центрах власти, возникших в IX в. в землях славян и финнов, боровшихся между собой и, возможно, объединявших усилия для крупных военных предприятий (Ильменская Русь, Полоцкое княжество с Рогволодом во главе, Киевская Русь) (Шмурло 1998: 70–75).

Д. Островский, вслед за Л. Гумилевым, считает систему наследования власти на Руси заимствованной у степных кочевников (хазар, печенегов) (Гумилев 1959: 11–25; Ostrowsky 2012: 29–58). Если у первых князей власть передавалась от отца к сыну (Рюрик и Игорь, Игорь и Святослав), то по мере разрастания рода Рюриковичей власть начинает передаваться от брата к брату и устанавливается так называемая «лествичная система» наследования верховной власти (Рапов 1977: 206–214). То есть то, что А. В. Назаренко характеризует как *fratrum corpus.* Именно такая система существовала в IX в. в Дании. Дальнейшее сравнение властной ситуации в Дании и на Руси выявляет ряд черт дополнительного сходства.

Нам мало что известно об организации власти в IX в. в Норвегии и Швеции, поскольку кроме скупых рунических надписей и исландских саг, записанных в XII–XIII вв., у нас нет других источников. Если основываться на сообщениях саг, то власть в отдельных областях Скандинавии передавалась по наследству от отца к сыну, как постоянно указывается, например, в Саге об Инглингах: «Ингъяльд, сын Энунда-конунга, стал конунгом в Упсале» (Стурлусон 1980: 30), «Эйстейн, сын Хальвдана Белая кость, был конунгом после него» (Стурлусон 1980: 35), «Олав стал конунгом после смерти своего отца» (Стурлусон 1980: 37), а также в Саге о Харальде Прекрасноволосом: «Харальд стал конунгом после своего отца» (Стурлусон 1980: 42). Первой попыткой объединения большей части Норвегии под единой властью в X в. было правление Харальда Прекрасноволосого, но о нем сохранилось очень мало информации.

Совершенно в особом положении оказалась Дания. Анналы франков отразили события, происходившие в IX в. на ее территории, постольку, поскольку они касались империи франков. Эти сообщения позволяют довольно точно представить распределение власти в Ютландии. Традиционно ранее предполагалось наличие в IX в. централизованной королевской власти. Этому способствовало правление Готфрида, выступавшего в источниках королем всей Дании и строителем Датского вала. Данный взгляд отразился, например, в изданной на русском языке книге Г. Джонса (Джонс 2005: 89–111).

Хотя Джонс и выражает определенные сомнения:

> «в связи со всем сказанным возникает ряд вопросов, на которые историки не в силах ответить однозначно. Насколько реальной была власть конунга в Дании в то время? Кто такой Годфред? Вправе ли мы называть его правителем Дании или это просто один из местных властителей — пусть даже самый сильный и прославленный?» (Джонс 2005:94).

Но, тем не менее, сам Джонс рассматривает Данию времен Годфрида и Хорика I как централизованное государство. К. Рандсборг также рассматривает и правление Хорика II, как единого правителя страны, а обладание частью территории Рёриком считает фьефом, выданным ему королем (Randsborg 1980: 13).

Однако сообщения в анналах франков, рассказывающие о последующих после смерти Годфрида событиях, этого не подтверждают. Соответствующие сообщения анналов франков с разбивкой по годам сгруппированы в работе К. Л. Маунда (Maund 1994: 31–45). Именно на основе сообщений этих анналов К. Л. Маунд определяет ситуацию в Дании в IX в. как *turmoil of princes* (Maund 1994: 29–45). Править страной могли только члены королевской династии Скьёльдунгов или Инглингов, ведущих род от самого Одина.

Именно для Дании отмечен институт одновременного правления нескольких конунгов в различных областях страны или даже в одной области. Например, правление сыновей Готфрида вместе с Хориком I или правление Харальда вместе с Регинфридом

демонстрируют, что несколько конунгов одновременно могли управлять одной территорией (Maund 1994: 32).

Основным условием права на верховную власть была принадлежность к королевскому роду, причем претендовать на нее мог и самый дальний родственник (Olsen 1989: 27). Так, король Дании Хорик I, властвовавший над большей частью ее территории, выслал своего дальнего родственника Готторма, как возможного претендента на власть (Maund 1994: 41).

Такова была ситуация с наследованием власти в империи франков и в Дании в IX в. и она продолжала сохраняться примерно до 891 г. В этом году, по сообщению Адама Бременского, в какой-то части Дании правил король Хельги, последний представитель династии Скьёльдунгов (История Дании 1996: 44).

Начиная с 828 г. сыновья Готфрида отстранили Харальда и, вероятно, его братьев Хемминга и Рёрика от управления Данией. Они в это время правят страной совместно на одной территории, и Хорик I просто является среди них наиболее значительной фигурой. При этом Харальд Клак даже после смерти считался вполне законным претендентом на трон, и как результат его родичи Рёрик, Родульф и Готфрид II вели впоследствии борьбу за датский трон и рассматривались как законные претенденты (Maund 1994: 40).

В Дании IX в., как отмечает К. Л. Маунд, заключение договоров происходило на персональном уровне с каждым конунгом. Так, мир, заключенный франками с Готфридом II в 853 г., не распространялся на всех данов (Maund 1994: 40).

5.9. Русы Игоря

В текст ПВЛ включены тексты договоров руси с греками. Литература, посвященная анализу текста договоров, обстоятельствам их заключения, именам послов, поистине необъятна. Нас будет интересовать вопрос о клятвах, приносимых русами при заключении договоров, и конкретно договора 945 г., после похода на Византию Игоря.

Историография вопроса приведена в моей статье (Губарев 2013). В договоре Игоря с греками от 945 г. указывается, что клятва оружием заключалась в складывании на землю своего оружия и золотых обручий, то есть соответствовала клятве скандинавов на оружии и священных кольцах (Riisoy 2016; Stein-Wilkeshuis 2002; Мельникова 2014а; Кулешов 2017).

При заключении договора русы-язычники приносят клятву на своем оружии, складывая на землю мечи, копья, щиты и другое оружие. Важными представляются формула и форма принесения клятвы. В летописном рассказе о договоре 907 г. отмечено, что русов-язычников

> «водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир» (ПВЛ 1950 ч. 1: 221).

В тексте договора 912 г. читаем:

> «превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую неоднократно между христианами и русскими, рассудили по

> справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему... Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как Божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы» (ПВЛ 1950 ч. 1: 222).

Очевидно, что клятва на оружии приносилась по закону русскому, то есть — это клятва именно русов. А. Димитриу отмечал, что:

> «византийские дипломаты выпытали у русских послов формулу наиболее торжественной присяги, употреблявшейся у руссов, и обрядности, при этом соблюдавшиеся, и включили все это в договор, обеспечив, таким образом, себя от возможности обмана со стороны русских» (Димитриу 1895: 548).

Действительно, в преамбуле к тексту договора 945 г. приведена развернутая формула клятвы по закону русскому:

> «А кто с русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да по-

гибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь» (ПВЛ 1950 ч. 1: 232).

Краткая формула клятвы повторена и в заключительной части текста договора:

«Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи в предлежании честного креста и хартии этой соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны – князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, – да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием» (ПВЛ 1950 ч. 1: 235).

Приведенная в договоре 971 г. формула русской клятвы соответствует формуле договоров 907 и 945 гг.:

«Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от Бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем» (ПВЛ 1950 ч. 1: 250).

Клятва на оружии является типично скандинавской клятвой. Фетисов, анализируя формулу и процедуру клятвы, обратил внимание на сходные мотивы в исландских сагах, где нарушившие закон и клятву

погибают от собственного оружия. Причем объясняется смерть нарушителя договора от собственного оружия вполне естественными причинами. Смерть клятвопреступника наступает при обмене оружием в ходе поединка или при падении на собственный меч и т. д. Наличие подобных параллелей сюжету в эпосах других народов (нартско-осетинском, чечено-ингушском) привело А. А. Фетисова к выводу о том, что мотив смерти от собственного оружия не является принадлежностью исключительно скандинавского эпоса (Фетисов, Щавелев 2009).

Но в сагах есть эпизоды, более близкие к клятве русов. Речь идет о волшебном побиении нарушителей клятв ожившим собственным оружием. И этот сюжет не встречается в легендах других народов. Так, в «Саге о Ньяле» в рассказе о людях викинга Бродира, язычника и отступника от христианства, говорится:

> «На следующую ночь снова раздался грохот, и они снова все вскочили. Тут мечи выскочили из ножен, а секиры и копья взлетели в воздух и начали сражаться. Оружие с такой силой напало на людей, что им пришлось прикрыться щитами, и все же многие были ранены и на каждом корабле погибло по человеку. Это чудо продолжалось до утра. После этого они снова проспали весь день» («Сага о Ньяле» (ИС 1999: 360)).

Отметим не только сходство формулы клятвы («да не защитятся они собственными щитами»)

с описанием фантастического события в саге («им пришлось прикрыться щитами»), но и причины, вызывающей это наказание — клятвопреступление, которым в глазах людей в Средние века равно являлось нарушение договора и отступничество от крещения и христианской веры, от договора, заключенного с Богом.

> «Бродир был раньше христианином и диаконом, но отошел от веры, стал предателем бога, начал приносить языческие жертвы и был необычайно сведущ в колдовстве» (Сага о Ньяле (ИС 1999: 359)).

Таким образом, смерть от собственного оружия в сагах является также карой и за вероотступничество. Обращает на себя внимание обряд складывания щитов и оружия на землю при принесении клятвы:

> «На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты и золото, и присягали Игорь и люди его — сколько было язычников между русскими» (ПВЛ 1950 ч. 1: 236).

Это могло быть символическим подтверждением клятвы: в том случае, если приносящие клятву задумали злое и оружие начнет сечь своих владельцев, то «не защитятся они собственными щитами», сложенными на землю. Аналогичный сюжет встречается в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде». Когда ярл Хакон в нарушение обычая гостеприимства и «торгового мира» приказал захватить корабль Торлейва,

а его спутников повесить, Торлейв мстит ярлу, произнося нид под видом хвалебной песни.

> «И когда он сказал последнюю треть песни, все оружие, какое только было в палате, пришло вдруг в движение без чьей-либо помощи, и оттого было там перебито множество народу» («Прядь о Торлейве» (ИС 1999 т. 2: 453)).

Итак, клятва русов при заключении договоров — это типичная скандинавская клятва. Аналогом ей могут послужить неоднократно упоминаемые в анналах и хрониках клятвы скандинавов на оружии и священных кольцах. Например, клятва данов Гутрума при заключении договора с Альфредом Великим.

Попытка А. А. Романчука найти параллели клятве русов у славян, кельтов и германцев не учитывает пространственные и временные рамки обсуждаемого вопроса. Его параллель с *оживающим в бою* оружием у кельтов V–VI вв. никак не может быть соотнесена с *оживающим при нарушении клятвы* оружием скандинавов IX в. (Романчук 2018; Губарев 2019б).

Хотелось бы особо привлечь внимание исследователей к одному аспекту клятвы русов в договоре 945 (по некоторым версиям, 944) года, который в отечественной литературе, посвященной договорам русов с греками, до сих пор детально не рассматривался. Этот аспект отмечен в работах Стейн Вилькесхёйс (Stein-Wilkeshuis 2002: 164–167) и А. И. Рисёй (Riisoy 2016: 147).

Из российских исследователей его касался в своей работе, посвященной договорам Руси с греками,

П. С. Стефанович в связи со смешением христианских и языческих представлений (Стефанович 2006: 390), однако затрагивал эту тему лишь вскользь.

Говоря о клятве русов в договоре 944 г., М. Стейн-Вилькесхёйс отмечает:

> «The invocation of the gods was accompanied by a pledge for everlasting peace. The formula quoted above (944) "as long as the sun shines and the world stands fixed", alliterating even in Church Slavonic..., is characteristic. At the same time the oath taker would pronounce a self-curse: in case he broke his word and violated the everlasting pledge, he would bring the anger of the gods upon himself, be killed by his own weapons, and be a slave or an outlaw forever and everywhere»[18] (Stein-Wilkeshuis 2002: 164–166).

Подобные формулы, имеющие магический или символический смысл, встречаются в клятвах разных народов и являются наиболее долгоживущим элементом клятвы. Эта формула договора, как показала Стейн-Вилькесхёйс, имеет наиболее близкое соответствие во фризской юридической практике заключения договоров:

---

[18] «Призывание богов сопровождалось клятвой о заключении вечного мира. Формула, цитируемая выше (944 г.), „дондеже солнце сьяет и весь миръ стоить", с аллитерацией даже на церковнославянском... является характерной. В то же время произносящий клятву произнесет и заклятие: в случае если он нарушит свое слово и нарушит обещание вечного мира, он вызовет гнев богов на свою голову, будет убит своим собственным оружием и будет рабом или изгоем навечно и повсюду» (*перевод О. Л. Губарева*).

> «Parties had to swear that their reconciliation would last "as long as the wind blows from the clouds, grass grows, trees flower, the sun rises and the world exists"» (Stein-Wilkeshuis 2002: 167)[19].

Е. Джексон рассматривает фризские параллели клятве русов более подробно. Она указывает, что во фризском своде законов, кодифицированном в двенадцатом веке, имеется рассказ о договоре между Карлом Великим и фризскими рабами, которые помогли ему при осаде Рима (легенда о Магнусе). Лидер фризов Магнус, согласно легенде, потребовал особые права для фризов, первым из которых была свобода всех фризов навечно. Перевод Е. Джексон фризской клятвы звучит так:

> «that all Frisians should be free, the born and the unborn, as long as the wind blows (wails?) from the skies and the world stands» (Jackson 2016: 10).

Приведем оригинал текста, цитируемый Джексон:

> «thet alle Fresan were freiheran, thi berna and thi vneberna, alsa longe sa thi wind fonta himele weide and thio wralde stode» («чтобы все фризы были свободны, рожденные и нерожденные, пока ветер с небес дует (завывает?) и мир стоит»)

[19] «Стороны должны поклясться, что их примирение будет продолжаться, „пока ветер дует из-за туч, трава растет, деревья цветут, солнце встает и мир существует"» (*перевод О. Л. Губарева*).

Таким образом, элемент клятвы русов является сокращенным вариантом более развернутой фризской клятвы.

Едва ли подобное соответствие является чистым совпадением.

Е. Джексон подробно останавливается на рассмотрении всего текста клятв и формул заключения мира (Jackson 2016). Она рассматривает клятвы русов при заключении договоров с греками, скандинавские аналоги таких клятв, в частности, в древнеисландской юридической практике, а также древнефризские юридические параллели, которые и представляются наиболее любопытными.

В преамбуле к договору 945 г. мы впервые встречаем эту формулу[20]:

> «...створити любовь с самѣми цари, со всѣм болярьствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде же съяеть солнце и весь миръ стоить».

В заключительной части договора формула повторяется:

> «Да аще будеть добрѣ устроил миръ Игорь великий князь, да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяеть и весь миръ стоить, в нынешния вѣки и в будущая» (ПВЛ 1950 ч. 1: 35, 39).

[20] Цитаты древнерусского текста приведены по тексту издания ПВЛ 1950 г., подготовленному Д. С. Лихачевым под ред. В. П. Адриановой-Перетц.

Повторение данной формулы почти без изменений дважды на протяжении одного документа указывает на вполне устойчивый характер ее применения.

Кроме того, данная формула встречается и в молитве киевского митрополита Илариона, являющейся, по мнению А. М. Молдована, дополнением к «Слову о Законе и Благодати». Правда, она нигде больше не встречается в книжных документах, а вот в актовых документах на Руси в сокращенной формулировке распространена широко (Молдаван 2018: 21). Что лишний раз подтверждает ее заимствование именно из фризской юридической практики.

Имеются и скандинавские параллели данной магической формуле. Скандинавские клятвы в исландской литературе встречаются не часто, поскольку судебник «Серый гусь» (*Grágás*) и другие законы, записанные на скандинавских языках, запрещают использование клятв как магических практик. Поэтому в скандинавских памятниках и документах на латинском языке примеры клятв встречаются довольно редко и разбросаны по разным источникам. Чаще встречаются магические заклятья, направленные против конкретных лиц. Такие заклятья часто выражались в поэтической форме, в форме так называемого нида (Thorwaldsen 2010: 254).

Наличие параллелей в клятве русов скандинавским и тем более фризским юридическим формулам в преамбуле и в заключительной части договоров опровергает предположение об «обрамлении» текстов договоров, созданном летописцем искусственно на основе своих представлений о том, как такие

договора должны были ратифицироваться (Цукерман 2008; Горский 1997; Васильев 2000).

Едва ли эта формула, имеющая древние скандинавские и фризские аналоги, могла быть придумана летописцем ПВЛ. Поэтому гораздо более адекватной является оценка договоров руси с греками, данная им Н. И. Платоновой:

> «Русско-византийские договоры, включенные в ПВЛ как ее составная часть, представляют собой источники, первичные по отношению к летописному рассказу о событиях X в. на Руси и резко превосходящие его по информативным возможностям» (Платонова 1997: 69–70).

Может вызвать сомнение, что при достаточно быстрой ассимиляции русов Рюрика в славяно-финской среде, такой элемент фризской юридической формулы мог сохраниться в клятве русов в договоре 945 г. Но, как показывает, например, история кельтов, именно такие стандартные магические заклинания имеют длительную историю и являются наиболее долгоживущими.

При заключении договора с Александром Македонским кельты в ответ на его вопрос о том, боятся ли они чего-нибудь, ответили, что людей не боятся, а боятся, чтобы небеса не упали на землю (Роллестон 2004: 6). Много позже, в древнеирландском эпосе о короле Конхобаре, который отделяет от эллинизма промежуток более чем в тысячу лет, неоднократно встречается клятва с формулой: «Пока небеса не упадут на землю...». Эта клятва и боязнь небес,

падающих на землю, проходят через всю историю кельтов. Клятва Конхобара:

> «Небеса над нами, земля под нами и море везде вокруг нас; и поистине, если только не упадут на нас небеса, и если земля не разверзнется, чтобы поглотить нас, и море не хлынет на сушу, я верну каждую женщину к ее очагу и каждую корову в ее стойло» (Роллестон 2004: 6).

Эта формула является такой же магической формулой, как и клятва русов и скандинавов при заключении мира.

Но поскольку аналогичные магические формулы при заключении договоров встречаются и у скандинавов и у фризов, что заставляет думать об именно фризском происхождении данной магической формулы?

Рольф Бреммер отмечает, что в скандинавской магической формуле сборника «Серый гусь» есть пространственный аспект, поскольку в составе формулы содержится указание, что нарушитель клятвы «will be outlawed and driven away *as far as* men drive outlaws»[21]. Бреммер обращает внимание на то, что фризский вариант магической формулы содержит только временные аспекты (Bremmer 2018). В древнерусском варианте магической формулы также присутствуют только временные аспекты — «*пока* сияет солнце и весь мир стоит». Что сближает древнерусский вариант именно с фризской формулой.

---

[21] «будет вне закона и будет изгнан так далеко, как люди удаляют изгоев» (*перевод О. Л. Губарева*).

5.10. По закону русскому

В ПВЛ много раз мы встречаем упоминания об особом «законе русском», который определял жизненные нормы руси Рюрика. Во многих работах, посвященных древнерусскому праву, как, например, в лекциях В. О. Ключевского (Ключевский 1902: 107), «закон русский» упоминается в числе источников «Русской правды», но отдельно не рассматривается. Есть главы, посвященные «закону русскому» в исследованиях о «Русской Правде» (Зимин 1954: 65–70) и русском средневековом праве (Feldbrugge 2009: 51–52; Петров 2003: 221–224). Но есть относительно небольшое количество работ, непосредственно посвященных «закону русскому» (Георгиевский 2004; Никольский 2004). Среди них выделяется капитальный труд М. Б. Свердлова (Свердлов 1988). Но и эти работы сосредотачиваются на рассмотрении юридических норм, не на поиске параллелей в древнем праве других народов.

В исследовании М. Б. Свердлова, написанном во времена господства официального антинорманизма, «закон русский» приписывается славянам, поскольку и русы считаются славянами. Но с учетом этого обстоятельства данная работа вполне может быть использована и содержит весьма интересные гипотезы и выводы. Характерно, что и в более позднее время появляются антинорманистские работы о древнем русском праве с приписыванием его восточным славянам (Агафонов 2006) или балтийским славянам (Меркулов 2014). И это понятно, потому что

о восточнославянском древнем племенном праве мы не знаем вообще ничего.

При этом встречаются забавные казусы, например, в статье Э. В. Георгиевского, посвященной «закону русскому», для доказательства наличия письменности у восточных славян к середине IX в. и возможности кодифицирования права восточных славян, приводится ссылка на книгу В. А. Чудинова «Загадки славянской письменности». Что не позволяет рассматривать данную статью как работу, подготовленную на серьезном научном уровне.

Опровержение восточнославянской природы «закона русского» содержится непосредственно в ПВЛ, где говорится под 907 г., что русы приносят клятву оружием своим «по закону русскому». Клятва оружием является чисто скандинавским видом клятвы и отличается от клятв, приносимых славянами при заключении мирных договоров. Более того, как уже было показано выше, скандинавы и русы, в отличие от других народов, клявшихся своим оружием, верили, что оружие может ожить и нанести вред владельцам, напасть на них в случае нарушения клятвы (Riisoy 2016: 148–149; Губарев 2013: 241–242).

Поэтому обратим внимание на поиск возможных параллелей к формулам «закона русского» не только в скандинавском, но и в древнефризском праве. Согласно М. Н. Тихомирову, Л. К. Гетц сближал древнейшую редакцию «Русской Правды» с древнефризским правом Lex Frisonum, кодифицированным в империи франков (Тихомиров 1941: 25). Как указывает М. Стейн-Вилькесхёйс: «Medieval Frisian

law, also, devotes attention to patching up quarrels by way of an oath and preserves some ancient formulae»[22] (Stein-Wilkeshuis 2002: 158).

К «закону русскому» можно уверенно отнести те клаузы в договорах Руси с греками, в которых в ПВЛ содержится ссылка на «закон русский», «наш закон», «закон и покон русский» и просто «закон», когда клауза стоит рядом со ссылкой на «закон русский»[23].

> «Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, цѣловавше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ» (ПВЛ 1950 ч. 1: 25).

> «Наша свѣтлость болѣ инѣх хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, ез и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружьем своим, такую любовь утвердити и извести по вѣре и по закону нашему» (ПВЛ 1950 ч. 1: 26).

> «Аще ли убежит сотворивый убийство, да аще есть домовит, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возметь ближний убьенаго,

[22] «Средневековое фризское право также обращает внимание на улаживание ссор путем принесения клятв и сохраняет некоторые древние формулы» (*перевод О. Л. Губарева*).

[23] Текст приведен по изданию ПВЛ 1950 г., подготовленному Д. С. Лихачевым под ред. В. П. Адриановой-Перетц.

> а и жена убившаго да имѣеть толицем же пребудеть по закону» (ПВЛ 1950 ч. 1: 26).
>
> «Аще ли ударить мечем, или бьеть кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону русскому» (ПВЛ 1950 ч. 1: 27).
>
> «Аще ускочить челядинъ от Руси, по нь же придуть въ страну царствия нашего, и у святаго Мамы аще будеть, да поимуть и; аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от насъ цѣну свою, яко же уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за чалядинъ» (ПВЛ 1950 ч. 1: 36).
>
> «Аще украденное обрящеться продаемо, да вдасть и цѣну его сугубо, и тъ показненъ будеть по закону гречьскому, и по уставу и по закону рускому» (ПВЛ 1950 ч. 1:37).
>
> «Аще ли от нея возметь кто что, ли человѣка поработить, или убьеть, да будеть повиненъ закону руску и гречьску» (ПВЛ 1950 ч. 1: 37).
>
> «Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ русинъ грьчина, или грьчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатить сребра литръ 5 по закону рускому» (ПВЛ 1950 ч. 1: 38).

Из выделенных пунктов следует, что «закон русский» — языческий закон. Особо стоит отметить большое внимание, уделяемое законом мести

и возмещению за увечье или убийство, что характерно для большинства варварских правд, в том числе для древнескандинавского права.

Рассматриваемое содержание «закона русского» соответствует тому, что говорит о русах мусульманский писатель и географ Ибн-Русте. Русы выслушивают приговор «царя» и исполняют его, но если обе стороны недовольны его решением, то тяжба решается поединком (Петров 2003: 224). Данное сообщение Ибн-Русте соответствует описанию решения споров поединком в исландских сагах.

Между нормами «закона русского» и краткой редакции «Русской Правды», составленной при Ярославе, есть существенное отличие. Во времена Рюрика и первых Рюриковичей варяги-русь составляли дружинную знать и «закон русский» был их правом, правом дружинников-скандинавов. Никаких пришлых наемных варягов-находников, отношения которых с варягами-русами Рюрика нужно было бы регулировать нормами закона, тогда не было. А ко времени Ярослава практика приглашения и найма варягов была уже достаточно развита и нужно было регулировать отношения между варягами, местным населением и русско-варяжской славянизированной знатью.

Статьи «закона русского», содержащиеся в текстах договоров, носят следы редактирования с учетом византийского права по той причине, что применяться эти статьи должны были на территории Византии (Свердлов 1988: 35; Никольский 2004).

Первое упоминание о «Законе русском» содержится в договоре Руси с греками от 907 г., хотя ясно,

что сам «закон русский» как устное и не кодифицированное право, основанное на традициях и обычае, существовал издревле.

Итак, по мнению ряда историков, основные положения неписаного «Закона Русского» вошли составной частью в краткую редакцию «Русской Правды».

Еще Гетц отмечал сходство «Русской Правды» и фризского сборника законов Frisonum Lex. Он видел это сходство в характере составления данных юридических документов. Оба они, по его мнению, носят частный характер сборников, основанных на случаях, встреченных на практике и обобщаемых до уровня закона, то есть составлены на основе изучения отдельных часто встречающихся юридических казусов. Хотя, как он признает, фризские законы являются более детально разработанными, чем законы русов.

Интересно, что Пространная редакция «Русской Правды» по своей детализированности ближе к германским варварским Правдам, в частности к Frisonum Lex, чем Краткая редакция. Что вызвало гипотезу А. П. Толочко о Краткой редакции, полученной сокращением Пространной редакции «Русской Правды» (Толочко 2009).

Ф. Фельдбрюгге, говоря о возможных заимствованиях из древнегерманского права, отмечает удивительную близость положений Краткой Правды и Lex Saxonum.

> «In the first part of the *Lex Saxonum*, the similarity with the Oldest Pravda is the most striking. This is the more intriguing since the Saxon territory,

in North-West Germany, was the direct neighbour of Jutland, the region from which Rurik, at least according to some of the current theories, originated»[24] (Feldbrugge 2009: 54).

Ф. Фельдбрюгге приводит доводы, как за признание в качестве источника многих положений Краткой Правды скандинавского права, особенно с учетом гипотез о дружинном характере Краткой Правды, так и возможные аргументы против. И особо отмечает сильное влияние происхождения первых Рюриковичей и их скандинавского окружения на нормы «закона русского», восстанавливаемого по договорам Руси с греками и по Древнейшей Правде. При этом со ссылкой на Е. В. Пчелова указывает на гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, пока окончательно не доказанную, но в пользу которой существуют сильные аргументы (Feldbrugge 2009: 56).

5.11. Могила Рюрика?

Наиболее ранняя дендродата, определенная в ходе раскопок в Ладоге, это 753 г. Эта дата является *terminus post quem* появления скандинавов в землях славян и финнов. Хотя нет сомнения, что

[24] «В первой части Lex Frisonum сходство с Древнейшей Правдой наиболее впечатляющее. Это выглядит еще более интригующе, поскольку территория саксов на северо-западе Германии непосредственно соседствовала с Ютландией, районом, из которого Рюрик происходил, по крайней мере согласно некоторым из существующих теорий» (перевод О. Л. Губарева).

они появились в землях финнов и восточных славян намного раньше. Периоды скандинавского и славянского преобладания в культуре Ладоги согласно археологическим находкам сменяют друг друга (Кузьмин 2008).

Рядом с Ладогой появляется могильник в урочище Плакун, наиболее ранние погребения которого датируются концом IX в. (Френкель 2008). На расстоянии примерно 300 м к югу от основного могильника находится сопковидная насыпь, на вершине которой было раскопано плохо сохранившееся камерное погребение. Описанию раскопок этой насыпи посвящен ряд работ (Булкин, Назаренко, Носов 1972; Носов, Конецкий 1974; Носов 1985; Михайлов 1995, 1997).

Погребение исследовано и описано археологами, проанализированы находки отдельных предметов. Погребение сопоставлялось с другими камерными погребениями в Скандинавии (Бирка) и на Руси (курган № 7 могильника «в Березках» в Чернигове) (Михайлов 1997: 109).

Однако представляет интерес попытка исторической интерпретации данного погребения при сравнении с аналогичным камерным погребением с ладьей и конями в Бусдорфе, недалеко от Хедебю. Особенно в связи с гипотезами тождественности Рюрика и Рёрика Фрисландского и выхода Рюрика с дружиной из Фризии, являвшейся частью империи франков, о чем говорилось выше. Как отмечает Я. В. Френкель, в вопросе о датировке погребения возможна методическая стратегия, когда главным датирующим признаком становится сам обряд погребения (Френкель 2008: 232).

Погребение на вершине сопковидной плакунской насыпи подробно описано К. А. Михайловым (Михайлов 1997). Е. Н. Носовым было показано, что предполагавшееся вначале наличие в захоронении остатков ладьи (Лебедев 1977) есть не что иное, как только часть борта ладьи, использованная в виде настила (Носов 1985: 154).

Плохая сохранность погребения и инвентаря (Михайлов 1997: 107) затрудняет ответы на многие конкретные вопросы.

Что можно было бы ожидать найти в погребениях дружинников Харальда Клака и Рюрика/Рёрика Фрисландского?

«Фризские даны» Харальда Клака и Рёрика почти 70 лет находились на территории империи, вступая с франками и фризами в наиболее тесные контакты. Поэтому влияние имперских обычаев на норманнов должно было быть весьма значительным, учитывая крещение Харальда со всеми родственниками и знатью (около 400 человек) в 826 г. В поэме Эрмольда Черного, подробно описавшего процедуру крещения, особое внимание уделено обмену подарками между данами и франками. Причем подарки императора франков Харальду должны были подчеркнуть его высокий королевский статус властителя, вассала империи. Поэтому можно было бы ожидать найти в погребениях как Харальда, так и Рёрика, набор вещей, отражающих социальный и религиозный статус погребенного. Причем инвентарь погребений должен был бы отражать процессы, связанные имперской инвеститурой, которая традиционно обозначается как *imitatio imperii.* При этом, поскольку и Харальд

Клак и Рёрик принадлежали к роду Скьёльдунгов, родовым имением которых был вик Хедебю, то можно было бы ожидать связи погребений именно с этим центром.

Тем интереснее представляется возможность сравнения инвентаря двух могил: камерного погребения с остатками ладьи и с захоронением воинов и коней в Бусдорфе и погребения на вершине сопковидной плакунской насыпи с конями и бортом ладьи. Посмотрим, насколько находки в обоих погребениях могут соответствовать нашим ожиданиям.

Исторически основанием для такого сравнения является сопоставление рядом историков погребения в Бусдорфе с могилой Харальда Клака, дяди или брата Рёрика Фрисландского. Интерес историков к фигуре Харальда Клака объясняется тем, что Харальд был первым королем Дании, принявшим крещение. Харальд Клак стал королем Дании после смерти Готфрида, короля данов, строителя Датского вала, и наследовавшего ему Хемминга. Видимо, уже тогда возникла вражда между ним и сыновьями Готфрида, претендовавшими на власть в Дании, и Харальд решил в борьбе с сыновьями Готфрида опереться на поддержку империи франков. Видимо, он чувствовал ненадежность своей власти в Дании (Coupland 1998: 89).

Харальд Клак и его родичи в 826 г. после прибытия в г. Ингельгейм, ко двору Людовика Благочестивого, принимают обряд крещения в г. Майнц. Причем восприемником Харальда от купели был сам император Людовик. Собственно с упоминания о крещении Харальда Клака и предоставлении ему

в лен Рустрингена и Валхерена и начинается биография Рёрика Фрисландского, родича Харальда Клака.

В источниках есть указания, что вместе с Харальдом в 826 г. был окрещен и его племянник. Если считать этим племянником Рёрика, то он к тому моменту должен был быть ребенком (Пчелов 2001: 72). А поэт Эрмольд Черный даже подробно описал это событие в поэме, посвященной Людовику Благочестивому (Стасюлевич 2001; Ненарокова 2010а, 2010б).

В виде подарка от императора Харальд Клак получает область Рустринген, расположенную в устье р. Везер в верхней Фризии. Судя по всему, Дорестад входил в те земли, которые император передал в лен Харальду, хотя летописи прямо об этом не говорят. Но упорные рейды сыновей Готфрида на Фрисландию, на Дорестад и в 837 г. на остров Валхерен, о котором летопись однозначно говорит, что он был передан в лен Харальду, позволяют предположить, что Дорестад, которым позже владел Рёрик, тоже был владением Харальда. Относительно даты смерти Харальда существуют разночтения из-за неясности свидетельств франкских летописей, но она имела место не позже 852 г.

Согласно некоторым историкам, родовым владением клана Скьёльдунгов, к которым принадлежали Харальд Клак и Рёрик Фрисландский, был эмпорий Хедебю. В районе Хедебю обнаружен ряд богатых камерных погребений, в частности, внимание исследователей привлекло одно из них. Эгон Вамерс считает, что погребение Харальда должно было бы быть аналогично богатому камерному погребению в Бусдорфе, недалеко от Хедебю (Wamers 1994).

Погребение было раскопано в 1908 г., и результаты раскопок опубликованы в 1911 г. Фридрихом Кнорром (Knorr 1911). Предметы из погребения были исследованы Мюллером-Вилле (Müller-Wille 1976). Особое внимание исследователей привлекло то, что в этом богатом камерном погребении было обнаружено три коня и останки еще двух людей, погибших в бою или последовавших за вождем в потусторонний мир. Деревянные планки ладьи не сохранились, и ее наличие определено по расположению заклепок. Реконструкция на основе расположения заклепок показала, что ладья могла быть 17–20 м длиной и 2,7–3,5 м шириной.

Кнорром под ладьей была обнаружена камера, расположенная в центре, и яма в восточной секции погребения. В яме находились останки трех коней плохой сохранности. Камерная гробница содержала предметы, но останков скелетов там не было. Камера была досками разделена на две части: восточную и западную. Предметы в восточной части камеры включали в себя два меча, умбоны от щитов, ведро, пару стремян, нож и два комплекта упряжи. В юго-восточном углу были предполагаемые остатки седла. Северо-восточный угол, возможно, содержал останки двух лошадей. Западная часть камеры была более богатой. Здесь найдены меч с украшениями, два умбона от щитов (один вместе с креплениями щита), одна бронзовая чаша с маленькой деревянной чашей с железными креплениями внутри нее, стеклянный стакан, связка стрел, одна конская упряжь, пара шпор, поясной набор, янтарная бусина, роговой гребень, нож и деревянная шкатулка.

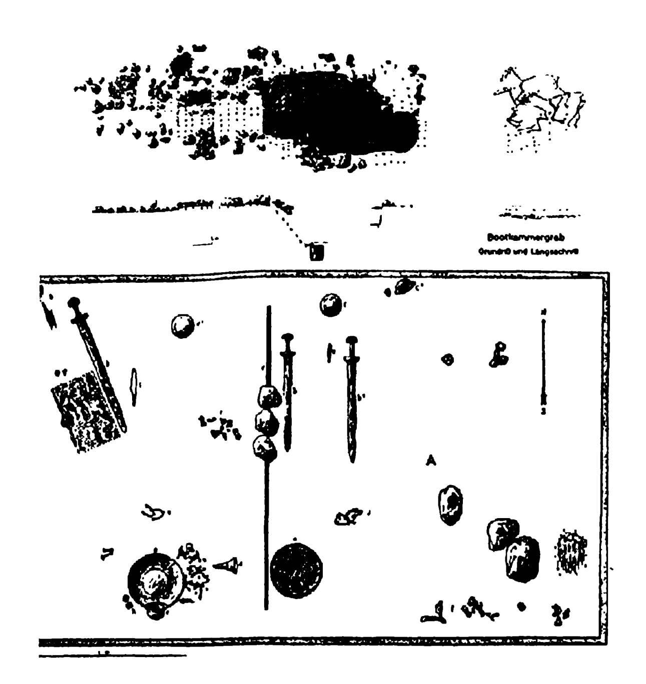


Рис. 9. Схема камерного погребения в Бусдорфе с ладьей и конями, недалеко от Хедебю, и расположение инвентаря в камере. (Илл. из статьи Schatte T. Haithabu und Schleswig – Stadtentwicklung im nördlichen Europa im Früh- und Hochmittelalter, 2012)

Кнорр датирует погребение второй половиной X в., Хольгер Арбман – серединой IX в., Эккехард Анер – второй половиной IX в. / началом X в. и Михаэль Мюллер-Вилле – примерно 900 г. Эгон Вамерс датирует вещи в погребении первой третью IX в. и само погребение 830–850 гг. (Staecker 2008).

В поэме Эрмольда Черного отмечен обмен подарками между императором и Харальдом, в частности

среди подарков императора Харальду названы меч на перевязи, шпоры, пояс (Стасюлевич 2001: 121; Ненарокова 2010б: 176). Эллмерс определил двух людей, похороненных вместе с вождем, как «виночерпия» (на что указывает стеклянный стакан и ведро) и «маршала» (на что указывают конская упряжь, остатки седла и обнаружение шпор в части В камеры).

Хайо Фирк предположил, что вещи в погребении представляли собой подарки от императора франков, своего рода инвеституру. Особо он выделял богато украшенный меч из камеры В, считая его скандинавской имитацией имперского ритуала, символизировавшего королевскую власть. Он считал, что меч, получивший условное название «королевского», для скандинавов символизировал «*imitatio imperii*». Рукоять меча была украшена в том числе и христианской символикой (Vierk 1984). Э. Вамерс считает, что для скандинавов и другие предметы, входившие в набор подарков от императора франков, означали высокий социальный статус и были символами власти. Э. Кристис особо отмечает роль описания подарков в источниках для историков, изучающих раннее Средневековье, поскольку именно обмен подарками между могущественными правителями империй и королевств всегда привлекал внимание хронистов и летописцев (Christys 2010: 149). Согласно Вамерсу, Харальд Клак был погребен в Хедебю между 842 и 850 гг. и ритуал погребения, которое он сопоставил с погребением в Бусдорфе, и найденный в нем погребальный инвентарь подтвердили интенсивные контакты Харальда с империей франков (Wamers 1994: 6–32).

Датировка Вамерса основывается на результатах радиоуглеродного анализа древесины и на сопоставлении предметов из погребения в Бусдорфе с аналогичными вещами из других датируемых по маркерам погребений. Основная часть предметов датируется началом или серединой IX века.

Э. Вамерс отмечает, что подобное погребение само по себе является необычным из-за соединения в нем обряда континентального камерного погребения со скандинавским обрядом погребения с ладьей. Кроме того, он отмечает, что камерные погребения не характерны для IX века и данное погребение является редким случаем, выпадающим из общего ряда.

Кроме того, погребение в Бусдорфе ряд исследователей (Э. Роэсдаль, Х. Андерсен, Й. Вернер) сопоставляют с аламаннским погребением с конями VII века в Нидерштотцинген. В этом свете погребение в Бусдорфе рассматривается как позднее проявление языческого ритуала путешествия в потусторонний мир, в Валгаллу. Германцы предполагали путешествие в загробный мир по суше на конях, викинги предполагали путешествие вначале на конях, а потом по окружающему Скандинавию морю в ладье (Shenk 2002: 22–25). Все это происходило на фоне уже начинавшейся христианизации скандинавов (миссия Ансгария).

У ряда исследователей возникли возражения относительно сопоставления данного погребения с могилой Харальда Клака. Споры вызвало установление количества погребенных, поскольку останки тел плохо сохранились, а наличие некоторых останков можно предполагать только по жирности

слоя почвы. В целом ученые считают, что в погребении было захоронено от двух до трех человек. Определенные возражения вызвала интерпретация одного из захороненных как «маршала». Д. Эллмерс интерпретировал погребенных вместе с вождем как «виночерпия» и «маршала», поскольку их роль в ритуалах имперского двора франков была весьма значительной (Wamers 1994: 5).

Йорн Штекер пытается поставить под сомнение гипотезу Фирка относительно *imitatio* и *translatio* имперских ритуалов, указывая, что она связана с интерпретацией погребения Э. Вамерсом как могилой Харальда Клака (Staecker 2005: 8). Что вызывало дискуссию среди историков, поддержавших в целом скепсис Штекера (Comments 2005).

Концепция имитации скандинавами ритуала франкского двора, казалось бы, подтверждает гипотезу о принадлежности погребения Харальду Клаку.

Однако Йорн Штекер считает, что датировка погребения Вамерсом представляет собой «искусственную конструкцию». По его мнению, возникает вопрос: почему Харальд был погребен в Хедебю? Последний раз он упомянут в письменных источниках в связи с франкской территорией (Дорестад и Валхерен), переданной ему императором Лотарем в 840–841 гг. Вызывает споры и датировка погребения. Кроме того, по мнению Штекера, погребенный не обязательно может быть Харальдом Клаком. Можно связать погребение с кем-то из сыновей Готфрида, относительно которых в источниках тоже есть сведения об обмене подарками с франками, или с Хориком I, умершим в 852 г., хотя сообщение Адама

Бременского о его крещении вызывает сомнения (Staecker 2008).

Возможным ответом на этот вопрос является то, что Рёрик Фрисландский в 857 г. восстановил свои права на родовое владение Скьёльдунгов Хедебю и получил от Хорика II владения «между рекой Айдер и морем», и мог перезахоронить своего родича в родовом гнезде. Случаи перезахоронения родичей в Средние века имели место, как, например, перезахоронение Эгиля Скаллагримсона (Dubois 1999).

Однако независимо от того, верна или нет гипотеза о принадлежности погребения Харальду Клаку, тем не менее представляет особый интерес сравнение данного погребения с камерным погребением в плакунской сопковидной насыпи. Результаты сопоставления приведены в табл. I.

Итак, мы видим, что находки инвентаря в обоих погребениях соответствуют тому, что можно было бы ожидать встретить в погребениях «фризских данов», и, более того, указывают на соответствие погребального ритуала как между обоими погребениями, так и концепции *imitatio* и *translation imperii*, что, на мой взгляд, дополнительно подтверждает гипотезу Э. Вамерса.

Обычай камерных погребений издавна существовал в империи франков, начиная примерно с пятого века. В инвентарь камерных погребений позже, как правило, входили меч, сакс, щит, ведро, окованное железными обручами, в погребениях встречаются захоронения лошадей вместе с покойным. Считается, что погребальная камера имитировала спальное помещение в доме умершего (Schutz 2001: 139).

Таблица I

Погребение в Бусдорфе (Wamers 1994, 2005; Staeker 2008)	Погребение на вершине плакунской сопковидной насыпи (Михайлов 1997)	Примечания
В стороне от основного могильника (30–50 м к югу)	В стороне от могильника Плакун (300 м)	Погребение человека высокого статуса вынесено в сторону от остальных погребений рядовых дружинников
Захоронение по обряду ингумации Размеры камеры: 4,5 м х 2,5 м х 1,9 м (Wamers 1994: 3)	Захоронение по обряду ингумации Яма размерами: длина 3 м, глубина 0,4 м, но, возможно, яма была глубже (Михайлов 1997: 108). Сама камера не сохранилась, но размеры ямы и прогиб настила указывают, согласно К. А. Михайлову, на наличие деревянной камеры	

Продолжение ►

Таблица I. Продолжение

Погребение в Бусдорфе (Wamers 1994, 2005; Staeker 2008)	Погребение на вершине плакунской сопковидной насыпи (Михайлов 1997)	Примечания
Захоронение с ладьей над камерой	Захоронение с бортом ладьи или ладейными досками, использованными как настил	
Яма содержала плохо сохранившиеся остатки трех коней. Яма у штевня ладьи	В восточной части два коня, ориентированные север–юг, головой на юг	Кони входили в число подарков, которые было принято дарить у императоров франков (Curta 2006: 685, 687–688)
	Меч в погребении не обнаружен, но по аналогии с другими камерными погребениями, где обнаружены связки стрел, наличие другого вооружения в могиле предполагается (Михайлов 1997: 110)	Дарение меча рассматривалось у скандинавов и русов как знак подчинения того, кто принимает подарок, дарящему (Koptev 2010). Согласно Вамерсу, франки также рассматривали принятие меча

Погребение в Бусдорфе (Wamers 1994, 2005; Staeker 2008)	Погребение на вершине плакунской сопковидной насыпи (Михайлов 1997)	Примечания
		в подарок как знак вассалитета (Wamers 2005: 167)
В западной части камеры связка из 9 стрел, наконечниками вниз или колчан. Наконечники стрел корродировали, что затрудняет идентификацию. Похожи на листовидные	В близи ног погребенного 14 наконечников стрел (связка стрел или колчан)	Стрелы (без луков) также, скорее всего, были символами власти: посылая стрелу, конунги норвежских «фюльков» собирали ополчение и тинг (Лебедев 1974; Фетисов 2004)
В восточной части камеры — деревянное ведро	Две железные заклепки, семь узких железных пластин- оковок деревянного ведра	Деревянные ведра с клепками связаны с обычаем траурного пира и общения живых

Продолжение ►

Таблица I. Продолжение

Погребение в Бусдорфе (Wamers 1994, 2005; Staeker 2008)	Погребение на вершине плакунской сопковидной насыпи (Михайлов 1997)	Примечания
		с умершими. Подобные предметы рассматриваются как следы языческого ритуала. Отмечено, что украшенные ведра с металлической обивкой не часто встречаются в погребениях (Kurasiński 2015: 145,164)
Янтарная бусина	Двухчастная бусина желтого стекла	Бусы в погребении имеют свой символический смысл. Считают, что бусины, особенно янтарные, выступали в роли амулетов. Наиболее часты погребения с одной бусиной (чаще янтарной) (Batey, Paterson 2012: 652)

Погребение в Бусдорфе (Wamers 1994, 2005; Staeker 2008)	**Погребение на вершине плакунской сопковидной насыпи (Михайлов 1997)**	**Примечания**
Два тела — кости почти совершенно разрушились, — которые были ориентированы под прямым углом к ладье, примерно в направлении север–юг. Третье тело, очевидно, самого погребенного, знатного человека, в западной части камеры не сохранилось, определить можно только по земле со следами жира	Тело погребенного в переотложенном состоянии головой на север	Символизм в ориентации тел погребенных. Север связывался у скандинавов с царством мертвых, а юг почитался именно в связи с теплом и светом, исходящими от этой стороны света (Подосинов 1997)

Продолжение ►

Таблица I. Продолжение

Погребение в Бусдорфе (Wamers 1994, 2005; Staeker 2008)	Погребение на вершине плакунской сопковидной насыпи (Михайлов 1997)	Примечания
Детали поясного набора, украшенного филигранью, возможно с привешенным мечом	Серебряные бляшки, входившие в состав поясного или уздечного гарнитура, бронзовая пряжка	Значение богатого украшенного пояса (перевязи для меча) Фирк определяет как один из символов imitatio imperii (Vierk 1984: 411). Бляшка в форме трилистника характерна для поясных наборов IX в. для подвешивания меча у франков (Robak 2018)
Бронзовые удила	Предмет с кольцом и подвижным штырем, как предмет конской упряжи	Конская упряжь — еще один из символов imitatio imperii, согласно Фирку (Vierk 1984: 411)
	Ледоходные шипы у конских ног	
Нож, найденный с остатками ладьи	Нож с рукоятью, обмотанной серебряной проволокой	

Особое значение предметов, помещаемых в погребения, отмечает Г. Харке. Он особо подчеркивает связь помещаемых в погребения предметов с обменом дарами и статусом погребенных (Härke 2014). Л. Гардель также подчеркивает связь камерных гробниц, во-первых, со статусом умершего (социальным, материальным, религиозным и т. д.) и, во-вторых, с процессами выделения элиты, началом образования государственности (Gardela 2013: 385). Вамерс считает, что посольства, возвращавшиеся из империи франков с дарами от императора, рассматривали эти дары как своего рода символы инвеституры (Wamers 1994: 34) и помещали их в погребения вождей.

Сравнение статуса Харальда Клака и Рёрика указывает на более высокий статус Харальда, короля Дании в 812–814 гг. и 819–827 гг. Рёрик, выдающийся вождь норманнов, хотя и назван в ряде источников «королем», но трон в Дании не занимал и самое большее — вернул себе на несколько лет родовое владение Скьёльдунгов — эмпорий Хедебю. Этому статусу обоих вождей соответствует и инвентарь погребений — три коня и останки двух воинов в Бусдорфе и два коня в погребении на вершине плакунской сопковидной насыпи. Во многих культурах Древнего Мира и Средневековья конь в погребении считается признаком аристократического происхождения погребенного (Carstens 2005). Что резко выделяет данное погребение на Плакуне из ряда остальных.

В. А. Назаренко, проводивший раскопки в урочище Плакун, выдвинул предположение о возможности связать курганы № 11 или № 6 с дружинниками Рюрика

или самим Рюриком (Назаренко 1997). К. А. Михайлов отметил, что:

«регион распространения камер типа «плакун» — Южная Ютландия — и датировка (достаточно спорная) плакунской камеры — 880–900 гг. — заставляют вспомнить существующую в историографии точку зрения о тождественности Рюрика Новгородского и Рёрика Фрисландского (Ютландского)... Было бы заманчиво увидеть в погребенном на Плакуне если не самого Рюрика, то хотя бы одного из его спутников (последнего мнения придерживается В. А. Назаренко). Но это предположение пока не имеет достаточных обоснований ни в археологических, ни в исторических материалах» (Михайлов 1996а: 58).

Однако П. А. Атанов продолжает отстаивать точку зрения Назаренко о возможности рассматривать это погребение как вероятную могилу Рюрика (Атанов 2014).

Сравнение погребения в Бусдорфе с погребением на сопковидной насыпи в урочище Плакун делает гипотезу о связи погребений в урочище Плакун с русами Рюрика более вероятной. А если гипотеза о том, что погребение в Бусдорфе-Хедебю является могилой Харальда Клака, подтвердится, то, вероятно, возможно будет рассмотреть гипотезу о погребении на вершине плакунской сопковидной насыпи как о возможной могиле Рюрика/Рёрика Фрисландского.

Хотя и в этом случае возникает много спорных вопросов, в частности вопрос о датировках обоих погребений. Датировки погребения в Бусдорфе второй половиной IX века / началом X века (Эккехард Анер) и примерно 900 годом (Михаэль Мюллер-Вилле)

противоречат гипотезе о принадлежности погребения Харальду Клаку.

Возможно, наиболее разумным пока является более острожный подход П. Бодуина, который говорит, что есть ряд поразительных совпадений между инвентарем погребения и дарами императора Харальду Клаку, описанными в поэме Эрмольда Черного, и что погребенный вельможа был скандинав и в то же время имел тесные связи с двором императора франков (Bauduin 2008: 6).

Точно также и в отношении погребения на вершине сопковидной плакунской насыпи Ф. Андрощук, вслед за К. Михайловым (Михайлов 2002: 64), ориентируясь на другие камерные погребения в Скандинавии и на Руси, датирует его X веком (Androshchuk 2011: 73), что исключает возможность связи погребения со временем Рюрика.

Однако Я. В. Френкель датирует по ряду маркеров курган № 7 Плакуна в качестве нижней границы датировки погребений всего комплекса Плакун 880–890 гг. а этот период уже примерно соответствует времени, близкому к дате смерти Рюрика в 879 г. по ПВЛ (Френкель 2008: 248). Френкель отмечает, что К. А. Михайлов со временем несколько менял свои взгляды на датировку курганов и в работе от 2003 г. признавал, что первые курганы могильника могли относиться к концу IX в. (Френкель 2008: 232). Н. Б. Черных были получены дендродаты для бревен камерного погребения кургана № 11. Датировки первых курганов Плакуна, как указывает Я. В. Френкель, обнаруживали противоречие с датировками типологически близких погребений в Скандинавии.

Эти камерные погребения оказывались самыми ранними даже по сравнению со Скандинавией (Михайлов 2002: 64; Френкель 2008: 233).

Данное противоречие снимается, если предположить, что обряд камерных погребений русами Рюрика принесен в Северную Русь не из Скандинавии, а непосредственно с территории империи франков, где у Харальда Клака и Рёрика Фрисландского были в течение длительного времени обширные владения (Coupland 1998: 100; Горский 2013, 2014; Губарев 2016а, 2016б).

Говоря о дате смерти Рюрика нужно учитывать, что хронология ПВЛ весьма сомнительна. А о датировках отдельных событий до сих пор идут споры (Харьковский 2017). Однако если учесть гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, то в анналах франков сообщается, что родич Рёрика Готфрид вступил в наследование его владениями в 882 г. Это подтверждает примерную дату смерти Рюрика согласно ПВЛ.

На погребении найдена пряжка, которую К. А. Михайлов отнес к византийскому типу. Михайлов отмечает, что аналоги данной пряжки найдены в недатируемом кургане № 70 Шестовицкого могильника и в Коринфе в слоях X века (Davidson 1952: 268, p. 1.115: 2217).

К. А. Михайлов посвятил данной находке отдельную работу (Михайлов 2005). Он указывает, что болгарские исследователи связывают пряжки данного типа со временем Первого болгарского царства (Михайлов 2005: 213). Хотя Г. С. Лебедев, убежденный в более ранней датировке погребения, опирающейся на дендродаты (Лебедев 2005: 473), указывает, что

в своей ранней работе от 1996 г. К. А. Михайлов отмечает, что данные пряжки были распространены в VIII–X вв. (Михайлов 1996б: 30–32).

Находка данной пряжки могла бы указывать на более позднюю датировку погребения, однако, с одной стороны в связи с плохой сохранностью погребения неясны обстоятельства попадания данной вещи в культурный слой. Пряжка могла быть вотивным даром на могилу вождя от варяга или руса, вернувшегося из Византии. Г. Р. Дэвидсон с некоторыми оговорками датирует пряжки данного типа X веком (Davidson 1952: 268). П. Сойер отмечает широкое распространение в Скандинавии обычая вотивных приношений после походов в чужие страны, еще со времени поздней Римской империи (Sawyer 1982: 65).

Не забудем, что именно при Рюрике, согласно ПВЛ, Аскольд и Дир отправились в первый успешный поход на Византию. Поэтому вполне естественным представляется византийский пояс или пряжка в качестве вотивного дара на могилу вождя от дружинника, побывавшего в Византии.

С другой стороны, отмеченное сходство инвентаря двух погребений и погребального ритуала ставит вопрос о возможности более ранней датировки, поскольку наиболее тесные контакты с империей франков в течение почти 70 лет имели место именно у «фризских данов» Харальда и Рёрика. А последние норманны во Фризии были перебиты в Бетуве после убийства Готфрида, родича и наследника Рёрика, в 885 г. После чего все сообщения о норманнах в империи франков прерываются, и больше сведений о «фризских данах» в анналах франков нет.

6. Рюрик и «фризские даны» до прихода в земли славян и финнов

6.1. Норманны, фризы и франки

На южной границе Ютландии, там, где конунг Готфрид построил Датский вал (*Dannevirke*), столкнулись интересы и исторические судьбы трех народов — франков, западных славян и норманнов-данов. Эта область за Датским валом в работах ряда историков обозначена как «пограничье» (Wamers 1994; Garipzanov 2008).

После смерти Готфрида в 810 г. в Ютландии началась борьба за верховную власть между сыновьями Готфрида и сыновьями Хальфдана, в которой последние ориентировались на помощь христианской империи франков. Франки только что закончили завоевание Фризии, последний король которой — Редбад, которого некоторые древнефризские легенды называют даном (Пріцак 1997: 513), до самой своей смерти в 719 г. упорно сопротивлялся христианизации фризов. Согласно устной традиции, записанной в Codex Unia, там также указывается, что последний король фризов был даном по происхождению (Bremmer 2014: 47).

Отношения между фризами и данами были сложными. С одной стороны, фризы-язычники, не

желавшие подчиняться франкам и не смирившиеся с потерей независимости, были естественными союзниками данов. С другой стороны, покоренные франками и обращенные в христианство фризы получили определенную автономию и привилегии в границах империи и были врагами данов, совершавших опустошительные набеги на Фризию.

Балтийские славяне были объединены в два племенных союза, ненавидевших друг друга и боровшихся друг с другом, — ободриты (бодричи) и вильцы (лютичи). Первые из них были Карлом Великим поставлены в зависимость от франков и стали их союзниками. Соответственно вильцы, их враги, стали союзниками данов, врагов франков, опасавшихся за свою независимость после разгрома франками саксов и опустошения их земель. Борьба франков и данов началась с похода Годфреда на Фризию в 810 г. Поход был успешным, земли фризов-христиан были опустошены, и Годфред угрожал столице франков Ахену. Причем Карл Великий воспринял эту угрозу вполне серьезно. Но со смертью Годфреда все изменилось. В Ютландии началась гражданская война между кланом Харальда Клака, ставшего королем, и сыновьями Годфреда, вынужденными на время бежать из страны.

Судя по всему, первая попытка установить дипломатические отношения с франками и опереться на мощь империи франков в борьбе с врагами внутри датских земель была сделана еще при конунге Сигфриде, отправившем к франкам послом некоего Хальфдана в 782 г. Этот Хальфдан, возможно, получил в 807 г., как сообщает Poeta Saxo, земли

в бенефиций от Карла Великого. Во всяком случае, сын Хальфдана Хемминг погибает в 837 г., защищая остров Валхерен, который позже был владением Рёрика Фрисландского, от набега викингов (Coupland 1998: 87). А согласно хронике, рассказывающей о введении христианства в Дании во время набега Готфрида в 810 г. на Фризию, им был убит хавдинг Рорик, имевший владения во Фризии, скорее всего, тоже родич Хальфдана (Heims Kringla 1697: 220), поскольку имя Рорик принадлежало, как показал Молчанов, клану Скьёльдунгов, потомков Хальфдана (Молчанов 1992).

Видимо, чувствуя ненадежность своей власти, король данов Харальд Клак с родичами и знатью обратился за помощью к империи франков и принял в 826 г. крещение при дворе императора Людовика Благочестивого. Этому событию посвятил большую поэму Эрмольд Нигелл (Эрмольд Чёрный). Император также, опасаясь неудачного для Харальда исхода междоусобной борьбы, которая позволяла франкам вмешаться и подчинить данов своему влиянию, выделил Харальду область Рустрингию во Фризии в качестве бенефиция и возможного убежища.

Вернувшиеся из изгнания сыновья Годфреда захватили верховную власть, и Харальду пришлось укрыться в Рустрингии (Melleno 2017: 375). В дальнейшем Харальду и его брату (или племяннику) Рёрику были выделены императором в бенефиций важный имперский эмпорий Дорестад с прилегающими землями и остров Валхерен под условием защиты побережья от викингов и уплаты податей с этих владений в казну.

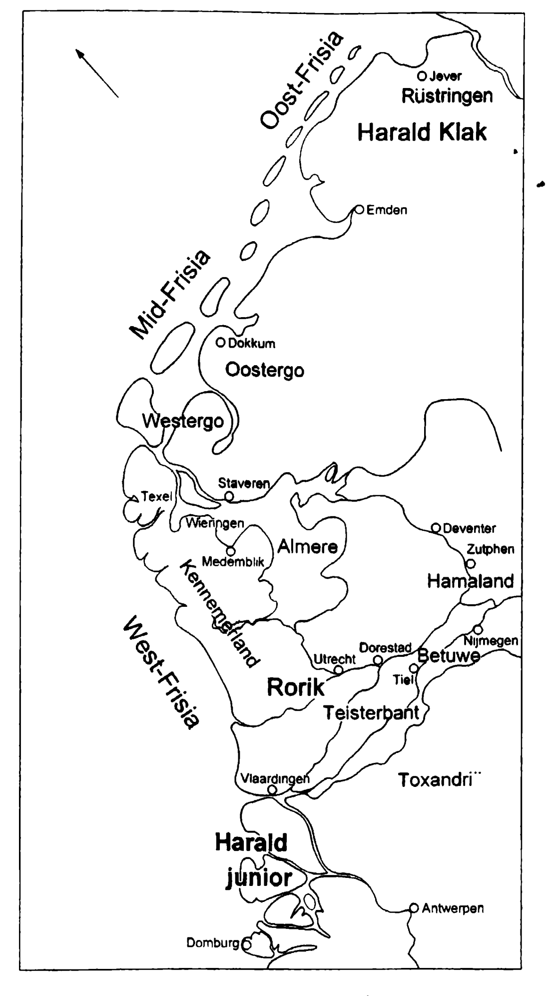


Рис. 10. Карта владений вождей «фризских данов», предоставленных им в качестве бенефиция императорами франков (из книги L. van der Tuuk. Noormannen in de Lage Landen, 2008)

С этого времени начинаются практически ежегодные набеги данов во главе с сыновьями Готфрида на земли фризов. Видимо, это объяснялось стремлением уничтожить возможных претендентов на верховную власть в Дании. А возможно, и ненавистью поклонников Одина к христианам. Харальд и Рёрик в дальнейшем использовали свои владения во Фризии как базу для борьбы за трон Дании, а также для набегов на другие области империи франков, разделенной между сыновьями Людовика, и на Англию.

Однако вскоре оба вождя «фризских данов» были обвинены в измене и брошены в тюрьму. Судьба Харальда Клака неизвестна, но, видимо, он погиб в заключении. А Рёрику удалось бежать, и он укрылся на время у саксов или ободритов, а потом начал совершать опустошительные набеги на свои бывшие владения. Понимая, что не может ничего противопоставить этим набегам, император Лотарь вернул Рёрику его прежние владения с Дорестадом. Историки по-разному оценивают успешность практики, применяемой Каролингами по наделению норманнов владениями на побережье Фризии в бенефиций при условии их обороны и уплаты налогов в казну (Lot 1970: 681; Coupland 1998: 101; Bauduin 2008; Besteman 2002; Якуб 2008: 339).

Практика использования норманнов как наемников применялась многими государями, например, византийскими и франкскими императорами, а также русскими князьями династии Рюриковичей (Lund 1989: 51). Однако при этом земли в бенефиций вождям норманнов с обязательствами их защиты от врагов и уплаты податей в казну выдавали

только Каролинги. А также Рюрик, который, согласно ПВЛ, раздавал своим сподвижникам славянские городища землями — Изборск, Белоозеро, Ростов, видимо, на тех же условиях (ПВЛ 1950 ч. 1: 18, 215). Последующие князья уже просто нанимали варягов-«находников», приходящих «из-за моря», то есть из Скандинавии, которых летопись отличает от варягов первой волны, варягов Рюрика.

Огромную роль играли при этом родственные и династические связи Рюриковичей Скьёльдунгов со скандинавскими правящими династиями. Вспомним брак Ярослава Мудрого с Ингигерд, когда Олав Шетконунг не пожелал отдать ее Инглингу Олаву Святому.

По мнению А. А. Горского, поддерживающего гипотезу о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского, Рёрик женился во Фризии. На это указывает сообщение Матильды, матери императора Священной Римской империи Оттона, о датско-фризском происхождении бабки Оттона Рейнхильды. Тогда, если верна гипотеза о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского, у Рюриковичей, возможно, имелись династические связи и с императорами Священной Римской империи (Горский 2018: 103–104). К. Крамбс предполагает на основе упоминаний в документах франков, что у Рёрика во Фризии оставался сын Радбод, имя которому было, видимо, дано в честь последнего короля фризов (Krambs 2009).

Рёрик был выдающимся вождем данов. Он был прекрасным дипломатом, так как сумел занять нейтральное положение между тремя враждующими сыновьями Людовика Благочестивого, поскольку его обширные владения находились в границах всех

трех королевств. Он терпимо относился к христианству и, как показывают письма к нему и к епископу Утрехта от Хинкмара Реймсского, сам был крещен.

Но борьба за трон Дании сложилась для него в конечном итоге неудачно, хотя на какое-то время ему удалось вернуть земли за Датским валом между рекой Айдер и морем. Видимо, на время ему удалось вернуть и эмпорий Хедебю. Но на основе этого сообщения трудно определить, было ли это Северное или Балтийское море. Но существуют довольно серьезные доводы в пользу того, что речь идет о Балтийском море (Касиковы 1990; Яманов 2002). В анналах франков не сообщается, когда он снова потерял эти земли. Но вскоре ситуация во Фризии сложилась для Рёрика неудачно. Он понял, что борьбу за Ютландию он проиграл, и дальнейшие попытки, видимо, стали бесперспективными.

Кроме того, Дорестад, жемчужина во владениях Рёрика, пришел в упадок в связи с изменением русла Рейна или по другим причинам, и торговая активность переместилась в Квентовик и Девентер. Попытки опереться на местное население для обороны побережья в связи с постоянным оттоком норманнов, уходивших в набеги на Англию и Аквитанию, привели к восстанию «коггингов», подавленному в итоге Рёриком. Дальнейшее пребывание во Фризии из-за ненависти христиан, франков и фризов, к «язычникам» — данам и примкнувшим к ним фризам — теряло для него всякий смысл. Видимо, Рёрик чувствовал такое отношение к себе и своим норманнам, так как принимал при встрече с императорами меры предосторожности в виде обмена заложниками.

Связи Дорестада с Хедебю и Биркой, а через нее с восточными землями, не могли не вызвать у честолюбивого и выдающегося норманна желания создать свои владения там, где проходят торговые пути и откуда идет на Запад и на Север серебро (Noonan 1986), где не ему будут давать земли в бенефиций, а он сам будет их раздавать своим соратникам (ПВЛ 1950 ч. 1: 18, 215).

6.2. Закат «фризской Нормандии» (Рёрик уходит, «пояша всю русь»)

Ко второй половине IX в. Дорестад приходит в упадок. Такое положение Дорестада отразилось на фризско-скандинавской торговле, что заметно по археологическим находкам в Каупанге, где отмечено падение фризского экспорта. Однако фризско-скандинавская торговля продолжалась, и фризы (а с ними и вожди фризских данов и в первую очередь Рёрик) должны были искать другие каналы для экспорта. Это видно на примере экспорта фризских товаров в Йорк (IJssennagger 2010: 1819, 84–85).

Согласно Саймону Коупленду Дорестад практически прекратил существование как торговый центр к 860 г. (Coupland 2010: 96). Остается сравнить эту дату с датой примерного (поскольку хронология ПВЛ весьма сомнительна) прибытия Рюрика «со всей русью» в земли славян и финнов.

Пребывание Рорика в тюрьме по ложному обвинению не улучшало его отношения к франкам, несмотря на его лояльность всем франкским императорам, соперничающим друг с другом. Предательское

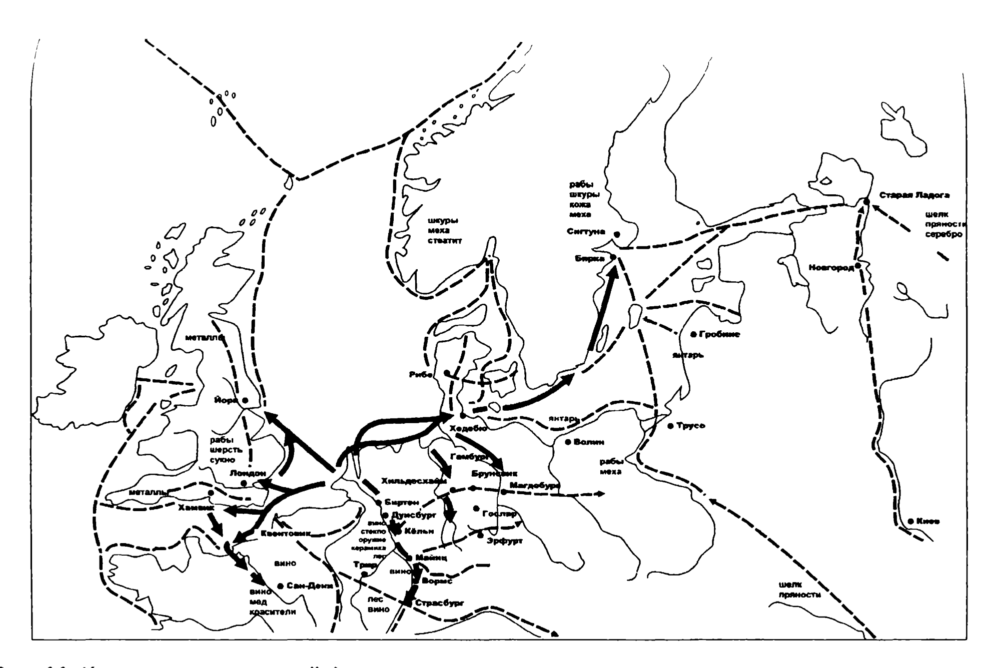


Рис. 11. Карта торговых путей фризских купцов, демонстрирующая центральное положение Фризии в дальней торговле и торговые связи Дорестада с восточными землями (на основе карты из статьи Lebecq S. 'Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siècles, 1989)

убийство его родича Готфрида и избиение оставшихся во Фризии норманнов в Бетуве в 885 г. указывают на судьбу, которая могла ожидать и Рорика, останься он на Западе. Едва ли он это не понимал.

Для вождя норманнов положение ленника было довольно унизительным и могло быть терпимым временно, в надежде вернуть датский престол. А после того, как эта надежда была потеряна, стремление стать независимым властителем, который сам раздает земли в лен, было вполне естественным для известнейшего вождя норманнов. Если у норманнов даже женщина не терпела подчинения и стремилась стать независимой властительницей, как показывает история Ауд/Унн, дочери Кетиля (Vanherpen 2013), то понятно, как должен был стремиться к независимости известнейший и прославленный конунг данов.

То, что Рёрик всю жизнь фактически провел среди фризов, и то, что он обладал эмпорием Дорестад, где чеканилась монета Каролингов, должно было показать ему роль торговли и торговых путей. Поэтому не случайно, видимо, русы на Востоке больше занимались торговлей, чем набегами. Кроме того, в Дании Рёрик был конунгом-изгоем, а, как отметил Дж. Д. Шафер (Shafer 2009: 273), на Восток чаще шли конунги и ярлы — изгои. И во «Фрагменте о древних конунгах» Ауд с сыном Харальдом Боезубом в поисках убежища бежит на Русь к конунгу Руси Радбарду.

Кстати, похоже, что фризы готовы были терпеть норманнов, пока те были многочисленны и сильны, могли защищать побережье от викингов и держать в узде местную знать. Возможно, именно уход большей части норманнов и поддерживавших их фризов

с Рёриком в период 860–879 гг. в земли финнов и восточных славян спровоцировал расправу франков и фризов-христиан с оставшимися норманнами Готфрида в 885 г., к тому же ввязавшегося во внутриполитические интриги франков.

6.3. Образование государства на Руси и «фризские даны» Рюрика

Основным аргументом антинорманистов против важной роли норманнов в создании предпосылок будущей государственности является более позднее оформление государственности в Скандинавии по сравнению с Русью. И сразу возникает вопрос: как могли скандинавы заложить основы государственности на Руси, если не имели о ней понятия, поскольку в Скандинавии она еще не сложилась.

Кроме того, заявляется, что никто не может принести государственность извне. Последнее утверждение, несомненно, верно. Но вот не принести извне государственность, а заложить ее основы в землях восточных славян и финнов вполне могли скандинавы, но только те скандинавы, которые почти 70 лет провели на землях одной из самых мощных империй Средневековой Европы.

Если принять гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, то параллели между организацией власти в IX в. в Дании, в империи франков и у русов Рюрика становятся понятны.

> «...Ее [гипотезы о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского – **О. Л. Губарев**] принятие ведет

> к существенным корректировкам представлений о древнерусском политогенезе: если в Восточную Европу пришел предводитель, хорошо знакомый (как люди из его окружения) с опытом франкского государственного управления (фактически бывший долгое время наместником франкской провинции), то именно это могло стать одной из причин успешной деятельности Рюрика и его преемников по установлению системы властвования, охватившей всю восточнославянскую территорию и приведшей к формированию крупнейшего в Европе государства. В этом случае нужно говорить об опосредованном франкском влиянии на формирование древнерусской государственности» (Горский 2014: 28).

«Фризские даны» Хальфдана, Харальда Клака и Рёрика провели на территории империи франков во Фризии время с 807 г. до 885 г. В 807 г. Карлом Великим Хальфдану, вероятно, был выдан первый бенефиций (Coupland 1998: 88).

В понятие государственности входит организация верховной власти, система наследования власти, дипломатия, организация вооруженных сил, контроль над определенной территорией, система сбора налогов и даней, чеканка и обращение монеты, торговля внутренняя и дальняя и т. д. (Классен 2006: 74-80).

Со всеми этими аспектами деятельности империи Каролингов Рёрик и его даны так или иначе имели дело и были знакомы во время их пребывания на территории империи франков с 807 г. по 885 г. При

Рёрике в Дорестаде чеканилась монета с испорченной надписью lotamus Imp[erator], имитирующей имперскую монету (Coupland 1998: 96). Рёрик неоднократно участвовал в переговорах с императорами франков (например, в 870 и 872 гг. с Карлом Лысым и в 873 г. с Людовиком Немецким).

Из писем Хинкмара Реймсского и епископа Утрехта к Рёрику мы знаем, что он был крещен (Coupland 1998: 96, 98, 99). Кроме того, Фризия с торговым центром Дорестад в IX в. была центром торговых путей, идущих на Запад и на Восток, и Рёрик понимал значение дальней торговли.

7. «Нормандия на Волхове»

Попытки норманнов осесть в той или иной области в Британии или на континенте историки часто сопоставляют с Нормандией, успешно занятой Ролоном и его викингами.

Справедливо ли протогосударство Рюрика на востоке рассматривать как еще одну «Нормандию», аналогичную «Нормандии на Луаре» и «Нормандии на Сене» (Панкратова 2012), и вообще сравнивать эти области скандинавской колонизации?

Во всяком случае, голландский историк Ян Бестеман называет владения Харальда Клака и Рёрика во Фризии «неудавшейся Нормандией» (Besteman 2002). Ж. Сьюпери говорит о «Нормандии в Аквитании» на основе анализа топонимики со скандинавскими корнями (Supery 2014). Х. Халбертсма отмечает неудачную попытку Готфрида создать «фризскую Нормандию» (Halbertsma 1982: 796).

7.1. Русь первых Рюриковичей — Рюрик, Олег, Игорь

В связи с появлением Рюрика в землях славян и финнов возникает несколько вопросов. Можно ли владения Рюрика рассматривать как простое вождество или это было нечто большее? В Скандинавии

конунг или ярл правил своей областью, иногда вступая в союзы с другими конунгами или ярлами. Только Харальд Харфагр, в X в. объединивший под своей властью большую часть Норвегии, во множестве смещал местных конунгов и ярлов и заменял их своими людьми или сохранял за ними власть на условиях полного подчинения и превращения в его подданных.

Рюрик, согласно ПВЛ, фактически ввел в своих новых владениях ленную систему и раздавал преданным ему людям «овому Полоцк, овому Ростов, другому Белоозеро».

Мы не знаем условия, на которых он раздавал земли, но если гипотеза о тождестве его с Рёриком Фрисландским верна, то это были условия обороны владений и уплаты дани.

Мы не знаем, когда была введена первыми Рюриковичами система «полюдья», но поскольку она является аналогом скандинавской вейцлы, можно предположить, что ее ввел уже Рюрик. У нас нет сведений о том, вел ли Рюрик войны, кроме сомнительного сообщения поздних летописей, что он «начаша воевати всюду». Однако передача во владение одному из своих варягов Ростова в земле мери, которая, согласно ПВЛ, не участвовала в призвании князя, наводит на мысль, что Рюрик присоединил эти земли к своим владениям.

Летопись сообщает нам, что Рюрик «отпустил» варягов Аскольда и Дира, *отпросившихся* у него в поход на Царьград (ПВЛ). Возможно, этот поход был инициирован самим Рюриком, чтобы заявить о Руси на мировой арене. А может быть, он просто

не мог остановить своих варягов в поисках славы и богатства, идущих на Царьград, точно так же как Рёрик Фрисландский не мог остановить своих «фризских данов», желающих искать славы и богатства в Англии. Точно так же сам Рёрик Фрисландский *отпрашивался* у своего сюзерена Лотаря II в поход на Данию для борьбы за датский трон и получил его поддержку (Coupland 1998: 97). И во Фризии (Туук 2008), и в землях славян и финнов (Петрухин 2001: 80; Губарев 2016a: 34), учитывая непоседливость норманнов, их вождям приходилось опираться на местное население, которое всегда было под рукой и никуда не уходило.

При Рёрике в Дорестаде шла чеканка монет-подражаний с искаженной передачей имени Лотаря как lotamus Imp[erator], при этом некоторые историки считают, что чеканка этих подражаний с варварски искаженными надписями производилась не на имперском монетном дворе Дорестада, а в частной мастерской где-то во Фризии (Coupland 1998: 96, 1988: 18). Интересно, что если не Рюрик, то первые Рюриковичи уже в Восточной Европе чеканили подражания куфическим монетам (Кулешов 2018).

Во всяком случае, ясно, что и Рюрику и Рёрику Фрисландскому трудно было удержать на месте, первому — своих варягов, второму — своих норманнов. Варяги постоянно уходили в Царьград, а норманны шли в набеги на Англию.

Рёрик использовал местные суда «коги», которые лучше подходили для мелководной и заболоченной местности, чем драккары норманнов. Рюриковичи

использовали славянские однодревки-моноксилы для плавания по рекам Восточной Европы с их порогами.

Согласно ПВЛ, умер Рюрик в 879 г., а согласно анналам франков, как я уже говорил, владения Рёрика были переданы Карлом Толстым[25] в 882 г. родичу Рёрика Готфриду. По совпадению, согласно ПВЛ, именно в этом году Олег с младенцем Игорем отправился в поход на Киев. Попытка составить биографию Олега на основе сообщений НПЛ-мл и ПВЛ сделана А. Шайкиным. Он привлекает сообщения Кембриджского анонима о Хулгу и Песахе, хотя и сомневается в их достоверности, как и в достоверности сведений ПВЛ (Szajkin 2011: 12). Исследование биографии Олега проведено им в основном с позиций текстологии и изучения фольклора и нарратива.

7.2. Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского с точки зрения археологии

Если до сих пор мы рассматривали доказательства в пользу данной гипотезы с учетом сообщений исторических источников, то пора обратиться к археологическим находкам, говорящим в пользу данной гипотезы. Как отмечает Йорн Штекер, историческое исследование обычно стоит из трех этапов — вначале изучаются источники, потом сообщения источников сравниваются с археологическими данными и, если имеются противоречия, на третьем

[25] В моей статье (Губарев 2016б: 17) ошибочно указано, что владения были переданы Карлом Лысым, приношу извинения за эту опечатку.

этапе стараются заново интерпретировать сообщения источников, чтобы согласовать их с данными археологии (Staecker 2005: 3).

На какие возникающие в связи с этой гипотезой вопросы может ответить археология?

Противники гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского ставят под вопрос возможность связей между Фризией и славянскими и финскими племенами Северо-Запада (Лушин 2017: 103). Однако на такие связи указывает наличие кладов куфических монет на территории Фризии, причем относительная концентрация куфического серебра на территории Фризии выделяет ее среди других территорий Западной Европы (Горский 2013: 39).

> «There are also a number of hoards and single finds from the Low Countries, mostly fitting into the Scandinavian/Russian pattern»[26] (Naismith 2005: 199).

На то, что эти связи не были односторонними, указывает наличие некоторого (небольшого) количества омейядских дирхемов Кордобского эмирата в составе кладов на территории Древней Руси (Александров 1997а; Noonan 1980; Barcelo 1983).

Выпадение на территории Восточной Европы кладов с большим количеством куфических монет приходится на 860–870 гг. (Потин 1970: 69; Noonan 1982: 227), что, возможно, связано с событиями,

---

[26] «Ряд кладов и отдельных находок из Нижних земель в большинстве своем соответствует составам скандинавских/русских кладов» (*перевод О. Л. Губарева*).



Рис. 12. Клады Westerklief I и II с территории Фризии (илл. из статьи Besteman J. Westerklief II, a second Viking silver hoard from the former island of Wieringen, 2009 и статьи IJssennagger N. Between Frankish and Viking: Frisia and Frisians in the Viking Age, 2013)

описанными в ПВЛ. Кроме того, находка в составе клада у дер. Кислая, датируемого 837/838 г. (Петров 2012: 8), полубрактеата из Хедебю (чеканка ок. 825 г.) (Мельникова 2015: 25) указывает на ранние связи славянских и финских племен со Скандинавией, а именно с Хедебю.

Относительно возможности дальней торговли мусульманской Испании в раннем Средневековье существуют две противоположные точки зрения. А именно, что такая торговля в то время уже существовала и, наоборот, что дальняя торговля была в то время невозможна. Если принять вторую точку зрения о невозможности такой торговли на тот период, то тогда можно предположить, что монеты Андалусии (чеканенные до 756 г.) и Кордобского эмирата (чеканенные после 756 г.) в составе кладов с куфическим серебром попали на Русь с норманнами Рёрика.

Возможно, это остатки добычи, награбленной в ходе не слишком удачного набега 844 г. на Испанию (Калинина 2001). Вопрос, вызывающий споры и пока не получивший объяснения, — это малое общее количество монет исламской Испании, как на Западе, так и на Востоке (Noonan 1980; Barcelo 1983). Количество дирхамов Кордобского эмирата, найденных на территории Фризии, также незначительно (например, клад Westerklief II содержит всего 1 монету), и может быть сопоставлено с находками монет испанских Омейядов на Руси. Содержание их в кладах не превышает примерно 1% (Noonan 1980; Barcelo 1983).

Интересно полное отсутствие на Руси монет Каролингов данного периода, что требует в таком случае своего объяснения и вроде бы говорит

против данной гипотезы. Р. Ковалев пояснил мне, что только одна монета — полубрактеат из Хедебю (датируется ок. 825 г.) была найдена в Восточной Европе (в р-не Смоленска). Простой ответ на вопрос, почему поток серебра в IX–X вв. шел с Востока на Запад, а не наоборот, заключается в балансе спроса-предложения[27].

Помимо нумизматики в пользу данной гипотезы говорят археологические находки артефактов фризского происхождения.

В Ладоге найдены «фризские» гребни и заготовки для их изготовления на месте (Давидан 1962, 1999). Это указывает на присутствие какого-то количества фризских ремесленников в Ладоге.

Вообще находки европейских типов гребней свидетельствуют о торговых связях с балтийскими торговыми центрами, и в том числе с Фризией. Типология гребней с разбивкой на группы предложена О. И. Давидан.

> «Во второй половине VIII–IX в. у славян Восточной Европы появляются заимствованные из Западной Европы односторонние составные гребни. В большинстве своем эти гребни привозились из городов Балтийского Региона и, возможно, из Фризии. Речь идет в первую очередь об образцах, отнесенных к первой группе. Для данного хронологического периода они представлены в основном отдельными образцами из Пскова, Изборска, Рюрикова городища, изделиями из Старой Ладоги, Сарского городища.

[27] Из личного сообщения Р. Ковалева.

> В IX в. появляются гребни, составляющие вторую группу. В конце указанного периода выявляются местные изделия – гребни с горбатой спинкой и зооморфные образцы» (Кондратьева 2011: 125).

Немногочисленные находки костяных коньков в Ладоге, согласно О. И. Давидан, известны из памятников Моравии, Болгарии и польского Поморья. Такие коньки обнаружены также в шведской Бирке и во Фризии (Roes 1963: Pl. XLVII, 4.7).

Костяные булавки из Старой Ладоги, датируемые второй половиной IX–XI в., находят свои аналоги в Хедебю и Фризии (Иванова, Иванова 2012: 131–132).

Археология Ладоги говорит о находках ряда артефактов, имеющих фризское происхождение. Сосуды Татинг, имевшие ритуальное значение, найденные в Дорестаде, Хедебю и Бирке (Корзухина 1971: 62), найдены также в Старой Ладоге. Последние исследования указывают на наличие в Ладоге черепков от не менее чем двух подобных сосудов (Кулькова, Плохов 2013: 139). Интересно, что в разное время Дорестад и Хедебю входили в состав владений Рёрика Фрисландского, а Бирка являлась последним крупным центром на пути в восточные земли. А. Е. Мусин отмечает археологические находки кувшинов Татинг в Ладоге, являющиеся древнейшими христианскими памятниками на территории Руси и связанные, по его мнению, с миссией Ансгария.

«Сосуды специфической формы с орнаментом из серебряной фольги, включающим христианские

символы, имели литургическое назначение. Происхождение христианских древностей из погребений по обряду кремации отражает ранние этапы христианизации, характеризующиеся неустоявшейся культурой христианской общины. Могильник предположительно связывается с дружиной Рюрика, пришедшей с ним на Русь в 862 г. Сам Рюрик, если верно его отождествление с Рориком Ютландским, был крещен в Майнце в 826 г., и в его окружении, как следует из жития святого Ансгария, были христиане» (Мусин 2000).

В Ладоге найдены деревянные «игрушечные» мечи, некоторые с имитацией рун (Рябинин 1998, Штакельберг 1969). Согласно А. Н. Кирпичникову, эти деревянные мечи имитируют реальные мечи типа Н по классификации Петерсена, наиболее распространенные на Руси. Они, так же как и другой ранний тип В мечей, в IX в. производились в Рейнской области (Кирпичников 1961: 184–185).

А центр производства мечей, Дорестад на Рейне, входил во владения Рёрика Фрисландского. На территории Фризии в г. Арум найдены «игрушечный» деревянный меч с рунической надписью и рукоять меча из слоновой кости (Вебер 2002; Looijenga 1997: 182). Данные мечи получили название «символических». Руническая надпись на мече читается как edæboda. Возможная интерпретация звучит как «меч клятвы». Клинок сделан из тисовой древесины, другие деревянные части — из дуба и ясеня. Возможно, это просто случайное совпадение, но с учетом остальных находок на данное совпадение стоит обратить внимание.

Сухая кладка из известняка стен первого каменного крепостного сооружения в Ладоге в конце IX в., согласно А. Н. Кирпичникову, имеет аналоги только на территории империи Каролингов (Кирпичников 1984: 36).

Особое значение имеет находка в урочище Плакун камерных погребений. Данный погребальный обряд связан с империей франков, откуда он произошел, и Ютландией, граничившей с империей Каролингов (Михайлов 1996а). Датировка камерных погребений Ладоги после некоторых колебаний (Френкель 2008: 233–234, 237) на основе анализа датировок камерных погребений Скандинавии отнесена Михайловым к X в. Хотя ранее он допускал датировки концом IX в. (Михайлов 2016: 227–228).

Особый интерес представляет соответствие инвентаря камерного погребения на вершине плакунской сопковидной насыпи (Михайлов 1997; Носов 1985) и камерного погребения в Бусдорфе близь Хедебю, где предполагается погребение Харальда Клака, дяди или брата Рёрика (Wamers 1994, 2005; Губарев 2019в).

Инвентарь более богатого погребения в Бусдорфе (погребение с ладьей и конями и захоронением одного или двух слуг) соответствовал инвеституре франков в соответствии с принципом *translatio imperii* (Vierk 1984). Плохо сохранившееся погребение на вершине плакунской насыпи содержит борт ладьи, возможно использованный как настил, и захоронение двух коней.

К. А. Михайлов особо выделяет это погребение. «Доминантой этой группы следует считать большой

курган, который возвышался к югу от небольших насыпей могильника. Исследования Е. Н. Носова продемонстрировали, что большой или, как его называли, „сопковидный" курган являлся *одним из самых ранних и самых пышных в группе* (Носов 1985: 147–155). Следует признать, что структура могильника ориентировалась именно на этот курган, *как на доминанту этого участка*» (Михайлов 2006: 49).

Дендродаты бревен из погребения в урочище Плакун привели к парадоксальному выводу, что камерные погребения Плакуна имеют более ранние датировки, чем погребения в Ютландии (Черных 1985: 78; Френкель 2008). Такое было бы возможно, только если обряд камерного погребения был бы перенесен на Русь из империи франков, минуя Скандинавию. Но именно это подтверждает гипотезу о приходе Рюрика с дружиной из его фризских владений, а не из Скандинавии. В Данию по причинам, указанным выше, при правлении там потомков Готфрида конунг-изгой и его соратники вернуться не могли.

Таким образом, археологические находки говорят в целом в пользу гипотезы тождества двух личностей: основателя династии, первого князя Руси Рюрика и известнейшего вождя норманнов Рёрика Фрисландского.

8. Рюрик и легитимность династии Рюриковичей (Сага о Скьёльдунгах)

Во многих работах историков, как я уже показал ранее, высказывалось и высказывается мнение, что легендарная фигура первого русского князя Рюрика была нужна летописцу для легитимации династии Рюриковичей. Б. А. Рыбаков ссылался на А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, когда утверждал, что:

> «князь Мстислав или кто-то очень близкий к нему... приложил руку к самому значительному русскому историческому труду — „Повести временных лет", внеся в нее преувеличенное представление о роли варягов в основании Русского государства» (Рыбаков 1958б: 785).

О. Прицак также отмечает, что «the later rulers of Kiev, Novgorod, and other principalities took great pains to establish their legitimacy by tracing their descent to Rjurik»[28] (Pritsak 1977: 7).

Рюрик выступает в ПВЛ как личность легендарная, и сообщения о нем очень скудны. Не указано его происхождение, и нет указаний на знатность его рода. Один из основных доводов против историчности

---

[28] «Поздние правители Киева, Новгорода и другие власти предпринимали значительные усилия, чтобы подтвердить свою легитимность возведением своего происхождения к Рюрику» (*перевод О. Л. Губарева*).

Рюрика тот, что в своем «Слове о Законе и Благодати» митрополит Илларион упоминает Рюриковичей начиная с Игоря Старого и Святослава. Но отсутствие имени основателя династии среди первых Рюриковичей, упоминаемых Илларионом, доказательство ex silentio, и оно не является безупречным.

Мы знаем и еще одну фигуру основателя династии нормандских герцогов Роллона, о котором известно столь же мало, как и о Рюрике. В исландской саге о Хрольве Пешеходе (Роллоне) единственное, что осталось от реальности, это имя ее героя. И если бы не упоминание Роллона в грамоте Карла Простоватого от 918 г., мы сейчас, возможно, точно так же обсуждали бы историчность этой личности (Панкратова 2012).

Когда речь идет о легитимации какой-либо династии, то родоначальником династии указывают бога или героя или чрезвычайно известную эпическую или историческую личность, например, троянского героя Энея, бога Одина или его сына Скьёльда, или Пруса, мифического брата императора Августа, как было принято легитимизировать ту же династию Рюриковичей в XV–XVI вв. (Пчелов 2000: 154–155; Дмитриева 1976; Гольдберг 1976). Возведение же династии к никому не известному скандинавскому конунгу с этой точки зрения выглядит как нонсенс. Тем не менее, Ростислав назвал сына Рюриком, подчеркивая старшинство Новгородского престола (Петрухин 2003: 195). Что, по мнению Д. Шкрабо, высказанному при обсуждении гипотез о Рюрике, означает, что князья к тому времени знали и помнили о родоначальнике династии.

Можно привести аналогичный пример использования династического имени. Так, А. И. Сидоров считает, что использование ранее не встречавшегося в именослове Каролингов имени Людовик было не случайным, а имело целью восстановить нарушенную преемственность с династией Меровингов. Наречение этим именем сына Карла Великого должно было восстановить нарушенную сакральную связь с основателем династии Хлодвигом (по-латыни имя писалось различно: Chlodovechus, Chlodoveus, Hludowicus, Ludovicus). Он отмечает, что подобная практика имела широкое распространение в тех регионах Европы, где сохранили свое значение германские политические традиции, например в Скандинавии (Сидоров 2003: 126–127 прим. 8).

Тогда нужно признать, что этот Рюрик был личностью настолько известной и настолько знатного происхождения, что возведение династии к нему могло ее легитимизировать. Но все, что мы знаем о появлении Рюрика из ПВЛ, это только то, что он пришел «из-за моря», то есть пересек Балтийское море и, значит, пришел с Запада.

Антинорманисты заявляют, что такие события как уход конунга Рюрика со «всей русью» из Скандинавии в земли славян и финнов, должен был найти свое отражение в скандинавских сагах. Однако саги якобы молчат о таком важном событии. Тем более, заявляют антинорманисты, что поиски народа или племени «русь» в Скандинавии ни к чему не привели. Еще А. А. Шахматов считал, что «это выражение летописца нельзя понимать в буквальном смысле»

и что сообщение о том, что Рюрик взял с собой «всю русь», понадобилось летописцу, чтобы объяснить отсутствие такого народа в современной ему Скандинавии (Шахматов 1904: 3, 75).

Антинорманисты заявляли, что в «сагах о древних временах» (*fornaldarsögur Norðurlanda*) нет упоминаний конунгов Руси. А также они утверждали, что те упоминания Руси и ее правителей, которые в них содержатся, не могут быть связаны с первыми князьями династии Рюриковичей.

Однако, по моему мнению, не случайно имена первых Рюриковичей соответствуют именам древних героев из фрагмента *Sögubrot af nokkrum fornkonungum í Dana- ok Sviaveldi* («Фрагмент о древних конунгах»), гипотетически относящегося к «Саге о Скьёльдунгах». И в этом случае, если верна гипотеза о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского, то Рюрик ведет происхождение от Скьёльда, сына верховного бога скандинавов Одина (Губарев 2018б). Имя такого вождя действительно могло легитимизировать династию в глазах скандинавов-русов.

Отсутствие в ПВЛ более полной информации о Рюрике, об этой легендарной личности, заставляло исследователей в поисках информации об основателе династии обратиться к другим источникам.

Если легендарная фигура Рюрика была необходима для легитимации династии Рюриковичей, логично было поискать, нет ли в истории данного периода похожей исторической личности, которая могла бы действительно легитимизировать династию. Информация о вождях норманнов содержалась в анналах империи франков, подвергавшейся

их набегам. В сообщениях о набегах, сражениях и о борьбе с нашествиями норманнов анналисты иногда кое-что сообщали и об их вождях, особенно о вождях, сыгравших значительную роль в истории империи франков, таких как Харальд Клак и Рёрик Фрисландский.

Поэтому сначала Ф. Х. Крузе (Крузе 1836), а после него Н. Т. Беляев (Беляев 1929) отметили идентичность имен первого русского князя Рюрика и известнейшего вождя норманнов на Западе Рёрика Фрисландского. Даже такой историк, как Г. Ловмянский, не признававший идентичности этих двух исторических личностей, вынужден был заявить об «идентичности имен (поскольку Rorikus в латинских и Рюрик в русских источниках представляют несомненно две формы одного и того же скандинавского имени Hroerekr» (Ловмянский 1963: 222).

Ловмянский также отметил, что для норманнов относительно быстрое перемещение на большие расстояния не было проблемой из-за высоких мореходных качеств их кораблей.

Кроме того, была отмечена примерная хронологическая совместимость деятельности этих двух исторических фигур. Н. Т. Беляев, опираясь на сообщения скандинавских саг, развил гипотезу Крузе о тождественности Рюрика и Рёрика Фрисландского в статье, послужившей основой для дискуссии, продолжающейся до настоящего времени (Губарев 2018в). Беляев считал Хальфдана, о котором говорил Poeta Saxo, сыном Харальда Боезуба и отцом Харальда Клака и Рёрика (Беляев 1929: 15–16).

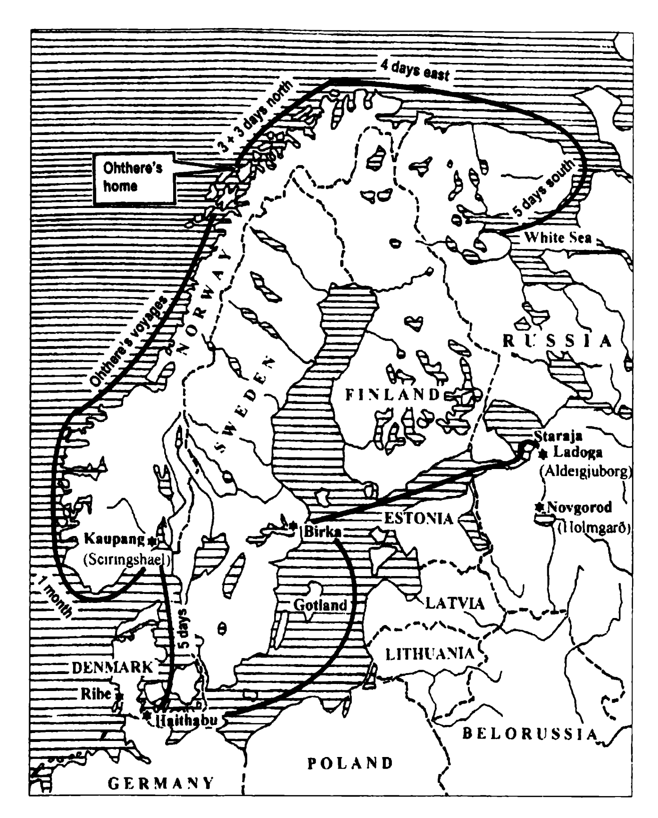


Рис. 13. Карта длительности плаваний Оттара в Биармию (Илл. из статьи Keller Ch. Furs, Fish and Ivory – Medieval Norsemen at the Arctic Fringe, 2010)

Беляев для подтверждения гипотезы привлек «Сагу об Инглингах» и гипотетический отрывок «Саги о Скьёльдунгах»[29] под названием *Sögubrot af nokkrum*

[29] «Сага о Скьёльдунгах» не дошла до нас в оригинальном варианте и известна в латинском пересказе Арнгрима Йонссона.

fornkonungum i Dana- ok Sviaveldi («Фрагмент о древних конунгах»), где действие частично происходит в Дании и частично на Руси и где участвуют легендарные конунги Дании Рёрик (*Hrerekr*), Олег (*Helgi*), Игорь (*Ivar/Ingvar*[30]) и конунги Руси Радбард (*Ráðbarðr*) и Рандвер (*Randvér*).

«Сага о Скьёльдунгах» записана во второй половине XIII в. (Глазырина 1996: 8).

> «Исландский текст, носящий условное название „*Sögubrot af fornkonungum*" („Фрагмент о древних конунгах"), считается частью саги, но, вероятно, ее более поздней (конец XIII в.) и развернутой версии» (Джаксон 2012: 561).

Во фрагменте *Sögubrot af nokkrum fornkonungum* рассказывается следующая легендарная история.

Конунг Ивар (прозванный Широкие Объятья за жадность к богатству и власти) благодаря своей

[30] В словаре Лены Петерсон указано, что имя Ивар имеет «disputed derivations (спорные производные) This name could also be a grammatical development (in the first element) from Ingvarr» (это имя, возможно, также является грамматическим развитием имени Ингвар в своем первом элементе — перевод О. Л. Губарева) (Peterson 2001: 60). Кроме того, в средневековых англосаксонских манускриптах, например манускрипте XV в. под условным наименованием Harley MS 2278, имя Ивара Бескостного пишется в форме Hyngwar или Hyngvar. В некоторых современных словарях, как, например, в словаре фирмы Duden, имена Ingvar и Ivar указываются, как возможно близкие формы имени (Duden — Lexikon 1998), а также что Ивар является сокращенной формой от Ингвар (Breza 2014: 17).

хитрости и коварству сумел натравить друг на друга братьев-конунгов Рёрика (*Hrærekr Slöngvanbaugi*) и Хельги (*Helgi*), и после их гибели завладел их землями.

Таким образом, Ивару (*Ivar Vidfamne*) удалось создать мощное войско и расширить свои владения, согласно легендарной традиции включавшие Швецию, Данию, часть Англии и *Austrvegr* (Восточные страны). Оставшаяся вдовой дочь конунга Ивара Ауд с малолетним сыном Харальдом, прозванным Боезубом (*Haraldr Hilditönn*), бежит на Русь (в Гардарики) к конунгу Радбарду, за которого выходит замуж, ища поддержки и защиты от своего отца. От Радбарда у нее рождается сын Рандвер.

После чего «Ивар пошел с огромным войском против Радбарда, конунга Гардарики: „он собирает то войско в Аустррики", приходит „на восток в Кирьялаботнар" (т. е. „Карельские заливы"), где „начиналось государство конунга Радбарда", и там погибает» (Джаксон 2012: 91). После гибели Ивара Рандвер отсылает Харальда Боезуба обратно в Данию, и тот возвращает себе власть над Данией и Швецией и другими землями, находившимися во владении Ивара. Править Швецией Харальд ставит своего племянника, сына Рандвера, Сигурда Кольцо (*Sigurðr Hringr*). Конфликт Харальда и Сигурда выливается в битву при Бравалле, являющуюся, согласно мнению А. А. Куника, поворотным пунктом в истории как скандинавских стран, так и Руси (Куник 1850: Col 143–144). Н. Т. Беляев считал, что, возможно, с Бравалльской битвой связано имя князя Бравлина (Браваллина), согласно Житию св. Стефана,

совершившего набег на Сурож (Васильевский 1915: CXLIX; Беляев 1929: 220)[31].

Конунги Руси в исландских сагах обычно носят имена, которые не встречаются в княжеском именослове Руси. Это замечание в полной мере относится и к именам конунгов Руси Радбарда и Рандвера во «Фрагменте о древних конунгах» (*Sögubrot*).

Д. А. Мачинский отмечает, что впервые имя Рандвер встречается как «имя сына конунга готов Германариха, чьи владения, по Иордану, простирались до Приладожья». Мачинский также вслед за Н. Т. Беляевым, ссылается на «Сагу о Скьёльдунгах» как на доказательство активности скандинавов на востоке уже «в середине VII — на рубеже VII–VIII вв.» (Мачинский 2009а: 485). Имя Рандвер в сагах неоднократно связано с Русью. Так в «Саге о Фарерцах» упоминается

---

[31] В настоящее время многие историки обращаются к армянскому варианту Жития св. Стефана, как более древнему и достоверному, основываясь на лингвистических соображениях (Виноградов, Коробов 2017). Однако, в отличие от славянского перевода Жития, в армянском варианте нет упоминания Руси, и вождь «злого и неверного народа» назван Правлисом, что позволило Ю. М. Могаричеву превратить новгородского князя Бравлина (Бравaллина) славянского варианта Жития св. Стефана в хазарина Песаха из Кембриджского документа (Могаричев 2007). Даже если в близком к исходному армянском варианте нет упоминания Руси и имя вождя Правлис, то для нас важно, почему в славянском варианте жития составитель предпочел внести именно эти указания на Русь и условный Новгород. И почему он предпочел передать имя вождя как Бравлин (Браваллин), гипотетически могущее напоминать о Бравалльской битве и о первых набегах язычников-русов с Северо-Запада на Византию.

викинг Рандвер из Хольмгарда (Циммерлинг 2004: 160, 164).

В «Саге о Хервёр» (Hervarar saga ok Heiðreks) упоминается о гибели конунга Рандвера, сына датского конунга Вальдара, в Англии. В Sögubrot отцом Рандвера является не Вальдар, а конунг Руси Радбард. Обращает также на себя внимание тот факт, что имена конунгов Руси Радбарда и Рандвера присутствуют в родословной Вальгарда и родословной Торлауг, жены Гудмунда Могучего в «Саге о Ньяле». Имена Хальфдана, Радбарда и Рандвера также упоминаются в «Песни о Хюндле», где излагается генеалогия некоего Оттара, и Хальфдан назван «лучшим Скьёльдунгом». Вероятно, речь здесь идет об отце или дяде Рёрика, как считал Н. Т. Беляев, что нашло свое отражение в генеалогических таблицах Скьёльдунгов (См. Приложение).

О. Прицак идентифицировал Радбарда (*Ráðbarðr*) «Фрагмента о древних конунгах» как фризского короля Редбада, владевшего Дорестадом (Пріцак 2003: 388). Затрудняюсь сказать, насколько такое сопоставление возможно с лингвистической точки зрения, это вопрос для лингвистов. Однако, согласно устной традиции, записанной в *Codex Unia*, последний король фризов был даном по происхождению (Bremmer 2014: 47).

В легенде о том, как фризы получили свободу и привилегии от Карла Великого, также рассказывается, что когда Карл призвал все народы помочь освободить папу римского, «the Frisians also answer to Charlemagne's call. Until that time, they had been under the rule of the Vikings and their king, called Redbad»

(Nijdam 2013: 70)[32]. Причем в древних фризских законах, согласно Прицаку, также имеется указание в форме загадки на то, что часть фризов до того, как Карл Великий пожаловал фризам привилегии, принадлежала королю Редбаду, с которым они и ушли на север.

То есть с Редбадом ушли на север фризы-язычники, не захотевшие подчиниться императорам франков. Согласно Прицаку, именно эти фризы («фризы Редбада») составили население фризских колоний в Хедебю, Бирке и Сигтуне (Пріцак 1997: 510, 513). Именно эти фризы, по мнению О. Прицака, торговали с Северной и Восточной Европой.

Видимо, часть этих фризов, если судить по археологическим находкам, вместе с Рюриком/Рёриком Фрисландским позже добралась до Ладоги (Давидан 1962, 1999; Корзухина 1971; Кулькова, Плохов 2013; Михайлов 1996).

Согласно датскому независимому исследователю и историку, у Рёрика, возможно, был сын Радбод, оставшийся во Фризии (Krambs 2009) и погибший в битве с Ролло при защите побережья Фризии в 888 г. Даже если это не более чем весьма спорная гипотеза, наличие в клане родичей Рёрика имени Радбод (Редбад) не может не вызвать интерес.

О. Прицак также отметил, что в «Саге о Хромунде Грипссоне» сказано *sa konungr refi fyrir Gordum i Danmork, er Olafr het* («Конунг, которого звали Олав,

---

[32] «Фризы также ответили на призыв Карла Великого. А до той поры они были под властью викингов и их короля, звавшегося Редбадом» (перевод О. Л. Губарева).

правил Гардаром в Дании»)[33]. Прицак считал, что это упоминание Гардов (то есть Руси. — *О. Л. Губарев*) относится к Фризии под управлением данов (Пріцак 1997: 197), то есть к тем самым «фризским данам» Рёрика Фрисландского/Рюрика. Хотя возможны самые разные иные интерпретации, например, что речь просто идет о хуторе (*гард*) или городище с таким названием.

Имена других героев *Sögubrot* Рёрика (*Hrerekr*), Хельги (*Helgi*) и Ивара (*Ivar/Ingvar*) соответствуют именам первых Рюриковичей. Чтобы ответить на вопрос, случайно ли имена героев *Sögubrot* совпадают с именами первых князей Древней Руси, мы должны рассмотреть вопрос о возможных параллелях между легендарными героями саг и более поздними историческими личностями.

Элизабет Роу указывает, что в исландских сагах мы нередко встречаем такие параллели. Так Ауд Мудрая (*Auðr in djúpúðga*), мать Харальда Боезуба, бежавшая от своего отца Ивара, описывается в *Sögubrot* так, что возникают аллюзии с Ауд/Унн Мудрой (*Auðr in djúpúðga*), дочерью Кетиля Плосконосого, бежавшей с домочадцами и родичами от Харальда Харфагра и одной из первых поселившейся в Исландии (Rowe 2010).

Кроме того, имеют место параллели в рассказе о бегстве Ауд с сыном, Харальдом Боезубом

---

[33] Русский и древнеисландский тексты «Саги о Хромунде, сыне Грипа» приведены на сайте «Северная слава» в переводе Т. Ермолаева: Сага о Хромунде сыне Грипа. Hrómundar saga Gripssonar [Электронный ресурс] Режим доступа: http://norroen.info/src/forn/hromund/, свободный. (Дата обращения 03.07.2018.)

в Гардарики, на Русь, с рассказом о бегстве на Русь Астрид (*Ástríðr*), матери Олафа Трюггвасона, с сыном. Сама легендарная фигура Харальда Боезуба как создателя обширной империи имеет общие черты с объединителем Норвегии Харальдом Харфагром. Оба начинают завоевания в молодом возрасте. Сыновья Харальда Харфагра делят его королевство. Харальд Боезуб также делит в конце жизни свои обширные владения с Сигурдом Рингом. Таким образом, анахронистические параллели в скандинавских сагах могут иметь место (Rowe 2010: 7). Мотив преследования детей конунгов является весьма распространенным и имеет параллели, как в королевских сагах, так и в сагах о древних временах (Jakobsson 2004: 22).

Какова же могла быть цель таких анахронистических параллелей? Как считает Элизабет Роу, автор *Sögubrot* заинтересован в использовании легендарного прошлого, в качестве зеркала отображающего настоящее время, менее, чем в использовании легендарного прошлого Скандинавии как инструмента для исследования норвежско-исландских отношений своего времени (Rowe 2010:14).

То есть использование легендарного прошлого для отражения в нем событий настоящего времени, согласно Элизабет Роу, тоже возможно, и тогда совпадение имен первых Рюриковичей с именами героев *Sögubrot* может быть не случайным. Об использовании прошлого как модели для настоящего времени в исландских сагах говорят и другие исследователи (Jørgensen 2010). При этом возникает вопрос — могли ли и что могли знать составители исландских саг в XIII в. о Руси и ее первых конунгах?

В хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников» в разделе «Скандинавские источники» Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельникова отметили, что:

> «...мало есть произведений древнеисландской письменности, в которых в той или иной форме не была бы упомянута Русь или соседствовавшие с ней народы и земли» (ДР 1999: 413).

Есть, по крайней мере, одна сага, а именно «Сага о Стурлауге Трудолюбивом», в которой, по мнению Е. А. Мельниковой, предположительно под именем конунга Ингвара упомянут князь Игорь Рюрикович (ДР 1999: 485–488). Возможно ли сопоставление имен других русских князей с именами героев исландских саг?

Исландские саги, в которых генеалогия скандинавских конунгов, принадлежащих к родам Инглингов и Скьёльдунгов, возводилась к самому богу Одину, служила легитимации династий правителей Дании, Швеции и Норвегии. Мог ли отрывок *Sögubrot* древней саги, где имена героев созвучны именам первых Рюриковичей, служить легитимации династии потомков Рюрика на Руси?

Не случайно в исландских сагах именослову и генеалогии уделяется чрезвычайное внимание. В королевских сагах генеалогическая линия служила легитимации власти конунга, возводя его род к богам через линию легендарных предков, как, например, в «Саге об Инглингах».

А. А. Молчанов отметил, что в Скандинавии «наследование имен своих предков, причем и по

мужской и по женской линии, являлось для хёвдингов как бы одной из привычных форм публичного предъявления их неотъемлемых законных прав, приобретенных по рождению» (Молчанов 1992: 45).

Скандинавы принесли этот обычай на Русь. На Руси и позже в XXI вв. наречению именем уделялось особое внимание.

> «Существенно, что имена, которые получали княжичи, были не только родовыми, но и династическими. Сыновьям князя предстояло унаследовать не только права на имущество, но и права на власть. Нередко эти права становились объектом борьбы и соперничества. Поэтому было чрезвычайно важно, кто из живых предков дает имя и кто из умерших предков избирается в качестве „прототипа" для вновь появившегося члена рода» (Литвина, Успенский 2006: 13).

По мнению некоторых историков, *fornaldarsögur* могут рассматриваться как исторические источники, но не с точки зрения изложения в них исторических событий, а с точки зрения отражения в них интересов, современных их рассказчикам и слушателям. Легендарные саги могут рассказать много не столько об изложенных в них событиях, сколько о том, как изложенные в них легендарные события отвечали умонастроениям и интересам аудитории. Кроме того, по мнению некоторых историков, сага могла содержать определенное «послание аудитории» (Orning 2015: 65, 67–69).

В этих условиях можно предположить, что «Фрагмент о древних конунгах» проводил идею о создании

в глубокой древности державы из многих покоренных племен и народов сначала Хальфданом или Иваром Широкие Объятья, а потом Харальдом Боезубом и Сигурдом Рингом. Данное предание призвано было укоренить мысль о давней традиции к созданию единой державы под властью одного правителя, которому покровительствует сам Один. Не случайно многие историки Данию уже в IX в. представляли державой под властью одного конунга (Maund 1994: 32).

А. С. Щавелев, со ссылкой на С. В. Бахрушина, считает, что объединение земель славян и финнов под властью династии Рюриковичей заняло продолжительное время, что также указывает на сильное сопротивление и на необходимость вновь и вновь покорять отпавшие племена (Щавелев 2017: 25–26).

Хотя среди историков идет спор о достоверности сообщений поздней Никоновской летописи, в частности о бегстве новгородцев от Рюрика и о восстании Вадима Храброго[34], возможно, в них, как в свое

[34] М. А. Несин отметил, что в рассказе Никоновской летописи о временах Рюрика сообщается, что Аскольд и Дир повоевали полочан по дороге из Новгорода в Киев, а потом печенегов. По наблюдениям исследователя, это противоречит сведениям более ранних летописей, согласно которым путь Аскольда и Дира в сторону Киева пролегал восточнее Полоцкой земли, «по Днепру». Согласно М. А. Несину, поздний хронист возвеличил Аскольда, севшего на Киевское княжение, да еще обратившего Киев в христианство. А новгородского князя Рюрика принизил, сообщая, что новгородцы то восставали против него, то от него убегали; или наоборот, сделал выпад против новгородцев, не признававших порядка. Поэтому историк характеризует

время предполагали С. М. Соловьев и В. В. Мавродин, отразились также предания о сопротивлении объединению славянских племен и «примучиванию» к выплате дани русам-варягам. Хотя многие историки выступают против использования сообщений этих поздних летописей, отделенных от описываемых событий многими веками. История вопроса приведена в работе И. Я. Фроянова (Фроянов 1991)[35].

Соответствие имен первых Рюриковичей героям *Sögubrot*, род которых шел от Скьёльда, сына самого Одина, вполне могло служить легитимации их власти в скандинавской среде. Возможно, именно стремление к легитимации своей власти среди славянских поданных («пактиотов» руси, согласно Константину Багрянородному) привело к использованию славянского имени Святослав в качестве династического имени как заменителя скандинавских имен Рюрик (*Hrerekr*) и Олег (*Helgi*). Хотя ославяненное имя *Helgi* в форме имени Ольг, Олег довольно часто

уникальные сведения о Рюрике из Никоновской летописи как ненадежные, но в то же время полагает, что нет достаточных оснований объявлять все уникальные известия Никоновской летописи apriori недостоверными.

[35] Версия самого И. Я. Фроянова, согласно которой Рюрик был сразу признан словенами своим законным правителем, после того как убил местного предводителя Вадима Храброго [там же], по мнению М. А. Несина, не представляется убедительной. Фроянов ссылается на трактовку поединка князя Мстислава Храброго с аланским вождем Редедей. Однако М. А. Несин считает, что после гибели Редеди часть адыгов поступила на службу Мстиславу, но нет никаких данных о переходе Северного Кавказа в подчинение русских князей.

использовалось позже в древнерусском княжеском именослове.

Итак, если имена героев фрагмента *Sögubrot* «Саги о Скьёльдунгах» совпадают с именами первых Рюриковичей, могли ли первые Рюриковичи принадлежать к известнейшей скандинавской династии Скьёльдунгов?

Такая историческая личность как Рёрик Фрисландский, принадлежавший к роду Скьёльдунгов, ведущих свой род от Скьёльда, сына самого верховного бога Одина, вполне могла легитимизировать возводимую к ней династию. В настоящее время гипотеза о тождественности Рюрика и Рёрика Фрисландского получает все большее признание. Историография вопроса о тождестве этих двух исторических фигур приведена в моей статье (Губарев 2016б).

Кроме того, эта гипотеза позволяет объяснить фразу летописца о том, что Рюрик привел с собой «всю русь», и снимает целый ряд противоречий в источниках, указывающих на Русь локализуемую как на Западе, так и на Востоке [Губарев 2016а]. И тогда возможно соответствие имен последнего фризского короля и конунга Руси в *Sögubrot* также неслучайно и связано с реминисценциями о прежнем пребывании норманнов Рюрика во Фризии.

Элизабет Роу считает что:

> «The functionality of myths means that a myth always exists in two time zones: on one hand, in the very ancient past where it has been placed, and on the other, right in the middle of the

> present, in the lives of its audience»[36] (Rowe 2010: 36).

Как указывает Е. А. Мельникова, историческая память

> «актуализировала те моменты истории, права, миропонимания, которые были важны во время ее воспроизведения... в новых условиях [письменной культуры] далеко не весь объем существовавшей к моменту записи устной истории был необходим. Поэтому происходил жесткий отбор событий и персонажей, повествования о которых получали отражение в письменных текстах» (Мельникова 2014б: 19, 20).

Тогда сохранение в «Саге о Скьёльдунгах» памяти о героях с именами первых Рюриковичей-Скьёльдунгов (если мы учитываем гипотезу о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского) могло быть неслучайным для аудитории скандинавов-русов, варягов Рюрика.

> «Совпадение имени молодого правителя с именем его умершего родича, уже княжившего на этой земле, означало прежде всего легитимность его права на власть. Быть живым подобием деда или прадеда означало быть законным преемни-

---

[36] «Функциональность мифов означает, что миф существовал в двух временных зонах: в очень древнем прошлом, где было его место, и с другой стороны, прямо в центре настоящих событий, в жизни аудитории» (*перевод О. Л. Губарева*).

ком, наследником его княжеских полномочий» (Литвина, Успенский 2006: 13).

«The poems in the *ljóðaháttr* metre seem to make past and present appear at the same time. This happens by the ritual specialist(s) performing the roles of the poems' gods and heroes in the first person, which brings them into the audience's presence, thereby making them seem real to the participants in the ritual»[37] (Nygaard 2018: 28).

И тогда мы вполне можем себе представить исполнение при дворе Игоря (*Ingvar/Ivar*), сына Рюрика (*Hroerekr*), воспитанного Олегом (*Helgi*), древней героической саги, где действуют *Hroerekr, Helgi* и *Ivar* и где действие саги происходит в Дании и на Руси и рассказывается о собирании под властью одного конунга скандинавских владений на обширных территориях Западной, Северной и Восточной Европы.

[37] «Стихи в метрике ljóðaháttr, кажется, относились к прошлому и настоящему в одно и то же время. Так происходило, когда скальд(ы) говорил(и) в первом лице от имени богов и героев, что воскрешало их в присутствии аудитории, то есть делало их реальными участниками ритуала» (перевод О. Л. Губарева).

Выводы
Влияние норманнов на культуру славянских и финских племен, вошедших в состав Руси

В заключение хотелось бы отметить то влияние, которое оказали варяги-норманны Рюрика на культуру славянских и финских племен Восточной Европы.

Во времена СССР, когда антинорманизм был официальной идеологией, роль варягов-скандинавов в культуре и образовании государственности на Руси всячески занижалась. Все работы историков и археологов, особенно обобщающего характера, просто обязаны были рассматривать историю Руси с позиций антинорманизма.

Известнейшие московские историки и археологи А. В. Арциховский и Д. А. Авдусин занимали жесткую антинорманистскую позицию, хотя позже Авдусин как честный ученый признал, что процент скандинавских находок искусственно занижался. Но с распадом СССР и отменой цензуры и жесткого идеологического контроля выяснилось, что позиция остальных московских историков и археологов, В. В. Мурашевой, Т. А. Пушкиной, Н. В. Ениосовой, В. Я. Петрухина, И. Н. Данилевского, Н. А. Макарова, А. А. Горского, А. В. Назаренко по «варяжскому вопросу» не отличается от позиции ленинградских

историков и археологов Л. С. Клейна, Д. А. Мачинского, Н. И. Платоновой, Г. С. Лебедева, К. А. Михайлова, Я. В. Френкеля. Или, если взять шире, от позиции и украинских историков и археологов — Н. Ф. Котляра, А. В. Комара, В. М. Зоценко. Или, если взять еще шире, от позиции зарубежных историков — В. Дучко, Ф. Андрощука, Дж. Линда и др.

Д. А. Авдусин в статье об Арциховском признает, что:

> «А. В. Арциховский неоднократно говорил, что ничего скандинавского в Новгороде нет, что его создали славяне, составившие древнейшее население. *Он боялся* появления большого количества скандинавских древностей в ранних слоях... Он *не хотел признавать* скандинавский характер некоторых даже третьестепенных находок. *Он не хотел замечать*, что некоторые древнерусские орнаменты (например, городчатый, в виде ступенек) восходят к скандинавским образцам, к тому же более древним. Только наедине он говорил мне, что *его раздражает* часто встречающаяся в орнаменте вещей плетенка. „Все-таки в ней есть что-то скандинавское". В варяжском вопросе он был крайним антинорманистом...» (*курсив мой — О. Л. Губарев*) (Авдусин 1994: 29–30).

И только после распада СССР, отмены цензуры и возврата к объективным историческим исследованиям в работах историков и археологов стало возможным определить ту степень влияния, которое

оказали норманны на культуру, военное дело, социальную организацию общества в Древней Руси. Влияние это было весьма значительным.

В ПВЛ варягам-русам и более поздним варягам-«находникам», которых постоянно призывали себе в помощь отдельные Рюриковичи, уделяется огромное внимание. В наших древних летописях варяги являются постоянной составляющей войск русских князей, отправляющихся в военные походы. Например, такое прозвище, упоминаемое в ПВЛ и связанное с варягами, как Варяжко «*свидетельствует о давней укорененности самого слова* варяг *на Руси*» (Мельникова, Петрухин 1994: 60).

Кроме того, заимствование славянами у русов-скандинавов традиции использования отчеств выделяет восточных славян среди большинства европейских народов. Как и у скандинавов, отчество на руси идентифицировало человека, устанавливало связь человека с его родом, его предками (Успенский 2002: 65–110).

До появления врагов-русов кузнечное дело у славян находилось в примитивном состоянии, с чем была связана неразвитость ремесел и отсутствие наступательного и защитного вооружения (Поляков 2006: 7).

Варяги-русы принесли с собой в земли славян и финнов навыки более развитого кузнечного дела, в частности, технику трехслойного пакетирования, в которой были изготовлены ножи IV группы по Минасяну (Завьялов, Терехова 2012, 2015), что привело к резким, революционным изменениям во всей

культуре славян и финнов, объединенных под властью Рюриковичей на рубеже IX–X вв.

Варяги-русы Рюрика, как и любые норманны, были профессиональными воинами. Как я уже упоминал выше, они принесли с собой навыки использования защитного и наступательного вооружения, с их появлением изменилась полностью тактика славян, которые участвовали в их военных предприятиях.

Уже одно упоминание в летописи, что Рюрик пришел «пояша со собою дружину многу и предивну», указывает на то, какое влияние оказали норманны на развитие военного дела на Руси. Теперь и русы, и славяне использовали такой скандинавский тактический прием, как «стена щитов» (скьёльгард) (Щендрыгин, Пенской 2011; Пенской 2012).

Варяги-русы были народом-мореходом. И это также нашло свое отражение в списках древнейшей нашей летописи — ПВЛ. В ПВЛ не только русь стоит в ряду скандинавских народов, но и в географических экскурсах упомянуты в основном народы, сидевшие по берегам морей, на что обратил внимание еще историк XIX в. Н. П. Барсов (Барсов 1885).

Русы Рюрика/Рёрика Фрисландского в своей организации морского дела на Востоке опирались на местные ресурсы и на местные суда — моноксилы-однодревки, более приспособленные к плаванью по речной системе с ее порогами и волоками. Собственно и ранее на Западе они опирались на местные ресурсы и использовали плоскодонные местные суда — коги, приспособленные для плавания по заболоченному мелководью — «маршам» Фризии.

Почти семьдесят лет, проведенные русами на территории империи франков, не прошли для них даром. Там они ознакомились с социальной организацией империи (Горский 2014), с ролью религии в деле укрепления верховной власти императоров (Coupland 1998: 96, 98, 99), а также с ролью дальней торговли, с чеканкой монеты (Кулешов 2018), с организацией управления и системой сбора налогов и податей.

Поэтому понятно, что относительно немногочисленные заимствования в древнерусском языке из скандинавского и относятся в основном к морскому делу и администрации.

Не случайно полюдье первых Рюриковичей было аналогом скандинавской вейцлы («кормления») с посещением князем и его дружиной («всей русью») подчиненных славянских племен для сбора даней. Так же как зафиксированная в ПВЛ раздача Рюриком земель в лен своим ближайшим соратникам «овому Полоцк, овому Ростов».

Норманны принесли с собой на Русь обряд камерных погребений распространенный как в империи Каролингов, так и в Ютландии (Михайлов 1996а, 1997). Даже в договорах руси с греками, о чем я уже говорил, нашли свое отражение именно скандинавские обычаи клятвы на оружии и священных кольцах (Губарев 2013; Мельникова 2014а; Кулешов 2017), хотя клялись они в силу свойственного норманнам религиозного индифферентизма именами местных богов Перуна и Велеса.

Влияние норманнов на местные племена и влияние местных славян и финнов на норманнов-русов

несомненно было взаимным. Так, на примере скандинавских погребений в Англии и принятии христианства Гутрумом, одним из вождей Великой Армии, Хадли показывает, как скандинавы быстро перенимали обычаи местных покоренных племен и склонны были при необходимости принимать христианство (Hadley 2008: 273).

Использование в преамбуле и в заключении текста договора магической формулы о заключении договора на время пока «солнце сияет и весь мир стоит» сближает тесты договоров со скандинавскими и особенно с древнефризскими юридическими документами (Губарев 2017б).

В искусстве Древней Руси от скандинавов был позаимствован плетеный и городчатый орнамент, такие украшения, как шейные гривны. Плетеный орнамент украшал страницы древнерусских манускриптов и церемониальное оружие. Стиль украшений оружия древних русов соответствовал скандинавским образцам.

Таким образом, трудно переоценить то влияние, которое во всех областях жизни оказали скандинавы-русы, ставшие знатью складывающегося древнерусского протогосударства и ко времени Ярослава Мудрого растворившиеся в славянской среде. Скандинавская культура, наряду с другими культурными заимствованиями, стала частью древнерусской культуры и органично вошла в нее как неотъемлемая составная часть.

Литература

Авдусин Д. А. 1994. Артемий Владимирович Арциховский и Новгород // Новгородские археологические чтения. Новгород. С. 28–34.

Агафонов А. В. 2006. Происхождение и источники древнерусского права (VI–XII вв.). Автореферат кандидатской диссертации. Казань.

Агни Л. 2017. Как остановить «эрзац-науку» и с чего начать? // Генофонд.рф. 07.09.2017. [Электронный ресурс] Режим доступа:

http://генофонд.рф/?page_id=28294, свободный. (Дата обращения 22.06.2018)

Азбелев С. Н. 2005. О Рюрике и Гостомысле // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин. Вып. 10 (20). С. 7–31.

Азбелев С. Н. 2010. Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М. С. 598–618.

Азбелев С. Н. 2011. Совершались ли сухопутные походы Руси на Константинополь? // Труды Первой Международной конференции „Начала Русского мира", состоявшейся 28–30 октября 2010 года. СПб. С.139–145.

Александров А. А. 1997. О руссах на Западе и на Востоке: от Ингельхайма до Могилевского клада // Гістарычна-археалагічны зборник. № 12. Мінск. С. 17–23.

Александров А. А. 1997. Остров русов // Stratum. Петербургский вестник. СПб. — Кишинев. С. 222–224.

Алпатов М. А. 1982. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопр. истории. № 5. С 31–45

Алпатов М. А. 1985. Русская историческая мыслЂ и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.

Амальрик А. А. 2018. Норманны и Киевская Русь / Андрей Амальрик; науч. публикация, предисловие и комментарии О. Л. Губарева. М.: Новое литературное обозрение.

Аристов В. Ю. 2013. Свод, сборник или хроника? (о характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.) // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. № 1. Январь–Июнь. СПб. С. 105–129.

Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.

Аряев Л. Н. 2018. Норманофобия и её фантомы // Valla. Том 4, № 1–2. С. 126–135.

Асланов Л. А. 2001. Культура и власть. Философские заметки. Книга 1. – М.: Изд-во ИТРК.

Атанов П. А. 2007. К вопросу о «Призвании варягов» // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. С. 28–40.

Атанов П. А. 2013. Был ли Рюриком Рерик Ютландский? // На границе европейского пространства: Северный мир. Проблемы истории и культуры средневекового общества: Тезисы докладов XXXII межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб. С. 186–188.

Атанов П. А. 2014. К вопросу о месте захоронения Рюрика: Урочище Плакун // Петербургские исследования. № 5. С. 90–98.

Баран В. Д., Максимов Е. В., Магомедов Б. В. и др. 1990. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Баран В. Д. (отв. ред.) АН УССР. Ин-т археологии. К.: Наук. думка.

Барсов Н. П. 1885. Очерки русской исторической географии география начальной (Несторовой) летописи / исслед. Н. П. Барсова, э. о. проф. и библиотекаря Имп.

Варшав́скаго ун-та. — 2-е изд., испр. и доп. алф. указ. — Варшава: Тип. К. Ковалевского.

Бартольд В. В. 1963. Арабские известия о русах // Бартольд В. В. Собр. соч. в 9 тт. М.: Вост. лит. Т. 1. Ч. 2. С. 810–858.

Бахрушин С. В. 1938. Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. № 2. С. 88–98.

Бахрушин С. В. 1987. К вопросу о достоверности Начального свода // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М. С. 29–33.

Белецкий В. 2006. Западное порубежье «Руси Рюрика» (еще раз о соотношении Труворова городища и Пскова в конце I тысячелетия по Р. Хр.) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып.1. СПб. С. 79–115.

Беляев В. И. 1962. К вопросу о пересмотре вопроса // Ученые записки ЛГУ. № 306. Сер. востоковед. наук. Вып.16. С.185–186.

Беляев Н. Т. 1929. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Seminarium Kondakovianum. Вып. III. Prague. С. 215–270.

Бибиков М. В. 2004, 2009. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I, II. М.: Рукописные памятники Древней Руси.

Блок М. 2003. Феодальное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М.: Издательство им. Сабашниковых.

Брайчевский М. Ю. 1953. Об «антах» Псевдо-Маврикия // Советская этнография. № 2. С.21 — 36.

Булкин В. А., Назаренко В. А. Носов Е. Н. 1972. О работах Староладожского отряда // АО. М. С. 31–32.

Бутков П. Г. 1840. Оборона летописи Русской Нестеровой, от навета скептиков. СПб.: Типография Императорской Российской Академии.

Бычков А. А. 2007. Киевская Русь. Страна, которой никогда не было? Легенды и мифы. М.: АСТ; Астрель; Олимп.

Васильев М. А. 2000. Степень достоверности известия Повести временных лет о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М. С. 64–71.

Васильевский В. Г. 1915. Труды В. Г. Васильевского (в 4 т.). Т. 3. Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Введение и греческие тексты с переводом. Славяно-русский текст. СПб.: Изд. Имп. Акад. Наук.

Вебер Э. В. 2002. Руническое искусство / пер. с нем. Скопинцевой Е. М.–СПб.: Издательская группа «Евразия».

Верхотуров Д. Н. 2004. Неизвестный Михайло Ломоносов // «Клио». № 3 (26). С.258–261.

Верхотуров Д. Н. 2005. Продолжение спора о варягах. // Альманах «Лебедь». 3 июля 2005. № 432. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lebed.com/2005/art4239.htm, свободный. Дата обращения 09.08.2018.

Вестберг Ф. Ф. 1908. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП, февраль 1908. С. 364–412; март 1908. С. 1–52.

Вилкул Т. Л. 2003. Новгородская первая летопись и Начальный Свод // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.). Vol. 11. С. 5–35.

Вилкул Т. Л. 2012. «Радовашеса» и «радъ бывъ» (путевые заметки) // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи / Наук. ред.: В. Ричка, О. Толочко. НАН України. Інститут історії України. Том XI. К.: Інститут історії України; Laurus. С. 66 -77.

Войтович Л. В. 2006. Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов. М.: Парад. С. 111–121.

Войтович Л. В. 2008. «Баварський географ»: проблеми локалізації слов'янських племен // Пробл. слов'янознавства. Вип. 57. С. 42–62.
Войтович Л. В. 2011. Викинги в Центральной и Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (I) // Вестник Удм. ун-та. Сер. «История и Филология». Вып. 3. С. 3–15.
Войтович Л. В. 2013. Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. № 1. С. 6–41.
Воронин Н. Н. 1948. Развитие славяно-русской археологии в СССР // Славяне. № 7. С.25–29.
Воронятов С. В. 2005. Волынцевская культура и Русский каганат //Альманах молодых археологов 2005. По материалам II международной студенческой научной конференции «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири». СПб.: Нестор-История. С.199–210.
Воронятов С. В. 2012. Черта оседлости русов конца VIII – первой половины IX в. // Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г.). СПб.: Нестор-История. С. 221–245.
Гавритухин И. О. 2011. Лука-Райковецкая // Большая Российская энциклопедия. Т.18. М.: Издательство БРЭ. С. 117.
Галкина Е. С. 2002. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002.
Галкина Е. С. 2012. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм.
Галкина Е. С., Кузьмин А. Г. 1998. Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / сост. А. Г. Кузьмин. М.. С.456–481.
Гаркави А. Я. 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X века по Р. Х.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук.

Гедеонов С. А. 2004. Варяги и Русь. М.: Русская панорама.

Георгиевский Э. В. 2004. К вопросу о Законе Русском и его уголовно-материальных установлениях // Сибирский Юридический Вестник, № 4. С.55–57.

Гильфердинг А. Ф. 1894. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 59. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук.

Глазырина Г. В. 1977. Саги о древних временах как исторический источник. (Постановка проблемы) // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс. Тезисы докладов научной конференции. М. С. 236–238.

Глазырина Г. В. 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты; перевод; комментарий. М.: Ладомир.

Глазырина Г. В. 2001. Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М.: Восточная литература РАН. С. 143–159.

Голб Н., Прицак О. 1997. Хазарско-еврейские документы X века. Москва — Иерусалим: Гешарим.

Голлман Ф. Г. 1819. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М.: В типографии С. Селивановского.

Гольдберг А. Л. 1976. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л. С. 204–216.

Горский А. А. 1997. К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. 1997. М.: Ин-т всеобщей истории РАН. С. 6–10.

Горский А. А. 1999. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. № 8. С. 43–52.

Горский А. А. 2001. Ветви славянского дерева. «Славинии» раннего Средневековья: как складывались государства у славян // Родина, № 9. С. 22–23.
Горский А. А. 2008. Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (32). С. 55–59.
Горский А. А. 2010. Русское Средневековье. М.: Астрель.
Горский А. А. 2012а. Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания русской государственности // Историческій вѣстникъ, № 1(148). С. 6–23.
Горский А. А. 2012б. Формирование русской государственности и «призвание» Рюрика // 1150 лет Российской государственности и культуры. М.: Академиздатцентр «Наука». С. 11–23.
Горский А. А.2012в. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Т. 10. М.: Индрик. С. 7–112.
Горский А. А. 2013. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 3 (53). С. 38–39.
Горский А. А. 2014. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М.: Древности Севера. С. 25–33.
Горский А. А. 2018. Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего Средневековья // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.: Институт российской истории РАН. С. 103–108.
Горский А. В. 1844. О походе руссов на Сурож // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. С. 195–196.
Греков Б. Д. 1949. Киевская Русь. М.: Учпедгиз.
Грот Л. П. 2007. Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского

института княжеской власти. // История и историки. 2006. Историографический вестник. М.: Наука. С. 72–118.

Грот Л. П. 2012. Призвание варягов. Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М.: Алгоритм.

Грот Л. П. 2013. Призвание варягов. Норманны, которых не было. М.: Алгоритм.

Губарев О. Л. 2013. О клятвах русов и славян // Stratum plus, № 5. С. 239–245.

Губарев О. Л. 2015а. Рождение эрзац-науки: современная отечественная медиевистика и общество // Троицкий вариант — Наука. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://trv-science.ru/2015/12/24/rozhdenie-ehsatz-nauki/, свободный. Дата обращения 25.03.2019.

Губарев О. Л. 2015б. «Неонорманизм» или неоантинорманизм? // Stratum plus. № 5. С. 351–355.

Губарев О. Л. 2016а. «Пояша по собе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // Valla. Т. 2. № 3. С. 21–39.

Губарев О. Л. 2016б. К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского // Valla. Т. 2. № 4/5. С. 9–25.

Губарев О. Л. 2017а. Еще раз об эрзац-науке в медиевистике // Троицкий вариант. № 236. С.12.

Губарев О. Л. 2017б. «Дондеже солнце сьяеть и весь миръ стоить» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // Valla. Т. 3. № 3. С. 16–22.

Губарев О. Л. 2017в. Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // Valla. Т. 3. № 6. С. 19–38.

Губарев О. Л. 2017г. Новый взгляд на сообщения восточных источников о Руси на Востоке и на Западе // Valla. Т. 3. № 4. С. 107–112.

Губарев О. Л. 2018а. Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны» // Stratum plus. № 5. С.155–167.

Губарев О. Л. 2018б. Рюрик и легитимность династии Рюриковичей, Valla. Т. 4. № 4. С.1–11.

Губарев О. Л. 1018в. В очередной раз о Рюрике, пришедшем «из-за моря» // Valla. T. 4. № 3. С.78–86. Рец. на ст.: Лушин В. Г. Легенда о призвании варягов и ее главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Кн. I. Зимовники, 2017. С. 100–120.

Губарев О. Л. 2019а. Так был Олег великим князем Руси или воеводой Игоря? (К вопросу о соответствии результатов текстологических исследований по методу А. А. Шахматова и исследований исторического процесса образования Древнерусского государства) // Novogardia. № 1. С. 33–49.

Губарев О. Л. 2019б. Еще раз о клятвах русов и славян. // Novogardia. № 2. (в печати). Рец. на ст.: Романчука А. А. Происхождение клятв русов «оружьем и обручьем»: славянские, германские и кельтские параллели // Revista Arheologică, serie nouă. Vol. XIV. Nr. 1. P. 93–107.

Губарев О. Л. 2019в. Сопковидная плакунская насыпь: попытка исторической интерпретации // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии. XXI чтения памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. Старая Ладога, 17–18 декабря 2016 года. (в печати).

Гумилев Л. Н. 1959. Удельно-лествичная система у тюрок в VI–VIII вв. (к вопросу о ранних формах государственности) // Сов. этнография. № 3. С. 11–25.

Гуревич А. Я. 1972. История и сага. М.: Издательство «Наука».

Давидан О. И. 1962. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. С. 95–108.

Давидан О. И. 1999. Новые находки гребней в Старой Ладоге // РА. № 1. С. 167–174.

Данилевский И. Н. 1995. «Добру и злу внимая равнодушно...»? (Нравственные императивы древнерусского

летописца) // Альфа и Омега: Уч. зап. О-ва для распространения Свящ. Писания в России. № 3(6). С. 145–159.
Данилевский И. Н. 1998. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М.: Аспект-пресс.
Данилевский И. Н. 2004. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс.
Данилевский И. Н. 2017. «Все уже сказано» — вовсе не открытие постмодерна, такая же точно установка была у летописца // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. Т. 2. № 2. С.7–16.
Джаксон Т. Н. 1978. Исландские королевские саги как источник по истории народов Европейской части СССР. X–XIII вв. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.
Джаксон Т. Н. 2012. Исландские королевские саги о Восточной Европе: тексты, перевод, комментарий. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
Джонс Г. 2005. Викинги. Потомки Одина и Тора. М.: Центрполиграф.
Димитриу А. 1895. К вопросу о договорах русских с греками. Византийский временник, II (4). СПб. С. 531–550.
Дмитриева Р. П. 1976. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л. С. 217–230.
ДР 1999: Древняя Русь в свете зарубежных источников. 1999. Мельникова Е. А. (ред.) Учеб. пособие для студентов вузов / М. Б. Бибиков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др. Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос.
ДР 2009: Древняя Русь в свете зарубежных источников. 2009. Т. 5: Древнескандинавские источники / сост.:

Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.

ДР 2010: Древняя Русь в свете зарубежных источников. 2010. Т. 4: Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.

Егоров К. Л. 2000. Образование Киевской Руси. М.: АСТ.

Елифёрова М. В. 2018. Рюриково городище: что же откопали на самом деле? // Valla. Т. 4. № 3. С. 87–92. Рец. на кн.: Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с. [текст, ил.], 32 с. [вкл.]. – (Труды ИИМК РАН; т. XLIX)

Еремин И. П. 1947. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л.: Изд-во Ленинградского государственного ордена Ленина университета.

Жих М. И. 2009. Древняя Русь и ее степные соседи: К проблеме Русского каганата // Русин. № 3 (17). С. 147–157. Рец. на кн.: Галкина Е. С. 1) Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002; 2) Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н. э.) М.: Прометей, 2006.

Жих М. И. 2015. Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Исторический формат. № 2. С. 7–28.

Завьялов В. И. Терехова Н. Н. 2012. Технологические инновации в кузнечном ремесле Белозерья // КСИА. № 226. С.255–267.

Завьялов В. И., Терехова Н. Н. 2015. Феномен «трехслойной технологии» (высокие технологии в Средневековье) // Исторический формат. № 4. С. 21–32.

Зеленин Д. К. 1991. Восточнославянская этнография. М.: Издательство «Наука».

Зиборов В. К. 1981. К истории предания о смерти князя Рюрика в г. Корела // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л.: Издательство «Наука». С. 251–254.

Зиборов В. К. 2002. История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб. пособ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.

Зимин А. А. 1999. Правда русская. Издательство: М.: Древлехранилище.

Зыков Э. Г. 1969. Известия о Болгарии в Повести временных лет. ТОДРЛ. Т. XXIV. Л.

Ибн Хордадбех. 1986. Книга путей и стран / пер. с арабского, коммент., исслед., указатели и карты Наили Велихановой. Баку: Элм.

Иванов С. А. 2003. Гипотеза К. Цукермана и византийские источники о христианизации Руси в IX в. // Славяноведение. № 2. С. 20–22.

Иванова И. В., Иванова Н. Ю. 2012. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести. С.124–144.

Иловайский Д. И. 1996. Начало Руси. М.: Чарли, Алгоритм.

Исландские саги. 1999. Смирницкая О. А. (отв. ред.). Т. II. Санкт-Петербург: Нева.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. 1996. М.: Наука.

История культуры древней Руси. 1948. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура. Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. М.–Л.: АН СССР.

Истрин В. М. 1923. Замечания о начале русского летописания (начало). ИОРЯС.1921. Т. XXVI. Петроград.

Казанский М. 2015. Вооружение и конское снаряжение славян // Stratum Plus. № 5. С. 43–95.

Калинина Т. М. 2001. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999. М. С. 190–210.

Калинина Т. М. 2003. Восточные источники о древнерусской государственности (К статье К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // Славяноведение. № 2. С. 15–19.

Калинина Т. М. 2009. Рассказ об «острове русов» в сочинениях X–XVI вв. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 47–50.

Карнейро Р. Л. 2006. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Волгоград. центр соц. исслед. [и др.]; под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель. С. 55–70.

Касиковы Х. и А. 1990. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // Скандинавский сборник. XXXIII. Таллин: Олион. С. 98–109.

Кирпичников А. Н. 1961. Мечи Киевской Руси (IX–XI вв.) // СА. № 4. С. 179–197.

Кирпичников А. Н. 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Наука.

Кирпичников А. Н. 2002. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН. С. 34–58.

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. 1985. Вооружение // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Город. Замок. Село. Археология СССР. Т. 15. Москва: Наука.

Классен Х. Дж. М. 2006. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Волгоград. центр соц. исслед. [и др.] ; под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель. С. 71–84.

Клейн Л. С. 1999. Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. № 5. С. 91–101.

Клейн Л. С. 2009. Спор о варягах. СПб.: Евразия.

Клейн Л. С. 2015. «Русь» в системе этнонимов как ключ к происхождению термина // Stratum plus. № 6. С. 283–286.

Клейн Л. С. 2015. Ленинградский неонорманизм — в самом деле? // Stratum Plus Journal. № 5. С. 345–349.

Климов Е. В. 2013. Титулатура правителя в Древней Руси // Вопросы истории. № 8. С. 153–157.

Клосс Б. М. 1980. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука.

Ключевский В. О. 1902. Лекціи по русской исторіи. СПб.: Тип. В. О. Киршбаума.

Ключевский В. О. 2002. Русская история. Полный курс лекций. Том I–III. М.: АСТ, Харвест.

Кожинов В. В. 2011. От Византии до Орды. История Руси и русского слова. М.: ЭКСМО, Алгортим.

Козак Д. Н. 1990. Пшеворская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды) Киев. С. 22–26.

Комар А. В. 2010. «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е. С. Галкиной) // Ruthenica. Т. IX. Киев. С. 93–96.

Комар А. В. 2017. Между Русью и Хазарией: Днепровское Левобережье IX века в свете современной археологии // Colloqia Russica Series I, vol. 7. Rus' and the World of the Nomads (the second half of 9th–16th Century). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, 23th–26th November, 2016. Editor Vitaliy Nagirnyy, Krakow. S. 31–44.

Комар О. В. 2003. Про час і обставини прийняття титулу "хакан" правителем русів // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів. С. 102–107.

Кондратьева О. А. 2011. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси — России». СПб.: Российский этнографический музей.

Коновалов Ю. В.1995. Русско-скандинавские связи середины IX – середины XI вв. // Историческая генеалогия. № 5. С. 42–59.
Коновалова И. Г. 2001. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999. М. С. 169–189.
Коновалова И. Г. 2003. Второе пришествие варягов // Независимая газета, Ex Libris. 16.01.2003. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003-01-16/7_varyg.html, свободный. Дата обращения 09.07.2017.
Коновалова И. Г. 2007а. Еще раз о кагане русов Бертинских анналов // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 16–18 апреля 2007 г.). Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН. С.117–119.
Коновалова И. Г. 2007б. Вхождение Руси в систему политических отношений Хазарии, Халифата и Византии (IX в.) // Средневековая Русь. Вып. 7. М.: Индрик. С. 7–30.
Конча.С. В. 2009. Сім аргументів на користь достовірності «Іоакимова літопису» // Український історичний збірник Вип. 12. С. 284–293.
Конча С. В. 2012. Скандинавские элементы Иоакимовской летописи и вопрос о ее происхождении // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (49). С. 98–111.
Конча С. В. 2013. Scandinavica Іоакимова літопису і проблема достовірності тексту // Український історичний збірник. Вип. 16. С. 240–249.
Корзухина Г. Ф.1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э. // СА. М. С. 61–82.
Корзухина Г. Ф. 1971. Курган в урочище Плакун под Ладогой // КСИА. Вып. 125. С. 59–64.

Костомаров Н. И. 1991. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль.
Котляр Н. Ф. 2007. В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. Вып. 7. Отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик. С. 343–353.
Котляревский А. А. 1881. История русской жизни с древнейших времен. Сочинение И. Е. Забелина т. 1 и 2. 1876–1879. Критическая оценка А. Котляревского. Киев: В университетской типографии И. Завадского.
Крадин Н. Н. 2015. Понятие «племя» в современной антропологии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (18). С. 4–12.
Крузе Ф. 1836. О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // ЖМНП. № 1. С.43–73.
Кузенков В. П. 2003. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. Проблемы источниковедения. 2000. М. С. 3–173.
Кузенков П. В. 2012. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. № 1. С.54–99.
Кузьмин А. Г. 1986. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн. 1, 2. Происхождение народа. М.: Молодая гвардия.
Кузьмин С. Л. 2008. Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XI в.) В: Исследование археологических памятников эпохи Средневековья / отв. ред. А. В. Виноградов. СПб.: Нестор-История. С. 69–94.
Кулешов В. С. 2017. Золотые браслеты русов IX–XI вв.: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. / Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб: ИИМК РАН, ООО «Невская Книжная Типография». С. 253–258.

Кулешов С. В. 2018. Дирхамы Рюрика? Горизонт Рудавин – Клюковичи – Коппарсвик, псевдокуфические пунсоны и происхождение династии Рюриковичей. Государственный Эрмитаж. Чтения памяти Бориса Борисовича Пиотровского. Санкт-Петербург, Эрмитажный театр, 14 февраля 2018 г. Доклад, слайды. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.academia.edu/35874697/Дирхамы_Рюрика_Горизонт_Рудавин_Клюковичи_Коппарсвик_псевдокуфические_пунсоны_и_происхождение_династии_Рюриковичей_Санкт-Петербург_Эрмитажный_театр_14.02.2018, по регистрации. Дата обращения 08.08.2018.

Кулькова М. А., Плохов А. В. 2013. Сосуды типа «Татинг» из Нижнего Поволховья и Сен-Дени по данным естественнонаучных исследований // Археологические вести. Вып. 19. СПб. С. 139–149.

Куник А. А. 1864. «Замечания» [на М. Погодин. Г. Гедеонов и его система] // Записки Императорской Академии наук. Т. 6. Прилож. № 2. С. 73–84.

Кучкин В. А. 2010. Был ли русский Север Варягией в праиндоевропейское время // Российская история. № 4. С. 192–207

Лебедев Г. С. 1974. Шведские погребения в ладье VII–XI веков // Скандинавский сборник XIX. Таллин: «Ээсти Раамат». С. 155–186.

Лебедев Г. С. 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат.

Лебедев Г. С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: ЛГУ.

Лебедев Г. С. 1994. Русь, Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира // Старожитності Русі – України. Київ. С. 146–153.

Лебедев Г. С. 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия.

Левченко М. В. 1951. Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева // Византийский временник. Т. IV. С. 149–159.

Левченко М. В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во АН СССР.

Линниченко Н. А. 1883. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись// ЖМНП. Октябрь. С. 246–257.

Лисин Б. 1988. Откуда родом Рюрик? // Литературная Россия. № 5. С. 22.

Лисюченко И. В. 2016. Титулатура правителей Руси и хазарское влияние: между христианством и язычеством (князь, каган или король) // Вестник Ставропольской духовной семинарии. Вып. 2 (2). Ставрополь: Издательский центр СтДС, Дизайн-студия Б. С. 72–89.

Литаврин Г. Г. 2000. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб.: Алетейя.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. 2006. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик.

Ловмянский Г. 1963. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин. С. 221–250.

Лушин В. Г. 2016. Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов / отв. ред. Е. П. Токарева. Зимовники. С. 11–31.

Лушин В. Г. 2017. Легенда о призвании варягов и её главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Книга I. Зимовники. С.100–120.

Ляпушкин И. И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л.: «Наука», Ленинградское отделение.

Мавродин В. В. 1949. Начало мореходства на Руси. Л.: ЛГУ.

Мавродин В. В. 1978. Происхождение русского народа. Л.: ЛГУ.

Макаров Н. А. 2012. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М. — Вологда: Древности Севера. С. 448–459.

Мамонтова М. А. 2017. «Историография Киевской Руси» лекция Б. Д. Грекова в Академии общественных наук (22 апреля 1947 года) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». № 3 (15). С. 457–471.

Мачинский Д. А. 2003. Вновь открытые источники по истории Руси IX–XII вв. // Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 156–252.

Мачинский Д. А. 2009а. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. Вып. XLIX. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 460–538.

Мачинский Д. А. 2009б. Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде / Рюриковом городке и конструкции русского государства, построенного на двуединстве Киева и Невогарда/Новгорода (870–1054 гг.) // Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История. С. 149–176.

Мельникова Е. А. 1999. Князь Игорь в скандинавских преданиях? // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Учебное издание для студентов вузов. М.: Логос. С. 485–488.

Мельникова Е. А. 2000. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: «Восточная литература». С. 143–159.

Мельникова Е. А. 2003. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы, 2001. М.: «Восточная литература». С. 48–92.
Мельникова Е. А. 2008. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М. Индрик. С. 47–75.
Мельникова Е. А. 2009. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. № 3, 5. 2009. С. 56–58, 55–57. Полная версия статьи приведена на портале Ulfdalir. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ulfdalir.ru/literature/735/1953, свободный. Дата обращения 22.05.2018.
Мельникова Е. А. 2011а. Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 109–113.
Мельникова Е. А. 2011б. Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 269–278.
Мельникова Е. А. 2011в. Ладога и формирование Балтийско-Волжского пути // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 441–448.
Мельникова Е. А. 2011г. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 114–122.

Мельникова Е. А. 2014а. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // Средние века. Т. 75. № 3–4. С. 176–192.

Мельникова Е. А. 2014б. Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 5 (1). С. 18–24.

Мельникова Е. А. 2015. Возникновение древнерусского государства в европейском контексте: постановка проблемы // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 9 (152). С. 20–34.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1991. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М. Институт всеобщей истории РАН. С. 219–229.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.1994. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. № 2. С.56–68.

Меркулов В. И. 2005. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. М.: Амрита-Русь.

Меркулов В. И. 2014. Русская Правда и истоки древнерусского права // Русин. № 2 (36). С.104–116.

Меркулов В. И. 2015. Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Фридриха Хемница // Исторический формат. № 2. С. 54–74.

Минорский В. Ф. 1964. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 1. М.: Наука. С. 19–28.

Михайлов К. А. 1995. Захоронение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Новгород и Новгородская Земля. Вып. 9. Новгород. С. 50–54.

Михайлов К. А. 1996а. Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. Вып. 10. Новгород. С. 52–60.
Михайлов К. А. 1996б. Византийские поясные пряжки в северных русских землях // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. С. 30–32.
Михайлов К. А. 1997. Погребение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН. С. 105–116.
Михайлов К. А.2002. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН. С. 63–68.
Михайлов К. А. 2005. Новая находка византийской пряжки на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля: История и археология : Материалы науч. конф. Великий Новгород, 18–20 янв. 2005 г. Великий Новгород. Вып. 19. С. 209–218.
Михайлов К. А. 2006. Элитарные могилы Старой Ладоги на фоне погребальных традиций эпохи викингов // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 1. Нестор-История. С. 47–53.
Михайлов К. А. 2016. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Издательский дом «Бранко».
Михеев С. 2004. Изгнание варягов // Норвежский информационный центр и библиотека. (По материалам сайта fennoscandia.ru, 14.07.2004.) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.norge.ru/lnic/july04.html,

свободный. Дата обращения 10.07.2018. Рец. на кн.: Сборник Русского исторического общества. № 8 (156). Антинорманизм. М.: «Русская панорама», 2003.
Мишин Д. Е. 2002. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем Средневековье. М.: Институт Востоковедения РАН.
Мишин Д. Е. 2003а. [Рецензия] // Славяноведение. № 4. С. 93–96. Рец. на кн.: Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М., 2002. 432 с.
Мишин Д. Е. 2003б. Викинги в мусульманской Испании // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. № 5. С. 32–41.
Молдован А. М. 2018. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Словѣне. Международный славистический журнал. Московский педагогический государственный университет. М.: Т. 7. № 1. С. 8–26.
Молчанов А. А. 1992. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М.. Институт российской истории РАН. С. 44–47.
Мошин В. А. 1931. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavika. Ročnik III. Svarek 1, Svarek 2. Praha. S. 33–58, 285–307.
Мошин В. А. 1932. [Рецензия] // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. V. Прага: Seminarium Kondakovianum. С. 334–338. Рец. на ст.: Беляев Н. Т. Рёрик Ютландский и Рюрик Русских летописей // Прага: Seminarium kondakovianum, 1930. С. 216–270.
Мошин В. А. 2002. Русь и Хазария при Святославе // Из истории русской культуры. Т. II. (Киевская и Московская Русь). М.: Языки славянской культуры. С. 47–66.

Муравьева Л. Л. 1988. Об «избытке» известий Никоновской летописи (конец XIII – начало XV в.) // Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 140–146.

Мурашева В. В. 2009. «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу») // Российская история. № 4. С. 174–180.

Мурашева В. В. 2012. Актуальные проблемы исследования Гнёздова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М.: Университет Дмитрия Пожарского. С. 389–405.

Мусин А. Е. 2000. О распространении христианства в Древней Руси IX–XIV вв. на основе данных археологии и письменных источников // Исторический вестник. № 2(6). С. 176–188.

Мусин А. Е. 2017. «Столетняя война» российской археологии // Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Л. С. Клейна / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История. С. 223–244.

Мячикова И. И. 2012а. Этногенез западно- и восточнославянских племен: схемы ретроспекции // Грамота. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 128–134.

Мячикова И. И. 2012б. «Баварский Географ» и идентификация летописных восточнославянских племен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 124–129.

Назаренко А. В. 1990. Русь или руги в Раффельштеттенском таможенном уставе? (Об одном мнимом конфликте между археологией и историей) // Восточная Европа в древности и средневековье: Пробл. источниковедения. Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апр. 1990 г. Тез. докл. М.: Институт истории СССР АН СССР. С. 87–92.

Назаренко А. В. 2012. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М. — Вологда: Древности Севера. С. 12–35.

Назаренко В. А. 1997. О возможной интерпретации захоронения в кургане № 11 плакунского могильника // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. Псков. ИИМК РАН. С. 94–95.

Ненарокова М. Р. 2010а. Эпизод крещения Харальда Клака как «словесная икона» // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 3. Иваново. С. 97–97.

Ненарокова М. Р. 2010б. Эрмольд Нигелл. Из IV песни поэмы «Прославление Людовика, христианнейшего Цезаря» Фрагмент: [Песнь IV, строки 2168–2361] (Перевод и комментарии М. Р. Ненароковой) // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 3. Иваново. С. 173–180.

Несин М. А. 2017. О двух новых монографиях, посвященных новгородским источникам // Valla. Т. 3. № 6. С. 101–114. Рец на кн.: Азбелев С. Н. Летописание Великого Новгорода. Летописи XI–XVII вв. как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама; СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». 280 с.; Новгородские синодики XIV–XVII веков / подг. текстов, исследование Т. И. Шабловой. СПб.: Алетейя, 2017. 326 с.

Несин М. А. 2018. Выпуск памяти С. Н. Азбелева в антиисторическом формате // Valla. Том 4, № 5. С. 79–109.

Нефедова Н. К. 1958. Куда ездили древние русы — в Андалусию или Анатолию? // Советское востоковедение. № 4. С. 113–115.

Нидерле Л. 1956. Славянские древности. М.: Издательство иностранной литературы.

Никитин А. Л. 1991. Первый Рюрик — миф или реальность // Наука и религия. № 4. С. 34–39.
Никитин А. Л. 2001. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.: «Аграф».
Николаев В. Д. 1981. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // Византийский временник. Т. 42. С. 147–153.
Николаев Д. С. 2011. Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // Именослов: история языка, история культуры / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С.184–199.
Николаев С. Л. 2012. Рёрик Ютландский. Материалы к биографии // Повесть временных лет. Перевод с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Комментарии А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. Статьи А. Г. Боброва, С. В. Белецкого, С. Л. Николаева. Иллюстрации М. М. Мечева. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 469–475.
Николаев С. Л. 2018. Замечания при обсуждении статьи О. Л. Губарева «Оксюморон „Русский каганат“» на сайте Academia.edu // Academia.edu [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.academia.edu/s/bcfa80ef18/оксюморон-русский-каганат, по регистрации. Дата обращения 26.03.2019.
Никольский С. Л. 2004. В ответе за чужой обычай (Византийское право и «закон русский» в русско-византийских договорах X в.) // Historia animate: Памяти О. И. Варьяш: Сб. ст. Ч. 1. М., ИВИ РАН. С. 8–24.
Новосельцев А. П. 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука. С. 355–419.

Новосельцев А. П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука.

Новосельцев А. П. 1993. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. № 1. С. 23–32.

Новосельцев А. П. 2000. Образование древнерусского государства и первый его правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. М.: «Восточная литература». С. 264–323.

Носов Е. Н., Конецкий В. Я. 1974. Исследования в урочище Плакун близ Старой Ладоги // АО, 1973. М.: Наука. С. 23–24.

Носов Е. Н. 1985. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л. С. 147–155.

Носов Е. Н. 1999. Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Stratum plus. № 5. С. 112–118.

Олейниченко А. В. 2017. О происхождении имени Рюрик/Рурик/Рорик // Гуманитарные исследования Центральной России. № 2 (3). С.57–75.

Очерки истории СССР. 1953. Период феодализма IX–XV вв.: В 2 ч. Под ред. акад. Б. Д. Грекова (отв. ред.) и др. Ч. 1, [IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность]. М.: Изд-во Академии наук СССР.

Панкратова М. В. 2012. Роллон Нормандский: между историей и мифом (историографический обзор). Доклад на XVII чтениях памяти Анны Мачинской. 2012. // Ульвдалир. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ulfdalir.ru/literature/0/2421, свободный. Дата обращения 03.06.2018.

Пауль А. 2016. Балтийские славяне. От Рёрика до Старигарда. М.: Книжный Мир.

Пензев К. А. 2007. Хан Рюрик: начальная история Руси. М.: Алгоритм.

Пенской В. В. 2012. От «незнающих боевого порядка» склавов и антов к «стене» Святослава // История в подробностях. № 3. С. 46–53.

Петров И. В. 2003. Государство и право древней Руси. СПб.: Изд-во Михайлова В. А.

Петров И. В. 2012. Западные монетные связи Древней Руси (830-е гг.) // Современные наукоемкие технологии. № 7. С. 8.

Петрухин В. Я. 1994. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет»: К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Вып. 5. М.: Наука. С. 44–56.

Петрухин В. Я. 2001а. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы — 1999. М.: «Восточная литература». С. 127–142.

Петрухин В. Я. 2001б. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. № 4. С. 78–82.

Петрухин В. Я. 2003. Никон и Тмуторокань: к проблемам реконструкции начального летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. XV Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 194–198.

Петрухин В. Я. 2005. Древняя Русь, IX в. — 1263 г. М.: АСТ: Астрель.

Петрухин В. Я. 2008. Призвание варягов: историко-археологический контекст // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М.: Индрик. С. 33–46.

Петрухин В. Я., Каменецкая Е. В. 2008. Пруссия и Русь: средневековый миф и новейшая историография // Славяноведение. № 5. С. 77–83.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. 2004. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М.: Знак.

Платонова Н. И. 1997. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М. С. 69–70.

Платонова Н. И. 2017. «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога // Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. Нестор-История. С. 203–222.

Плетнева А. В. 2015. Истоки роксаланской теории Д. И. Иловайского // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 2 (29). С. 78–87.

Повесть временных лет. Ч. 1. Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Акад. наук СССР. Ч. 1–2. 1-е изд. Часть 1. Текст и перевод. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. Наук.

Повесть временных лет. Ч.2. 1950. Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц Акад. наук СССР. Ч. 1–2. 1-е изд. Часть 2. Приложения. М.; Л., Изд-во Акад. Наук.

Погодин М. П. 1846. Исследования, замечания и лекции. Т. 2. М.: В университетской типографии.

Подосинов А. В. 1997. Некоторые вопросы сакральной ориентации по странам света у древних германцев // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН. С. 38–46.

Поляков А. С. 2003. Военное дело у славян в VI–IX вв. по данным письменных источников и археологии (Вооружение. Тактика. Военная организация) // Общество

и власть: Материалы Всероссийской научной конференции / СПбГУ Культуры и искусства. Науч. ред. А В. Гоголевский. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. С. 7–11.

Поляков А. С. 2006. Военное дело у славян в VI–VII веках (историография, источники, методика исследования): автореф. кандидатской диссертации. / Поляков Александр Сергеевич; СПб: С.-Петерб. гос. ун-т. 2005 г.

Потин В. М. 1970. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. Труды ЛОИИ. Вып. 11. Л. С. 64–80.

Пріцак О. 1997. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саґ) / Відп. ред. О. Мишанич; Ред. кол.: О. Пріцак (голова), О. Мишанич (заступник), Я. Ісаєвич, І. Шевченко. Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України. Т. І. К.: АТ «Обереги».

Пріцак О. 2003. Походження Русі. Стародавні скандинавські саґи і Стара Скандинавія / Відп. ред. О. Мишанич; Ред. кол.: О. Пріцак (голова), О. Мишанич (заступник), Я. Ісаєвич, І. Шевченко. Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України. Т. ІІ. К.: «Обереги».

Пузанов В. В. 2007. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет».

Пузанов В. В. 2017. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства: (факторы и образы политогенеза). СПб.: Издательство Олега Абышко.

Пчелов Е. В. 2000. Происхождение династии Рюриковичей // Труды Историко-архивного института. Т. 34. М. С. 139–183.

Пчелов Е. В. 2001. Генеалогия древнерусских князей IX — начала XI в.: источники, проблемы, интерпретации. М.: РГГУ.

Пчелов Е. В. 2010. Рюрик. М.: Молодая гвардия.

Пчелов Е. В. 2012. Рюрик и начало Руси. М.: Старая Басманная.

Пчелов Е. В. 2013. Происхождение древнерусских князей от Рюрика: устная традиция или летописная конструкция? // Древнейшие государства Восточной Европы. Устная традиция в письменном тексте. 2011. / отв. ред. Г. В. Глазырина. М. С. 418–433.

Пчелов Е. В. 2018. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М.: Молодая гвардия.

Риер Я. Г. 2016. О начальных этапах формирования древнерусской государственности // Вестник славянских культур. № 2 (40). С. 13–32.

Роллестон Т. 2004. Мифы, легенды и предания кельтов / пер. с англ. Е. В. Глушко. М.: Центрполиграф.

Романчук А. А. 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // Stratum Plus. № 5. С. 283–299.

Романчук А. А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии // Stratum Plus. № 5. С. 345–355.

Романчук А. А. 2018. Происхождение клятв русов «оружьем и обручьем»: славянские, германские и кельтские параллели // Revista Arheologică, serie nouă. Vol. XIV. Nr. 1. Pp. 93–107.

Русанова И. П. 1976. Славянские древности VI–VII вв. М.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.

Рыбаков Б. А. 1958а. Русь и страна Андалус в IX–X веках // Советское востоковедение/ № 4. С. 116–119.

Рыбаков Б. А. 1958б. Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М.: АН СССР.

Рыбаков Б. А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука.

Рыбаков Б. А. 1983. (Ред.). История СССР. С древнейших времен и до конца XVIII века. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа.

Рыбаков С. В. 2014. История России с древнейших времен до конца XVII века. Курс лекций. Екатеринбург: УрФУ.

Рыдзевская Е. А. 1978. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Е. А. Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М.: Наука. С. 139–236.

Рябинин Е. А. 1998. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (По материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985) // Скифы. Хазары, Славяне. Древняя Русь. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 165–168.

Сахаров А. Н. 1975. Кий — легенда и реальность // Вопросы истории. № 10. С.133–141.

Свердлов М. Б. 1988. От Закона Русского к Русской Правде / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Юрид. лит.

Свердлов М. Б. 1994. Rorik (Hrørikr) i Gordum // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнических и культурных связей. VI Чтения памяти В. Т. Пашуто. М.: ИРИ. С. 36–37.

Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Серия: Археология СССР. М.: Наука.

Седов В. В. 1995. Славяне в раннем Средневековье / Рос. Гуманит. Науч. Фонд. М.: Ин-т археологии РАН.

Седов В. В. 1998. Русский каганат IX века // Отечественная история. № 4. 1998. С. 3–15.

Седов В. В. 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры.

Седов В. В. 2003. О руссах и Русском каганате IX в. (В связи со статьей К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // Славяноведение. № 2. 2003. С. 3–14.

Селин А. А. 2016. Образ Рюрика в современном пространстве Северо-Запада России // Историческая экспертиза. № 4. С. 89–110.

Семенов И. Г. 2010. К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX первой половине X века // Славяноведение. № 2. С. 3–11.

Серяков М. Л. 2016. Рюрик и Волжско-Балтийский торговый путь // Исторический формат. № 4. С. 169–199.

Сидоров А. И. 2003. Франкское королевство при Каролингах // Теган. Деяния императора Людовика / пер. с лат. и коммент. А. И. Сидорова. СПб.: Алетейя. С. 112–136.

Синицына Н. В. 2012. Опыт прочтения летописной статьи 862 г. // Российская государственность: от истоков до современности. Материалы международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности. Поволжский филиал Института Российской Истории РАН, Министерство образования и науки Самарской области, Самарский Научный центр РАН. Самара. С.15–38.

Слабченко М. Е. 1942. Проложное сообщение о предлетописной Руси // Исторический журнал. № 7. С. 129.

Снорри Стурлусон. 2011. Репринтное воспроизведение издания 1980 г. Круг Земной / пер. А. Я. Гуревич и др. М.: Наука.

Соколов С. В. 2013. О чем спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской Руси // Уральский исторический вестник, Институт истории и археологии УРО РАН. Екатеринбург. № 1(38). С. 122–130.

Сорокин П. Е. 1996. Экспериментальное судостроение и проблемы изучения средневекового судоходства на северо-западе Руси // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 10. Великий Новгород. С. 200–207.

Стасюлевич М. М. 2001. Эрмольд Чёрный. Людовик Благочестивый и норманны (в 826 г.) // История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096) / сост. Стасюлевич М. М. 3-е издание. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Полигон. С. 116–124.

Стеблин-Каменский М. И. 1978. Саги как исторический источник // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: (материалы и исследования). М.: Наука. С. 18–28.

Стеблин-Каменский М. И. 1984. Мир саги. Становление литературы. Л., Наука.

Стефанович П. С. 2006. Клятва по русско-византийским договорам X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М.: «Восточная литература». С. 383–403.

Стефанович П. С. 2012. «Сказание о призвании варягов» или Origo gentis russorum? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 г. М.: Университет Дмитрия Пожарского. С. 513–582.

Стефанович П. С. 2013. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 11. М.: Институт российской истории РАН. С. 19–57.

Темушев С. Н. 2008. Взгляд на восточных славян IX–X вв. с севера Европы и Востока / С. Н. Темушев // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]. Мінск: БДУ. С. 208 – 215.

Темушев С. Н. 2012. Проблема локализации «Русского каганата» IX века // Русское Средневековье: сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексеева / [редкол.: А. Ю. Дворниченко (отв. ред.) и др.]. Москва : Древлехранилище. С. 213–232.

Темушев С. Н. 2014. Образование Древнерусского государства. М.: Квадрига.
Тихомиров М. Н. 1941. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов / [отв. ред. акад. Б. Д. Греков]; Академия наук СССР. М.; Л.: Акад. наук СССР.
Тихомиров М. Н. 1962. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М.: Издательство социально-экономической литературы.
Тихомиров М. Н. 1979. Русское летописание. М.: Наука.
Толочко П. П. 1987. Древняя Русь Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка.
Толочко П. П. 2003. Русь изначальная // Археологія. № 1. С. 101–103.
Толочко А. П. 2005. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Москва: Новое литературное обозрение; (Historia Rossica). Киев: Критика.
Толочко А. П. 2009. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста // Ruthenica. Supplementum 2. Київ: Інститут історії України НАН України.
Толочко А. П. 2015. Очерки начальной Руси. Киев – СПб.: Лаурус.
Толстов С. П. 1946. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // Вопросы истории. № 4. С. 113–124.
Томсен В. 2002. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. (Киевская и Московская Русь). М.: Языки славянской культуры. С. 143–226.
Томсинский С. В. 2013. «Блуждающий каганат русов»: перспективы дальнейшей полемики // Stratum plus. № 5. С. 275–281.
Томсинский С. В. 2018. Чего и следовало ожидать: снова о том же (по поводу ленинградского неонорманизма и статьи Н. И. Платоновой // Исторический формат. № 3–4 (2017). С.154–174.

Третьяков П. Н. 1970. У истоков древнерусской народности. Серия: Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 179. Л.: «Наука».

Туук ван дер Л. 2008. Норманны в Нижних Землях [фрагмент из книги L. van der Tuuk. 'Noormannen in de Lage Landen. Handelaren, huurlingen en heersers' / Omniboek (Utrecht) en Davidsfonds (Leuven), 2008.) / пер. с англ. О. Л. Губарев // Ульвдалир. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ulfdalir.ru/literature/735/3408, свободный. Дата обращения 12.09.2018.

Умбрашко К. Б. 2002. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / Ин-т рос. истории РАН. М.

Успенский Ф. И. 1890. Патриарх, Иоанн VII Грамматик и русь-дромиты у Симеона Магистра // ЖМНП. CCLXVII. Январь. С. 1–34.

Успенский Ф. И. 1915. Первые страницы русской летописи и византийские перехожие сказания // Записки Одесского общества истории древностей. Т. XXXII. Одесса. С. 199–228.

Успенский Ф. Б. 2002. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Фетисов А. А. 2004. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // Российская археология. № 3. С. 89–98.

Фетисов А. А., Щавелев А. С. 2009. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече.

Фомин В. В. 2005. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама.

Фомин В. В. 2009. Происхождение Рюрика и его роль в русской истории // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX–XXI вв. Материалы международной научной конференции

31 октября – 1 ноября 2008 г. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. С. 9–33.

Формозов А. А. 1998. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. № 3. С. 191–206.

Френкель Я. В. 2008. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 53. С. 228–252.

Фроянов И. Я. 1991. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. № 6. С. 3–15.

Фроянов И. Я. 2001. Два центра зарождения русской государственности // Начала русской истории: Избранное. М.: Изд. дом «Парад». С. 752–762.

Харьковский И. А. 2017. Происхождение Рюрика в свете уточнения дат его призвания и смерти // Valla. Т. 3. № 1. С. 22–32.

Херрман И. 1988. Ruzzi. Forsderen Liudi. Fresiti: К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси / АН СССР. Ин-т археологии. М.: Наука. С. 163–169.

Хлевов А. А. 1997. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та.

Хлевов А. А. 2002. Еще раз о Рюрике // История и культура средних веков: актуальные проблемы: тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб.: СПбГУ. С. 46–47.

Хлевов А. А. 2015. Об основных тезисах современного антинорманизма // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Ярославль,

26–27 февраля 2015 г. / Управление культуры мэрии г. Ярославля, МУК «Централизованная система детских библиотек г. Ярославля», Центральная детская библиотека им. Ярослава Мудрого. Ярославль: ИПК «Индиго». С. 34–38.

Цветков С. В. 2012. Князь Рюрик и его время. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ»; М.: Русская панорама.

Ци́ммерлинг А. В. 2004. Исландские саги / пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред и коммент. А. В. Циммерлинга; стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева / под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова. Т. 2. М.: Языки славянской культуры.

Цукерман К. 1996. Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Вып. 6. М.: Индрик. С. 68–80.

Цукерман К. 2001. Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. № 4. С. 55–77.

Цукерман К. 2007. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / отв. ред. Е. Н. Носов и др. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 343–351.

Цукерман К. 2008. О введении византино-русских договоров в текст Начального свода и возникновении Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (33). С. 69–70.

Черных Н. Б. 1985. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам Земляного городища) // Средневековая Ладога. Л.: Наука. С. 76–80.

Шайкин А. А. 2011. «Повесть временных лет»: История и поэтика. М.: Русская панорама.

Шаскольский И. П. 1961. Современные норманисты о русской летописи. // Труды ЛОИИ. Вып. 3. Критика новейшей буржуазной историографии. Сб. статей. М.–Л.: Изд-во АН СССР. С. 335–373.

Шаскольский И. П. 1965. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.–Л.: Наука.

Шаскольский И. П. 1994. Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма // Отечественная история. № 2. С. 155–160.

Шахматов А. А. 1904. Сказание о призвании варягов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук.

Шахматов А. А. 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Типография М. А. Александрова.

Шахматов А. А. 1919. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.: 2-я государственная типография.

Шевченко И. И. 1993. Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский Временник. Т. 54. С. 6–38.

Шинаков Е. А. 2011. Что считать периодом «раннего государства» в процессе складывания Древней Руси? // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. 23. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 324–328.

Шинаков Е. А. 2012. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 34–93.

Шинаков Е. А. 2014. Три первых упоминания русов (росов) конца 30-х — начала 40-х гг. IX в. в международном аспекте // Вестник Брянского гос. ун-та. № 2. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Брянск. С. 158–165.

Шмурло Е. Ф. 1998. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462) /

Е. Ф. Шмурло ; отв. ред. А. А. Корольков; послесл. В. Брачев. СПб.: Алетейя. 1998.

Шорковитц Д. 2010. Происхождение восточных славян и образование Киевской Руси в переоценке постсоветской историографии // Rossica Antiqua. Т. 1. С. 3–53.

Шорохов В. А. 2014. Внешний фактор в истории Руси в конце VIII – середине IX в.: Дис. канд. ист. наук 07.00.02 / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб.

Шорохов В. А., Мещенина А. А. 2016. Поход русов на о. Эгина в 813 году: об одном из историографических мифов военного времени // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5: К 80-летию проф. И. Я. Фроянова / Под ред. д. и. н., проф. А. В. Петрова. СПб. С. 339–350.

Штакельберг Ю. И. 1969. Игрушечное оружие из Старой Ладоги // СА. Вып. 2. С. 252–254.

Шумилов Е. Н. 2014. Северное побережье Малой Азии как объект экспансии и торговли русов в IX–X вв. // Европа. № 13. С. 28–33.

Щавелев С. П. 2012. «В труднейшей обстановке высоко держал знамя науки» (А. А. Формозов о творческом наследии И. И. Ляпушкина) // Сла́вяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). СПб.: СОЛО. С. 34–36.

Щавелев А. С. 2012. К этнической идентификации знатных византийцев по имени Ингер (конец VIII – начало IX в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. 24. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 281–285.

Щавелев А. С. 2013. Русы / росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вт. пол. IX–X в.) // Уральский исторический вестник. № 1 (38). С. 112–121.

Щавелев А. С. 2014. Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга картины Земли. Сб. статей в честь И. Г. Коноваловой / под ред. Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. М.: Индрик. С. 323–329.
Щавелев А. С. 2017. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Назаренко. М. — Вологда: Древности севера. С. 24–48.
Щендрыгин А. Н. Пенской В. В. 2011. Тактика ранних славян и «стена» Святослава в «истории» Льва Диакона (к проблеме военно-технической революции в Восточной Европе в IX–X вв. и образования Древнерусского государства) // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1. Вып. 17. С. 124–130.
Юшков С. В. 1949. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Государственное издательство юридической литературы.
Якуб А. В. 2008. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв.: становление и развитие историографической традиции. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та.
Яманов В. Е. 2002. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. № 4. С. 127–137.
Aggessen S. 1992. The Works of Sven Aggesen, Twelfth-Century Danish Historian. A short history of the kings of Danmark. Translated with introduction and notes by Eric Christiansen. Viking Society for Northern Research. Vol. 9. P. 48–74.
Aguirre V. E. 2013. The Viking Expeditions to Spain during the 9th Century. Odense: Center for Middelalderstudier, Syddansk Universitet, Odense.

Allen W. E. D. 1960. The Poet and the Spae-Wife: An Attempt to Reconstruct Al-Ghazal's Embassy to the Vikings. Dublin: Allen Figgis & Co.

Androshchuk F. 2011. Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus'. // I. Garipzanov & O. Tolochko (Eds.). Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks. Kiev. P. 70–89.

Barcelo M. 1983. Why and how did Andalusian coins-travel to Europa during the Emirate and the Caliphate from 98/716, 717 to 403/1012–1013 // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. No. 36. P. 5–18.

Barford P. M. 2001. The Early Slavs. Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. London: The British Museum Press.

Batey C., Paterson C. A. 2012. Viking burial at Balnakeil, Sutherland // Reynolds, A. and Webster, L. (eds.) Early Medieval Art and Archaeology in the Northern World: Studies in Honour of James Graham-Campbell. Series: Northern World (58). Brill, Leiden, Netherlands. P. 631–662.

Bauduin P. 2008. Harald Klak: un modèle d'intégration à l'épreuve ? // Les actes la Journée d'études, Les élites aux frontières, Université de Marne-la-Vallée, 2006. publ. en févr. 2008 sur le site du LAMOP :

https://lamop.univ-paris1.fr/fileadmin/lamop/publications/Elites-Frontieres/Frontieres_Harald_Klak_Bauduin_2006.pdf Дата обращения 01.07.2018.

Bekker I. 1838. Theophanes continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus... ex recognition. Bonn. Weber E.

Besteman J. 2002. Danish rule in West Frisia: a failed Normandy in the 9th century // Centre – Region – Periphery: Medieval Europe Basel. Vol. 1. Hertingen. P. 446–452.

Boba I. 1967. Nomads, Northmen, and Slavs. Eastern Europe in the ninth century // Slavo-Orientalia. Vol. 2. The Hague–Wiesbaden.

Bolin S. 1953. Mohammed, Charlemagne and Ruric // Scandinavian Economic History Review. Vol. 1. No. 1. P. 5–39.

Braat W. C. 1954. Les Vikings au Pays de Frise. In: Annales de Normandie, 4e année. No. 3–4. P. 219–227.

Bremmer R. H. 2014. The Orality of Old Frisian Law Texts // Rolf H. Bremmer Jr, Stephen Laker and Oebele Vries (eds.) Directions for Old Frisian Philology. Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik Vol.73 / Estrikken 96 (Amsterdam / New York). P. 1–48.

Bremmer R. H. 2018. The Mysterious Dog in Two Old Frisian Eternity Formulas https://www.academia.edu/35334772/The_Mysterious_Dog_in_Two_Old_Frisian_Eternity_Formulas_Draft Дата обращения 12.09.2018.

Brunning, S. E. 2013. The 'Living' Sword in Early Medieval Northern Europe: An Interdisciplinary Study. Doctoral thesis (Ph.D), UCL (University College London).

Cardoso E. 2015. Diplomacy and oriental influence in the court of Cordoba (9th–10th centuries). Unpublished MA thesis. University of Lisbon.

Carlisle T. 2013. The role and status of the smith in the Viking age. MPhil (R) thesis. https://ir.lib.uwo.ca/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1152&context=etd Дата обращения 18.06.2018.

Carstens A. M. 2005. To bury a ruler: the meaning of the horse in aristocratic burials // Vassos Karageorghis / Hartmut Matthäus / Sabine Rogge (eds), Cyprus: Religion and Society — from the Late Bronze Age to the End of the Archaic Period. (Proceedings of an International Symposium on Cypriote Archaeology, Erlangen, 23–24 July 2004). Möhnesee: Bibliopolis. P. 57–78.

Christys A. 2010. The queen of the Franks offers gifts to the caliph al-Muktafi // The Languages of Gift in the Early Middle Ages, edit. Wendy Davies / Paul Fouracre. Cambridge university press. P. 149–170.

Christys A. 2015. Vikings in the South: Voyages to Iberia and the Mediterranean. Studies in Early Medieval History. London – New Delhi – New York – Sydney: Bloomsbury.

Comments on Jörn Staecker: The Concepts of imitatio and translatio: Perceptions of a Viking-Age Past. 2005. (Jörn Staecker, Norwegian Archaeological Review Vol. 38. No. 2. P. 3–28) // Norwegian Archaeological Review Vol. 38. No. 2. P. 113–121.

Coupland S. 1988. Dorestad in the ninth century: The numismatic evidence // Jaarboek voor munt- en penningkunde. Vol. 75. P. 5–26.

Coupland S. 1998. From Poachers to Gamekeepers: Scandinavian Warlords and Carolingian Kings // Early Medieval Europe. Vol. 7. No. 1. P. 85–114.

Coupland S. 2010. Boom and bust at ninth-century Dorestad // A. Willemsen and H. Kik (eds), Dorestad in an international framework. New Research on Centres of Trade and Coinage in Carolingian Times (Turnhout). P. 95–103.

Curta F. 2006. Merovingian and Carolingian Gift Giving // Speculum. Vol. 81. No. 3. P. 671–699.

Davidson G. R. 1952. The Minor objects // Corinth (Results of excavation) XII. Princeton.

Drocourt N. 2018. Ambassadors as Informants and Cultural brokers between Byzantium and the West (8^{th} to 12^{th} c.) // Menschen, Bilder, Sprache, Dinge. Wege der Kommunikation zwischen Byzanz und dem Westen / ed. F. Daim et alii. Mainz. P. 81–93.

Dubois T. A. 1999. Nordic Religion in the Viking Age. The Middle Ages Series, Philadelphia; University of Pennsylvania Press.

Duczko W. 2004.Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden and Boston: Brill.

Einarson L. 2011. Re-forging the smith: an interdisciplinary study of smithing motifs in Völuspá and Völundarkviða, Electronic Thesis and Dissertation Repository. https://ir.lib.uwo.ca/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1152&context=etd Дата обращения 18.06.2018.

Eisenschmidt S. 2011. The Viking Age Graves from Hedeby // S. Sigmundsson (ed.), Viking Settlements and Viking Society. Papers from the Proceedings of the Sixteenth Viking Congress, 2009. Reykjavík. P. 83–102.

El-Hajji A. A. 1967. The Andalusian Diplomatic Relations with the Vikings during the Umayyad Period // Hesperis Tamuda. Vol. 8. P. 67–110.

Feldbrugge F. 2009. Law in Medieval Russia. (Law in Eastern Europe. Vol. 59.) Leiden and Boston: Martinus Nijhoff Publishers.

Gardeła L. 2013. Dead or alive? "Chamber graves" and their inhabitants in the Old Norse literature and Viking-Age archaeology // S. Moździoch et al. (eds.), Scandinavian Culture in Medieval Poland, Wrocław: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences. S. 373–393.

Garipzanov I. H. 2006. The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // Ruthenica. № 5. P. 7–11.

Garipzanov I. H. 2008. Frontier Identities: Carolingian Frontier and the gens Danorum // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe, Brepols Publishers. P. 113–142.

Givan R. U. 1994. Searching for Rurik: a Critical Study of the Use of the Frankish Annals in the Writing of Early Russian History // Journal of the Georgia Association of Historians. Vol. XV. P. 193–201.

Golden P. B. 1982.The Question of the Rus Qaganate // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 2. 1982. P. 87–97.
Gustafsson N. B. 2012. Beyond Wayland: thoughts on early medieval metal workshops in Scandinavia // Historical Metallurgy: Journal of the Historical Metallurgy Society. Vol. 45. No 2. P. 20–31.
Hadley D. M. 2008. Warriors, heroes and companions: negotiating masculinity in Viking-Age England // Crawford, S. and Hamerow, H., (eds.) Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. Oxford University School of Archaeology. P. 270–284.
Halbertsma H. 1982. Frieslands Oudheid (Thesis) (in Dutch and English). Summary. Groningen: Rijksuniversiteit Groningen. P. 791–798.
https://www.rug.nl/research/portal/files/14479568/Halbertsma Дата обращения 16.09.2018.
Härke H. 2014. Grave goods in early medieval burials: messages and meanings // Mortality. Vol. 19. No. 1. P. 41–60.
Heims Kringla Eller Snorre Sturlusons Nordländske Konunga Sagor Sive Historiae Regum Septentrionalium å Snorrone Sturlonide, 1697. Ante secula quinque, patrio sermone antiquo Conscriptae / Ed. Peringskjold J. Wankivianus.
Horák B., Trávniček D. 1956. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavorský geograf) // Rozpravy Československéakademie véd. Rada společenských véd. Praha. Z. 2. T. 66. S. 7–9.
Hraundal T. J. 2009. When and How did the Rūs / Rhos Enter Written Sources? // North and South, East and West: Movements in the Medieval World: Proceedings of the 2nd Postgraduate Conference of the Institute for Medieval Research, University of Nottingham, 30–31 May 2009 / J. Mills, M. Stern (eds.), Nottingham. P. 248–257.
Hraundal T. J. 2013. The Rus in Arabic Sources: Cultural Contacts and Identity. PhD dissertation, University of

Bergen, Center for Medieval Studies. http://bora.uib.no/bitstream/handle/1956/6895/Dr.thesis_T_Hraunda.pdf Дата обращения 17.06.2018.

Humbert B. 2015. La circulation des Scandinaves dans la Rus' aux IXe-XIe siècles perspectives comparées avec les fondations scandinaves occidentales Normandie et îles anglo-saxonnes / Benoît Humbert ; Thèse de doctorat en Histoire médiévale sous la direction de Constantin Zuckerman/ École doctorale de l'École Pratique des Hautes Études n° 472 C. N. R. S. – UMR 8167 : Orient et Méditerranée.

IJssennagger N. L. 2010. Friends, Vassals or Foes. Relations and Their Representations between Frisians and Scandinavians in the Viking Age, Late 8th to 11th Centuries. An analysis of textual and archaeological sources. Research master thesis. University of Groningen, 2010. http://arts.studenttheses.ub.rug.nl/10018/1/ReMa-1555014-N. L. IJssennagger.pdf Дата обращения 25.06.2018.

Ingham N. W., Raffensperger C. 2007. Rurik and the First Rurikids. Context. Problems, Sources // The American Genealogist. Vol. 82. No. 1. P. 1–13, 111–119.

Jackson E. 2016. Old Icelandic Truce Formulas (Tryggðamál). London: Viking Society for Northern Research; University Collège London.

Jakobsson A. 2004. The hunted Children of Kings: A theme in the old Icelandic Sagas // Scandinavica. Vol. 43. No. 1. P. 5–27.

Jończyk Ł. 2010. Rola Ruryka i ludyw skandynawskich w powstaniu Rusi Kijowskiej // Pisma Humanistyczne. Tom. 7. S. 11–19.

Jørgensen M. R. 2010. Constructing History: The Use of the Past as a Model for the Present in the Icelandic Sagas // Collegium Medievale. Vol. 23. P. 5–32.

Kacani R. H. 2015. Ragnar Lothbroke and the semi-legendary history of Danmark. Senior Thesis Presented to The

Faculty of the School of Arts and Sciences Brandeis University Undergraduate Program in the Department of History.

Kislinger E. 1983. Eudokia Ingerina, Basileios I, und Michael III // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinizstik. Bd. XXXIII. S. 119–36.

Knorr F. 1911. Bootkammergrab sudlich der Oldenburg bei Schleswig // Mitteilungen des Anthropologischen Vereins in Schleswig-Holstein. Vol. 19. S. 68–77.

Koncha S. 2012. Bavarian Geographer on Slavic Tribes from Ukraine // Bulletin Taras Shevchenko National Univercity of Kyiv. Ukrainian Studies. Vol. 16. P. 15–21.

Krambs K. L. 2009. Vikingetidens konger. Underskoven.

Kunik E. E. 1850. Kritische Bemerkungen zu den Rafn'scher Antiquites Russes und zu dem Kruseschen Chronicon Nordmannorum // Erster Beitrag, Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de Academie des Sciences de Saint Petersbourg. T. VII. Col. 129–151, 171–224, 273–302, 314–359.

Kurasiński T. 2015. Burials with Buckets in Early Medieval Poland: A Pagan or Christian Custom? // Analecta Archeologica Ressoviensia. Vol. 10. S. 137–198.

Lebecq S. 1989. Frisons et Vikings : remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VI[e]–IX[e] siècles // Les mondes normands (VIII[e]-XII[e] s.) Actes du deuxième congrès international d'archéologie médiévale (Caen, 2–4 Octobre 1987). Caen: Société d'Archéologie Médiévale. P. 45–59.

Lévi-Provençal E. 1937. Un échange d'ambassades entre Cordoue et Byzance au IXe siècle // Byzantion. Vol. 12. No. 1–2. P. 1–24.

Lewis S. 2016. Rodulf and Ubba. In search of a Frisian-danish Viking // Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. Vol. 40. P. 5–42.

Lichačev D. S. 1970. The legend of the calling-in of the Varangians and political purposes in Russian

chronicle-writing from the second half of the XI[th] to the beginning of the XII[th] century // Varangian problems: Report on the 1st Intern, sympos. on the theme "The Eastern connections of the Nordic peoples in the Viking period and Early Middle Ages" Moesgaard-University of Aarhus, 7[th]–11[th] Oct. 1968. Copenhagen. Scando-Slavica; Suppl. 1. P. 170–185.

Lind J. H. 2006. Problems of Ethnicity and the Interpretation of Written Sources on Early Rus // Slavica Helsingiensia. Vol. 27. Slavicization of the Russian North: Mechanisms and Chronology. P. 246–258.

Looijenga J. H. 1997. Runes around the North Sea and on the Continent AD 150–700; texts & contexts. SSG Uitg.

Lot F. Roric. 1970. Ses incursions en Frise, en Flandre, en Angleterre, à Rouen (850–851) // Recueil des Travaux Historiques de Ferdinand Lot. Vol. 2. Geneva and Paris. P. 678–685.

Lund N. 1989. Allies of God or man? The Viking expansion in a European perspective // Viator 20. P. 45–59.

Luque J. M. M.1998. The Vikings in the Iberian Peninsula: Questions to Ponder // Viking Heritage Newsletter. No. 3. P. 8–9.

Mango C. 1973. Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonián Dynasty // Zbornik radova Vizantoloskog Instituta. T. XIV–XV. P. 17–27.

Maund K. L. 1994. A Turmoil of Warring Princes. Political Leadership in Ninth-century Denmark // The Haskins Society journal.Vol. 6. P. 29–48.

Melleno D. 2017. Between borders: Franks, Danes, and Abodrites in the trans-Elben world up to 827 // Early Medieval Europe. Vol. 25. No. 3. P. 359–385.

Melnichuk I. A. 2013. First Foreign-Policy Success of Kievan Commanding Elite in Europe: Byzantine Military Campaign of 860 and Askold's Christianization // European Researcher. Vol. 49. No. 5–2. P. 1314–1320.

Montgomery J. E. 2008. Arabic Sources on the Vikings // S. Brink and N. Price (eds.). The Viking World, Routledge.
Morden L. A. 2007. How much material damage did the nortmen actually do to Ninth-Century Europe? Ph.D. diss. Simon Freser University.
Müller-Wille M. 1976. Das Bootkammergrab von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu / Ed. Schietzel K. Bd. 8. Wachholtz, Neumünster. S. 7–176.
Murasheva V. V., Bronnikova M. A., Panin A. V. 2012. Landscape-Dependant Functional Zoning of the Early Medieval Gnezdovo Settlement on the Upper Dnieper River Floodplain // Geomorphic processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20–24, 2012. Moscow — Smolensk. P. 197–200.
Naismith R. 2005. Islamic Coins from Early Medieval England // The Numismatic Chronicle. Vol. 165. P.193–222.
Nijdam H., Knottnerus O. S. 2018. Redbad, the Once and Future King of the Frisians // M. Baár and S. Halink (eds.), Northern Myths, Modern Identities. The Nationalisation of Northern Mythologies Since 1800 (In preparation: Leiden / Boston).
Noonan Th. S. 1980. When and how dirhams first reached Russia [A numismatic critique of the Pirenne theory] // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 21. No. 3–4. P. 401–469.
Noonan Th.S. 1982. Ninth-century dirham hoards from Northwestern Russia and the Southeastern Baltic // Journal of Baltic Studies. Vol. 13. No. 3. Special issue: Relations between Scandinavia and the Southern Baltic/Northwestern Russia in the Viking Age. P. 220–244.
Noonan Th. S. 1986. Why the Vikings First Came to Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.Vol. 34. P. 321–348.

Nygaard S. 2018. ...nú knáttu Óðin sjá: The Function of Hall-Based, Ritualised Performances of Old Norse Poetry in Pre-Christian Nordic Religion. // The Fortified Viking Age, 36th Interdisciplinary Viking Symposium in Odense, May 17th, 2017 / Ed. Mette Bruus and Jesper Hansen: 26–34. Odense: Odense City Museums and University Press of Southern Denmark. P. 26–34.

Olsen O. 1989. Royal Power in Viking Age Denmark. Les mondes normands (VIIIe–XIIe s.) // Actes du deuxième congrès international d'archéologie médiévale (Caen, 2–4 Octobre 1987). Caen: Société d'Archéologie Médiévale. P. 27–32.

Orning H. J. 2015. Legendary sagas as historical sources // Tabularia. Vol. 15. S. 57–73.

Ostrowsky D. Pagan Past and Christian Identity in the Primary Chronicle // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). I. H. Garipzanov (ed.) Brepols Publishers. P. 229–253.

Ostrowski D. 2012. Systems of Succession in Rus' and Steppe Societies // Ruthenica. Vol. 11. P. 29–58.

Ostrowsky D. 2018. Was there a Rurikid dynasty in Early Rus? // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 52. P. 30–49.

Lená Peterson. 2001. Nordiskt runnamnslexikon (Dictionary of Names from Scandinavian Runic Inscriptions). Språk- och folkminnesinstitutet (Institute for Dialectology, Onomastics and Folklore Research). English translation C. L. Ward.

Pons-Sanz S. 2004. Whom Did Al-Ghazal Meet? An Exchange of Embassies between the Arabs from Al Andalus and the Viking //. Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. Vol. 28. P. 5–28.

Price N. S. 1989. The Vikings in Brittany // Saga Book of The Viking Society for Northern Research. Vol. 22. P. 319–440.

Price N. S. 2008. The Vikings in Spain, North Africa and the Mediterranean // The Viking World / Ed. by Stefan Brink and Neil Price. Abingdon: Routledge. P. 462–469.

Pritsak O. 1977. Origin of Rus // Russian Review. Vol. 36. No. 3 (Jul.). P. 249–273.

Pritsak O. 1988. At the dawn of Christianity in Rus: East Meets West // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12–13. (1988/1989). P. 87–113.

Randsborg K. 1980. The Viking Age in Danemark: the Formation of a State. London: Duckworth.

Riisoy A. I. 2016. Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? // Journal of the North Atlantic. Spec. Vol. 8. P. 141–156.

Robak Z. 2018. The sword and sword-belt in Carolingian times // Studijne Zvesti AU SAV. Vol. 64. S. 149–177.

Roes A. 1963. Bone and antler objects from the Frisian terp-mounds. Haarlem: HD Tjeenk Willink and Zoon NV.

Romgard J. 2016. Did the Vikings trade with China? On a controversial passage in Ibn Khordāhbeh's Book of itineraries and kingdoms // Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research, Vol. 111. No. 4. P. 229–242.

Rowe A. E. 2010. "Sögubrot af fornkonungum": Mythologised History for Late Thirteenth-Century Iceland // Making History: Essays on the Fornaldarsögur / Ed. Martin Arnold and Alison Finlay. London: Viking Society for Northern Research. P. 1–16.

Sawyer P. H. 1982. Kings and Vikings. Scandinavia and Europe AD 700–1100. London; New York.

Scheen R. 1996. Viking Raids on the Spanish Peninsula // Militaria: Revista de cultura military. No. 8. P. 67–88.

Schutz H. 2001. Tools, Weapons and Ornaments: Germanic Material Culture in Pre-Carolingian Central Europe 400–750. Leiden, Netherlands: Brill.

Shafer J. D. 2009. Saga-Accounts of Norse Far-Travellers. Doctoral thesis. Durham University.

Shenk P. 2002. To Valhalla by Horseback? Horse Burial in Scandinavia during the Viking Age. A Master's Thesis in Nordic Viking and Medieval Culture Oslo: The Centre for Viking and Medieval Studies, University of Oslo.

Shepard J. 1974. Some Problems of Russo-Byzantine Relations c. 860–1050 // The Slavonic and East European Review. Vol. 52. P. 10–33.

Shepard J. 1995. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore?// Early Medieval Europe. 1995. Vol. 4. No. 1. P. 41–60.

Sindbæk S. M. 2007. Networks and Nodal Points: the Emergence of Towns in Early Viking Age Scandinavia // Antiquity. Vol. 81. No. 311 (March). P. 119–132.

Staecker J. 2005. The Concept of *imitatio* and *trànslatio*: Perceptions of a Viking-Age Past // Norwegian Archaeological Review. Vol. 38. No. 2. P. 3–28.

Staecker J. 2008. The 9th-century Christian mission to the North // Wulfstan's voyage. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard. Maritime Culture of the North. Vol. 2. Roskilde. P. 309–329.

Stein-Wilkeshuis M. 2002. Scandinavians swearing oaths in tenth-century Russia: Pagans and Christians // Journal of Medieval History. Vol. 28. No. 2. P. 155–168.

Stender-Petersen A. 1934. Die Varaegersage als Quelle der altrussischen Chronik, Aarhus-Leipzig.

Supery J. 2011. Bordeaux, key of Viking invasions? (9 October 2011). https://www.academia.edu/5335217/Bordeaux_key_of_Viking_invasions_in_France Дата обращения 17.06.2018.

Supery J. 2014. Viking place names in Aquitaine: a southern Normandy revealed? https://www.academia.edu/9622070/Viking_place_names_in_Aquitaine_a_southern_Normandy_revealed_ Дата обращения 12.09.2018.

Szajkin A. 2011. Олег Вещий: опыт анализа летописной биографии // Slavia Orientalis. Vol. LX. No. 1, 2011. S. 7–26.

Talbot A. M. 1996. Holy Women of Byzantium: Ten Saints' Lives in English Translation. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks.

Thorvaldsen B. Ø. 2010. The Poetic Curse and Its Relatives // Along the Oral-Written Continuum: Types of Texts, Relations and their Implications. Ed. By Slavica Ranković, Leidulf Melve and Else Mundal, Utrecht Studies in Medieval Literacy 20. Turnhout: Brepols. P. 253–267.

Tompkins R. S. 1938. The varangians in Russian History // Medieval and Historical Essays in Honor of J. W. Tompson. Chicago. P. 465–490.

Treadgold W. 1988. Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus' // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12/13. Proceedings of the International Congress. Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine, 1988/1989. P. 132–144.

Vandermeulen J. 1998. The Frisian tribe: from Caesar to Charlemagne // Canadian journal of Netherlandic studies.Vol. 19. No. 1. S. 1–13.

Vanherpen S. 2013. Violence-motivated far-travel. The case of Auðr djúpúðga. IMC 2013 – International Medieval Congress in Leeds, UK.

https://www.academia.edu/2328706/Violence-motivated_far-travel_the_case_of_Au%C3%B0r_dj%C3%BAp%C3%BA%C3%B0ga Дата обращения 12.09.2018.

Vasiliev A. A. 1946. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge: The Mediaeval Academy of America.

Verkhoturov D. N. 2015. Normanism: What's in a Name? // Valla. Vol. 1. No. 5. C. 57–65.

Vernadsky G. V. 1946. Ancient Russia. New Haven, Yale University Press.

Vierck H. 1984. Mittel- und westeuropäische Einwirkungen auf die Sachkultur von Haithabu/Schleswig // H. Jankuhn, K. Schietzel & H. Reichstein (eds), Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und früstädtischen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zum 11. Jahrhundert n. Chr. Bd. 2. Handelsplätze des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt. S. 366–422.

Vogel W. 1906. Die Normannen und das Fränkische Reich bis zur Gründung der Normandie: 799–911. Heidelberg.

Wamers E. 1994. Konig im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haiðaby // Acta Archaeologica. Vol. 65. S. 1–56.

Wamers E. 2005. Ein dänischer Vasall im Bootkammergrab von Haithabu – Fränkisches Hofzeremoniell im Norden // Die Macht des Silbers. Karolingische Schätze im Norden. Katalog zur Ausstellung im Archäologischen Museum Frankfurt und im Dom-Museum Hildesheim, E. Wamers et M. Brandt (dir.), Ratisbonne. S. 165–172.

Witczak K. T. 2013. Poselstwo ruskie w państwie niemieckim w roku 839. Kulisy śledztwa w świetle danych Geografa Bawarskiego // Slavia orientalis. Vol. LXII. No. 1. S. 25–43.

Woolf A. 1999. The Russes, the Byzantines, and Middle-Saxon Emporia // Anglo-Saxon Trading Centres. Beyond the Emporia. Glasgow: Cruithne Press. P. 63–75.

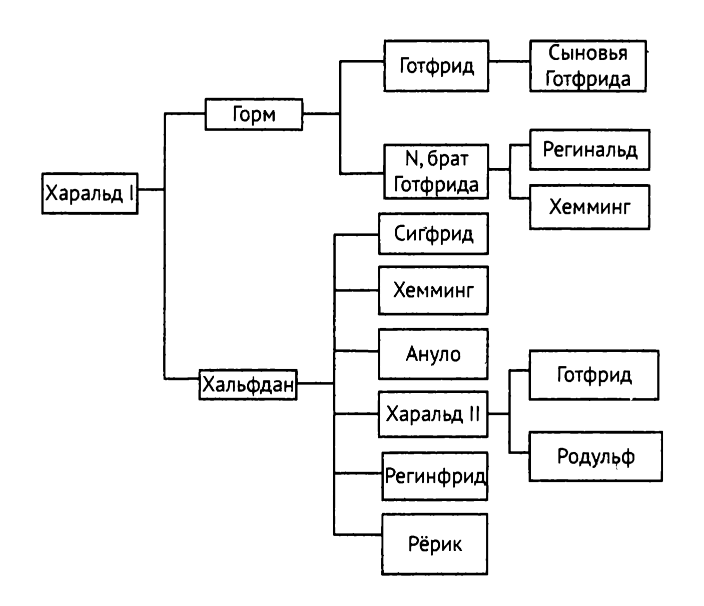
Zuckerman C. 1995. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // Revue des études byzantines. Vol. 53. P. 237–270.

Żuk S. 2001. Muslim Diplomatic Activity on Iberian Peninsula between 711 A. D. and 1252 A. D. A Note on Sources // Studia Arabistyczne i Islamistyczne. Vol. 9. S. 71–90.

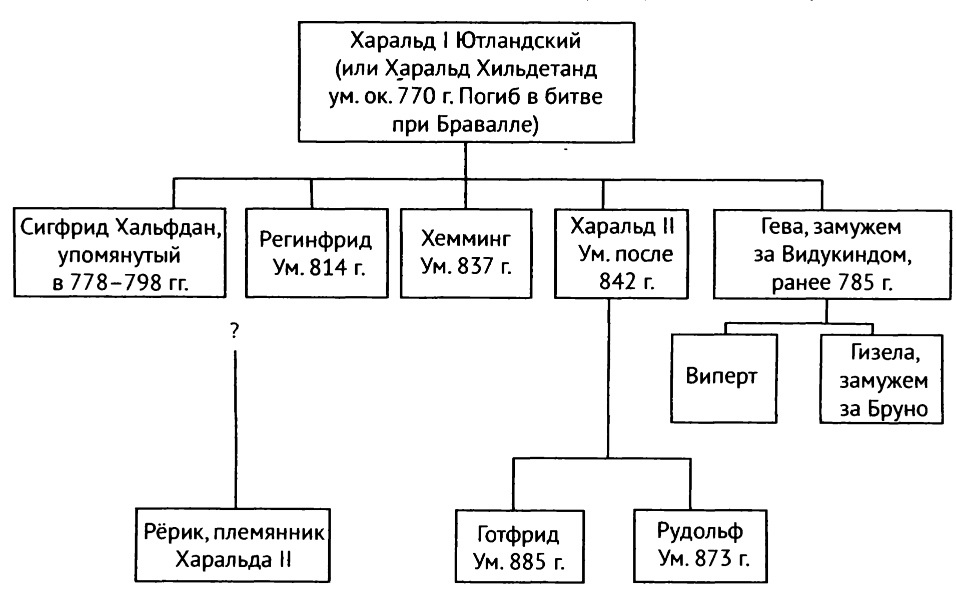
Приложения

1. Генеалогические таблицы

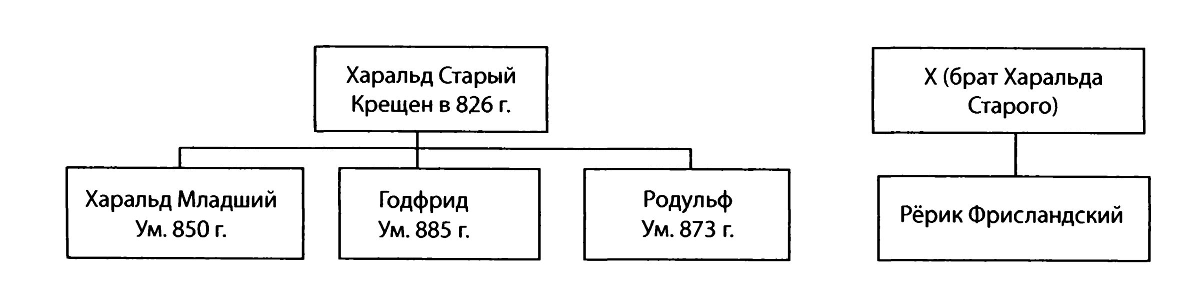
Поколенная генеалогия Скьёльдунгов
по Ф. К. Г. Крузе (Крузе, 1839)



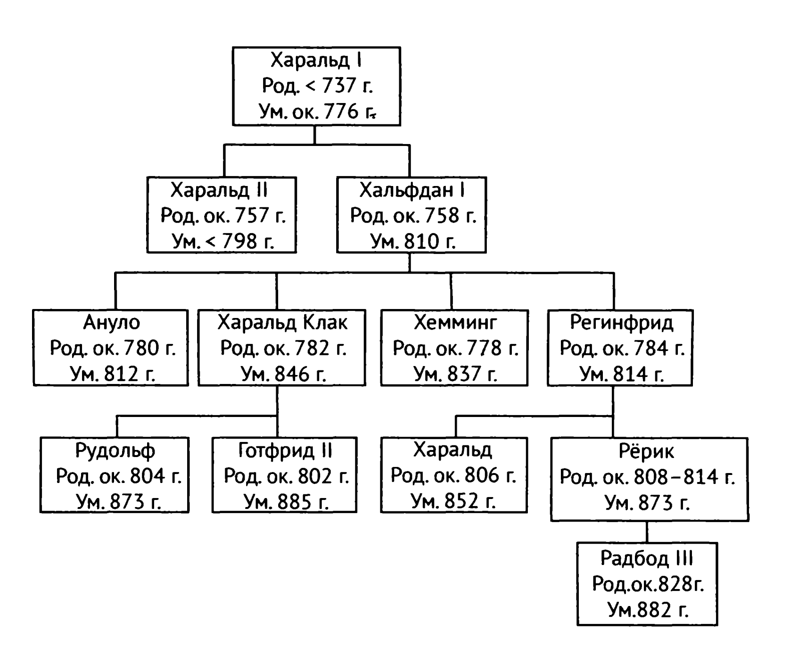
Генеалогия Скьёльдунгов по А. А. Кунику (Kunik, 1850)



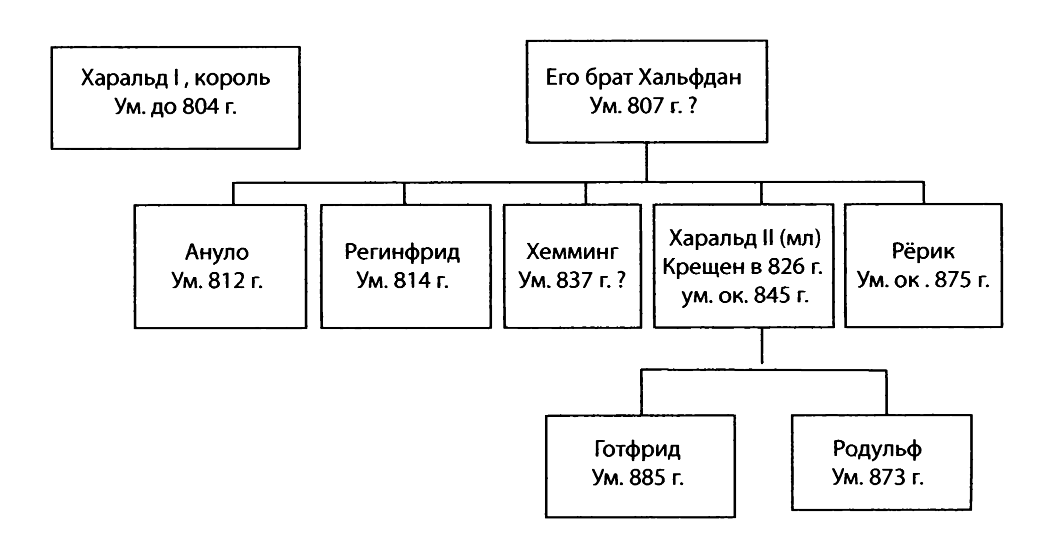
Генеалогия Скьёльдунгов по Ф. Лоту (Lot, 1970)



Генеалогия Скьёльдунгов по К. Крамбсу (Krambs, 2009)



Генеалогия Скьёльдунгов по Фогелю (Vogel, 1906)



2. Комментарий к генеалогическим таблицам

Как видим, генеалогические таблицы Скьёльдунгов у различных авторов значительно отличаются, хотя основные действующие лица примерно одни и те же. Это связано с неясностями в сообщениях анналов франков. Согласно одним сообщениям Рёрик был братом Харальда, а по другим — племянником Харальда. Данное противоречие разрешается, когда в генеалогическую схему вводят Харальда Младшего, о котором также упоминают некоторые анналы. Тогда Рёрик оказывается братом Харальда Младшего и племянником Харальда Клака (Coupland 1988: 95). Как Ф. Крузе, так и А. А. Куник считают Хальфдана («лучшего Скьёльдунга», как называет его «Песнь о Хюндле») сыном Харальда Хильдетанда.

Правда, Куник вводит дополнительно гипотезу о том, что Сигфрид и Хальфдан, о которых сообщается в анналах франков, были одним лицом, но данная гипотеза не была принята историками. Крузе и Фогель считали Рёрика сыном Хальфдана, в то время как Куник и Фердинанд Лот считали его сыном брата Харальда Клака. Это снимает вопрос, высказанный М. Жихом о том, что Рёрик нигде напрямую не назван Скьёльдунгом. К. Крамбс считает его сыном Регенфрида.

Трудно судить об обоснованности гипотетической генеалогии Скьёльдунгов от К. Крамбса (поскольку его книга написана на датском языке, которым автор, к сожалению, не владеет), но если она верна, то у Рёрика оставался во Фризии сын, названный в честь

последнего короля фризов Радбода (Редбада), упорно сопротивлявшегося франкам и даже сумевшего разбить Карла Мартелла. Тогда становится более вероятным предположение А. А. Горского о связях Рюриковичей с династией Священной Римской империи через бабку Оттона Рейнхильду, которая была датско-фризского происхождения и могла быть дочерью Рёрика от брака с представительницей местной знати (Горский 2018).

Гипотеза Крамбса основана на сообщениях Дудо Сан-Кантенского и Гильома Жюмьежского о борьбе Ролло во Фризии с каким-то вельможей Радбодом фризским. Гипотеза спорная, поскольку некоторые историки вообще отрицают пребывание Ролло во Фризии. Генеалогии с использованием сообщений Иоакимовской летописи в таблицы не включены в связи со спорным характером данного источника.

Во всяком случае, данные генеалогические таблицы позволяют получить более ясное представление о родственных отношениях в клане Скёльдунгов и о расхождениях во взглядах историков на их генеалогию.

Summary

Chronicles tell us very little about Rurik, the first ruler of Russia. Rurik in "Tale of bygone years" (Primary Chronicle) is purely legendary figure. Most likely it is due to the fact that the Slavs and the Scandinavians did not have a developed written tradition and knowledge about Rurik we received from the ancient legends and stories. And most importantly the chronicle says that Rurik "with the whole rus'" came from beyond the sea, that is from the West.

Therefore, it is not surprising that historians, since the XIX century, began searching for such a historical figure in the West, which could be associated with Rurik. This figure was the leader of the northmen Rørik of Friesland. Besides matching names, there were many similarities between the two historical figures.

The Nordic hypothesis, while convincingly explaining the origin of Rus' and formation of state in the lands of the Slavs and the Finns, has a number of unexplained questions and contradictions.

The hypothesis of the identity of Rurik and Rørik of Friesland allows us to explain these obscure points of our ancient history and resolve the emerging issues.

According to this hypothesis, along with Rurik/Rørik of Friesland to the East came not just Scandinavians-Danes, but "Frisian Danes", which for a long time stayed

on the territory of the Empire of the Franks. The emperors of the Franks gave out land in Frisia in to holding to the leaders of the Northmen (including Harald Klak and Rørik) with the obligation to pay taxes to the emperor's Treasury and the defend the coast from the Vikings. Rørik of Friesland used these lands as a base in the struggle for the Danish throne. And when it became clear that he lost, he apparently went with his retinue to the East to open new trade routes and expand his holdings. At the same time, he kept his lands in Frisia. And after his death the few remaining Northmen in Frisia with Rørik kinsman Gottfried were killed in 885 in the Betuwe. And, thus, it turned out that Rørik took with him to the East "all Rus", as there was no Northmen left in Frisia.

So far this hypothesis is supported mainly by indirect evidence, but it is well confirmed by archaeological finds at Staraya Ladoga, where apparently came Rurik and his "Frisian Danes".

Содержание

Научное издание

Губарев Олег Львович

Рюрик Скьёльдунг

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Подготовка издания *ИП Трофимов В. Ю.*

Подписано в печать 12.07.2019.
Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 14,7. Гарнитура «PT Sans».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 5434.

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Отпечатано с готовых диапозитивов
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8 (495) 988-63-76, т/ф. 8 (496) 726-54-10

О первом князе Руси Рюрике из летописей мы знаем очень немного. Рюрик в «Повести временных лет» является чисто легендарной личностью. Но главное в летописи все же сказано, согласно летописи Рюрик «со всей русью» пришел из-за моря, то есть с Запада. Поэтому неудивительно, что историки еще в XIX веке начали поиски такой исторической фигуры на Западе, которую можно было бы связать с Рюриком. На эту роль, по мнению очень многих историков, подходит вождь норманнов Рёрик Фрисландский.

Гипотеза о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского позволяет ответить на большинство вопросов и многое объяснить. В пользу данной идеи пока существуют в основном косвенные аргументы, но только эта гипотеза подтверждается археологическими находками в Старой Ладоге, куда, судя по всему, и пришел Рюрик со своими «фризскими данами».


ISBN 978-5-8071-0429-8
9 785807 104298